

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
БАШКИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. М.АКМУЛЛЫ

Мозаика человеческого бытия

УФА 2011

УДК 316.77

ББК 60.5

X10

Мозаика человеческого бытия: Сборник статей под общ. ред. Хазиева В.С. - Уфа: Изд-во БГПУ, 2011. – 224 с.

Сборник статей преподавателей, докторантов, аспирантов, соискателей кафедры философии, социологии и политологии содержит материал, который может быть использован в различных гуманитарных дисциплинах: философии, социологии, политологии, педагогике, психологии и антропологии.

Ответ на вопрос: кто мы? не может быть дан одним предложением. Он в своей сложности рассыпается на множество кусочков, собирающихся во фрагменты и слагающих великую мозаику бытия, основным сюжетом, которой является жизнь человека.

Редакционная коллегия:

Хазиев В. С., д. филос. н., профессор, заведующий кафедрой философии, социологии и политологии БГПУ им. М Акмуллы;

Антошкин В.Н., д. с н , профессор;

Бондаренко В.Н., д. филос. н., профессор;

Садриев М.М., к. с. н., профессор.

Рецензенты:

Урманцев Н. М, - д. филос. н., профессор, заведующий кафедрой философии, социологии и педагогики БГАУ.

ISBN 978-5-87978-710-8

© Авторский коллектив, 2011

© Издательство БГПУ, 2011

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение

Фрагмент I.

<i>Антошкин В.Н.</i> «Управление процессом трансформации общества: результаты и перспективы».....	4
<i>Антошкина А.В., Кочинашвили М.В.</i> «Взаимодействие психологии и соционики как фактор трансформации общества».....	13
<i>Байбурина Д. Г.</i> «Значение знаний в экономической деятельности общества».....	21
<i>Кадикова Р.Ш.</i> «Теории социального капитала в постсоветской социологии».....	30
<i>Каримов Р.А., Тимченко И.П.</i> «Проблемы формирования гражданского общества».....	36
<i>Сафин В.Ф.</i> «Проблема интеллигенции и власти в обыденном сознании».....	43
<i>Титова Р. Д.</i> «Специфика обретения общественного идеала в ходе социализации».....	59
<i>Хисматуллина В.В.</i> «Профессиональная идентификация как реализация способностей и удовлетворения потребностей личности».....	66
<i>Хусаинова А.Х.</i> «Экзистенция человека во «всемирной паутине».....	79
<i>Юмалин Д.А.</i> «Совершенствование коммуникации как фактор трансформации педагогической деятельности в системе образования».....	84

Фрагмент II

<i>Бондаренко В.Н.</i> «Метафизика и трансперсональная психология (на примере исследования взглядов Кена Уилбера).....	94
<i>Герасимов Д.Н.</i> «Ценность: от марксизма к аксиологии».....	100
<i>Ишкильдин В.Н.</i> «Буддийский путь в преодолении человеческого страдания».....	104
<i>Комарова Л.А.</i> «Духовное пространство в свете концептуальных исследований».....	108
<i>Михайличенко Д.Г.</i> «Этос философствования в трансформирующемся обществе».....	113

Фрагмент III

<i>Мельников Е.А.</i> «Классификация как метод познания».....	121
<i>Муллагалиева Л.К.</i> «Становление элементов естественного языка под влиянием искусственных категорий политкорректности».....	123
<i>Романов С. Ю.</i> «Категория «синтагма» в структурализме и постмодернизме».....	138
<i>Хазиев В.С., Хазиева Е.В.</i> «Философия науки, научная философия и философия как наука».....	157

Фрагмент IV

<i>Грановский А.М.</i> «Люцифер – как символ трагедии человечества».....	195
<i>Шубин В.И.</i> «Современный опыт теодицеи и антроподицеи».....	202

Введение

Фрагмент I

*Антошкин В.Н.
Уфа*

Управление процессом трансформации общества: результаты и перспективы

К началу 2011 года Россия снова вступила в эпоху перемен. Сложность ситуации в том, что мы не имеем научно - социологически обоснованного проекта прогрессивного развития общества.

Актуальность исследования проблемы трансформации общества на этапе перелома вызвана тем обстоятельством, что коренное реформирование российского социума так и не было завершено правящим классом. Оно было начато в 1985 году, продолжено в 90-е годы и 2000-2003 гг. Затем этот процесс был свернут под предлогом наступления социально-экономической, финансовой и политической стабильности, установления централизованной унитарной властной вертикали. В то же время, несмотря на доминирование застойных, регрессивных процессов в политике, общество естественным путем, спонтанными усилиями граждан, фирм, организаций продолжает динамично развиваться. Модернизация в РФ идет, как, впрочем, и во всех странах, которые входят в мировую глобальную экономику. Изменения в транспортных коммуникациях и связи, появление цифровых технологий, мобильной телефонии, интернета и нетбуков – все это происходит как результат усилий и действий миллионов российских граждан. Здесь главную и решающую роль играет именно сообщество граждан.

Классическое понимание идеи прогресса включает в себя расширение рамок свободы. Социально-экономический рост возможен тогда, когда устранены все барьеры, которые мешают людям, группам работать, думать, творить. Поэтому основной критерий движения общества вперед и вверх – рост степеней свободы у граждан страны.

Прогрессивная трансформация общества автором данной статьи понимается как дифференциация социально-экономических систем в форме интеграции. Один из социальных законов и одновременно – признак дифференциации – рост специализации и профессионализма. Уменьшение индекса специализированности говорит о деградации общественного организма. Только автономные, самостоятельные элементы испытывают объективную потребность в кооперации, сотрудничестве и интеграции. Естественная, а не насильственная, навязанная силовыми структурами, интеграция, добровольная кооперация на справедливых условиях – критерий поступательного движения общества. Государственные структуры, не учитывающие способности, интересы и потребности

личности, групп, регионов и гражданского общества, порождают рост социальной апатии и отчуждения труда.

Почему исторические и социальные факты не признаются или интерпретируются произвольно? Главная причина – подмена науки и объективной истины идеологией, проявлением которой выступают ложно понятые патриотизм и государственные интересы. Отсюда полуправда, искажение фактов, замалчивание неудобных событий и проблем, односторонность и тенденциозность. Поэтому необходимо в максимальной степени освободить социальную науку от борьбы партий, идеологий, национальных и конфессиональных пристрастий.

Эффективное социально-политическое управление современным динамичным обществом возможно только на базе учета объективных социальных законов, открытых социологией, экономикой, политологией, соционикой – ведущими социальными науками. Так, социологическая информация может быть использована при решении задач государственного управления, связанных с интересами общества, регионов, социальных групп и личности. Социально-экономический анализ – основа проектирования процессов модернизации, технологической инновации, интеграции поликультурного и политипного социума в целостное стабильное общество.

Положения и выводы данной работы базируются на принципах коммуникационного подхода, теориях информационной и энергетической динамики общества, типологического анализа, социального и экономического моделирования. Среди источников следует выделить данные государственной статистики, документы государственных органов, опубликованные в прессе. Показатели, средние числа, баллы и индексы необходимы в социологическом исследовании. Поэтому автор опирается в своих выводах и на индекс человеческого развития ООН, и частные индексы – социального самочувствия, свободы СМИ, экономической свободы, коррупции, стабильности и т.д.

Теоретической и методологической основой выступают типологический социологический и соционический методы в сочетании с уровневый (количественный) подходом при оценке экономической и социальной динамики. Теории линейно направленного прогресса применяются наряду с теориями циклического развития общества, в том числе – социальными законами, открытыми в рамках новой, соционической парадигмы.

В работе учтен базовый постулат теории модернизации о необходимом соответствии друг другу уровня технологического производства, типа социальной организации и типа сознания (культуры) (Berger P., Berger B., Kellner H., 1973)

Современные теории социальных изменений включают в себя три относительно новых подхода: синергетический, соционический,

постмодернистский. Общее у них то, что они научно обосновывают односторонность понимания прогресса как возрастания рационализации социального действия (по М. Веберу). Теории целерационального совершенствования личности и общества доказали свою эффективность в ряде стран Европы, но равноправно с ними существуют практически спонтанного, свободного, самоорганизованного развития. Плюралистичность и поликультурность культур и цивилизаций побуждает ученого к тому, чтобы изучать не только универсальные, но и специфические черты трансформаций в разных странах.

Следует также выделить авторскую концепцию социальных законов как основы эффективного управления (1;2), а так же авторскую теорию интегративного общества, которая развивает идеи П.А. Сорокина (4). Данные концепции позволяют оценить общество качественно (диагностика его социально-экономического типа) и количество (измерить его уровень развития).

Структуру общества можно определить как устойчивые взаимосвязи между его подсистемами – экономической, политической, личностной, духовной, социальной и информационной. Каждая из названных подсистем является относительно автономной сферой общественной жизни. Следовательно, операционально и эмпирически исследовать интегральную динамику общества можно как целостную совокупность изменений в частных подсистемах. Только высокое качество исполнения политических, экономических, личностных, социальных, духовных и информационных функций, выполняемых соответствующими подсистемами, в своем взаимодействии может обеспечить целостность и единство общества.

Экономическая динамика

В 2000 – 2006 гг. были сравнительно высокие темпы роста российской экономики. В экономической сфере наблюдался некоторый рост, шел процесс естественной модернизации. В начале 2000 г. осуществлены системные реформы – решена долговая проблема, достигнута стабилизация макроэкономики, снижение налогов. Указанные реформы дали определенный эффект и создали экономическую основу для стабилизации социальной жизни. В период 2000-2007 гг. ВВП вырос на 70%. Бюджет дефицитный заменен на профицитный. В январе 2008 г. золотовалютные резервы российского Центробанка составили около 480 млрд. долларов, будучи третьими в мире. Российский стабилизационный фонд достиг 157 млрд. долларов (5).

В 2002 году Россия официально признана страной с рыночной экономикой, что открыло новые возможности и увеличение инвестиций.

Качественный анализ показывает, что 2000-2008 гг. характеризуются курсом на укрепление государственных монополий (корпораций), негативной динамикой развития малых предприятий, малого и среднего

бизнеса. Политическая подсистема, преследуя свои групповые интересы, во многом препятствовала эффективному развитию экономики. Законодательная практика в значительной степени была нацелена на создание бюрократических и иных барьеров на пути развития экономической активности населения. Уровень экономической культуры и экономического мышления политической элиты России не соответствует современному этапу развития общества.

Факторы торможения не позволили РФ сделать качественный скачок и изменить устаревшую структуру экономики. Произвол силовых структур и «вертикали власти» не способствовали тому, чтобы российский бизнес вкладывал деньги в долгосрочные инновационные проекты. Более того, в 2000-е годы актуальным стал вопрос об экономической выживаемости бизнеса, а не его участие в технологической модернизации.

РФ занимает 51 место из 58 стран в рейтинге конкурентоспособности швейцарской международной школы бизнеса УМД. В рейтинге благоприятности делового климата за 2009 год Всемирного банка РФ на 120 месте из 183. По данным ВЭФ Россия остается одной из самых экономически закрытых стран – 109 место из 121. В рейтинге защиты прав собственности РФ находится на 87-м месте в мире из 115 стран. Курс на привлечение иностранных инвестиций ограничился политической риторикой (8).

Неэффективность модели экономики, применяемой в 2000-2008 гг., доказывается тем, что она была фактически разрушена во время кризиса 2009г.

Политическая динамика

Общество в РФ за прошедшее десятилетие усложнялось, а политика – упрощалась. В 2003–2008 гг. у нас не появилось ни одной новой партии, а больше 50% старых ликвидированы (в первую очередь, оппозиционные).

По сути, ликвидированы индивидуальные выборы, остались только по партийным спискам. Отмена выборов депутатов – одномандатников свела роль личности в политике к нулю. Устранена сама суть политики – борьба и конкуренция. Российская избирательная система к 2005 году вступила в противоречие с мировыми стандартами.

Российское законодательство, по аналитической оценке автора, отображает в большей степени интересы крупных государственных и коммерческих структур, а не граждан.

За последнее десятилетие отмечен рост бюрократизма (в негативном смысле слова). Энергетически и функционально для общества невыгодно и даже вредно резкое увеличение численности чиновников: новые функции создаются ради самих функций. Это закономерно привело к снижению эффективности управления, энергетическому истощению социального организма.

В мировом рейтинге уровня коррупции Transparency International за период с 2000 по 2007 год Россия с 82 места опустилась на 143 позицию. Рейтинг российской судебной системы – 116 место из 131. Несмотря на некоторые позитивные сдвиги, так и не сформирована самостоятельная «третья» ветвь власти – судебная. Резкий рост расходов на безопасность и правоохранительную деятельность привел не к снижению, а к увеличению преступности в первом десятилетии 21 века. Производительность труда отечественных сотрудников милиции ровно вчетверо ниже американских коллег. При этом на 1000 жителей милиционеров в 3 раза больше чем в Америке (6).

Доля граждан, кто не участвовал в общественно-политической жизни, увеличилась в период с 2004 по 2008 гг. с трети (32%) до половины (45-50%) (7). Данный индекс можно рассматривать как показатель роста отчуждения граждан от власти, что, в свою очередь, характеризует установление фактической монополии в политике, порождающую апатию у людей.

Движение назад к пройденным ступеням общественного развития проявилось в клерикализме – слияние церкви с государством. Государство российское пока нельзя назвать социальным, оно не базируется на экономических или научных законах. Доминирующий мотив в принятии управленческих решений – религиозно-идеологический. Отсюда – бедность и нерешенность социальных проблем, низкие темпы роста экономики и слабое развитие инновационных технологий.

Де-факто упразднен суверенитет регионов и республик. В 2000-2008 гг. законодательные инициативы, относящиеся к совместному ведению, проводятся фактически без учета мнения регионов. Деформированы сам принцип и практика федерализма, что привело к снижению статуса и роли российских регионов, что вошло в противоречие с доминирующей общемировой тенденцией роста значимости регионов.

Итак, в отличие от экономики, где достигнута позитивная динамика, в сфере политики мы констатируем попятное движение, регресс. Сложившаяся в 2000-2008 гг. государственно-политическая система слабо стимулирует процесс модернизации. Более того, данная система, по мнению многих экспертов, выступает главным механизмом торможения и блокировки технологических инноваций.

Социальная динамика

В решении социальных проблем обнаружена позитивная динамика. Снижение уровня бедности и увеличение доходов населения – объективный факт. Реальные доходы населения, по данным статистики, в 2000-2007 гг., более чем удвоилось. Снизился уровень бедности – численность населения с доходом ниже прожиточного минимума уменьшилась с 29% в 2000 г. до менее 16% в 2007 г. (5). Очевидно, что

правительства М. Касьянова и М. Фрадкова характеризуются большей социальной направленностью по сравнению с правительствами 1990-х гг.

По уровню развития человеческого потенциала, Россия – страна со средним уровнем развития. Но если несколько лет назад мы были в 5-6 десятке, то сегодня – на 71 месте в мире (9).

Социальное самочувствие граждан, в связи с нерешенностью ключевых социальных проблем – жилищной, низких доходов, экологической и др., находится на относительно невысокой отметке. Кроме того, отдельные личности и целые социальные группы подвергались социальной дискриминации. Снизился индекс самостоятельности всех социальных субъектов (личность, группа, организация, поселения, регион). Социальная среда для прогрессивной трансформации общества не создана.

Именно отношения самостоятельных субъектов превращают совокупность групп в общество как целостную систему. Эффективное управление, созидающее единство общества, основано на системном подходе и применении в политической практике социальных законов и закономерностей. Как показывает анализ, российские политики в угоду своим групповым интересам, нарушают законы экономики, социальной и духовной жизни. Поскольку социальные законы объективны, как и законы физики, расплата за их игнорирование наступает, пусть и с некоторым запозданием, но неизбежно. Это бремя будет возложено на следующее поколение граждан и политиков.

Информационная и духовная динамика

В информационно-научной и духовной сфере происходили противоречивые процессы. С одной стороны, снизилась стоимость, повысилась доступность и качество интернета, мобильной связи, цифрового телевидения. С другой стороны, ликвидированы независимые телеканалы НТВ, ТВ-6, ТВС, введена фактическая политическая цензура на телевидении, упало качество информационных программ, ухудшились условия для деятельности независимой прессы в регионах, не прекращается практика насилия по отношению к журналистам и остается высокой статистика их убийств.

С одной стороны, усилен государственный контроль над системой образования, с другой – остаются низкими и даже уменьшаются государственные расходы на науку и научную деятельность. Духовная сфера, искусство за период с 2000 по 2010 годы в большей степени подчинены государственной власти, которая определяет, как именно нужно писать художественные произведения, какие фильмы ставить и т.д. Информация в современном обществе усложняется, что требует соответствующего уровня профессионализма, квалификации, образования. Неравенство в доступе к духовным ресурсам остается весьма значительным. Еще больше поляризации наблюдаются в возможностях

духовного воздействия групп и слоев на общество. Укрепив контроль над СМИ, усилив влияние на процесс художественного и литературного творчества, на содержание образования, политическая элита получила возможность манипулировать общественным мнением.

Гармония социальной жизни связана с наличием 4-х самостоятельных ветвей власти – законодательной, исполнительной, судебной и власти СМИ (общественное мнение). Самое слабое звено – СМИ. Поэтому в информационной и духовной сфере регрессивные процессы доминировали над прогрессивными. Так, качество образования в России снизилось в связи с тенденцией его бюрократизации, формализации, обеднением его содержания, отсутствием реальной конкуренции и свободы выбора у субъектов образовательного процесса. Низкий статус ученых и научного знания привел к ухудшению духовного здоровья нации, которая все глубже погружается в пучину идеологических мифов и иллюзий. Архаизм содержания образования входит во все большее противоречие с мировым уровнем развития науки. Освобождение общества из-под господства религии и церкви (секуляризация) ведет к обособлению политической жизни от духовной и наоборот. В самой духовной сфере начинают выделяться самостоятельные подсистемы – эстетика, этика, наука, идеология, образование и т.д. Иначе говоря, прогресс заключается в освобождении науки и искусства из-под влияния религии, а духовной сферы в целом – из-под влияния политики. Однако в РФ наблюдались обратные процессы – идеология и религия во все большей степени проникают в научно-образовательную сферу и художественную культуру, а в области искусства наметилась тенденция укрепления государственной монополии.

Вместе с тем, у общества, социальных групп и слоев в начале 21 века отмечен рост духовных сил, веры в себя, веры в будущее. Искусство и наука, в той мере, в какой они могли самостоятельно творить, также показывали образцы высоких достижений.

Оптимизация управления и проектирования трансформации общества

Проектирование трансформационных процессов предполагает обязательное наличие четырех ступеней:

1. Осознание исчерпанности старых подходов и знаний;
2. Диагностика нынешнего состояния общества и вектора его динамики;
3. Комплексное реформирование общества;
4. Конечное, целевое состояние общества.

Выше было представлено теоретическое и эмпирическое обоснование первых двух элементов тетрады. Далее изложим механизм трансформации социума и построения интегративного общества как конечной (в обозримой перспективе) цели.

Прогрессивное развитие, в авторской концепции – это интеграция автономных, самостоятельных и все более специализирующихся субъектов – от личности до региона. Весь набор ценностей, идеологий при этом будет сохранен, но плюрализм (различие и противоположность) необходимо признать официально. Такое развитие одновременно сохранит и единство страны, и социально-культурное своеобразие субъектов.

Трансформация – преобразование социальных институтов, социальных структур, нередко сопровождающееся их коренной ломкой (10). Это реформирование экономической, социальной, технологической, духовной и информационных сфер посредством создания конкурентоспособных социально-политических систем, основанных на передовом опыте и последних достижениях науки. Исходя из данного определения, успешная трансформация подразумевает системное, комплексное изменение всего социума.

Базисом модернизации общества выступает социально экономическая среда. Алгоритм модернизации включает реформирование основных секторов общества – экономики, политики, права, социальной, интеллектуальной и духовной сферы, личности.

В экономической сфере важно перейти от ручного, силового управления к саморегулируемой интенсивной экономике современного типа, основанной не на добыче и продаже сырьевых ресурсов, а на инновационных технологиях. Развитие национальной экономики может быть успешным только в русле новой, набирающей силу, тенденции глобализации мировой экономики.

Запуск механизма технологической инновации предлагает реформирование государственных институтов и реализацию политической реформы.

Наряду с экономикой важным компонентом базиса трансформации выступает обновление социальной сферы и социальных отношений. Поэтому необходимо социологическое обеспечение экономических преобразований. Экономические реформы должны учитывать потребности различных групп общества в целом и личности. Каждое конкретное решение в сфере национального хозяйства должно быть обосновано и экономически, и социально одновременно. Трансформация общества предполагает нахождение точек пересечения экономических и социальных интересов, которое обеспечит максимум эффективности. Магистральный путь экономических преобразований, основанный на учете законов развития социума, приведет к снижению уровня бедности, увеличению занятости, формированию позитивного отношения к труду и социального партнерства.

Кризисное состояние экономики России можно объяснить тем, что в последние 20 лет игнорировались социальные проблемы и социальные ресурсы малого и среднего предпринимательства, а также трудовой

активности граждан. Рыночные механизмы трансформации должны быть дополнены социальными механизмами, которые будут стимулировать экономическую активность граждан, предотвращать появление добровольных иждивенцев общества. Экономическая выгода в сочетании с социальной неэффективностью приводит, в конечном счете, к экономической неэффективности. Поэтому экономические реформы призваны уменьшить социальную поляризацию, чтобы увеличился численно и улучшился качественно средний класс, который является социальной базой обновленного общества.

В плане освобождения социальной энергии российского общества необходимо осуществить демонтаж бюрократических механизмов торможения.

Социально – экономический фундамент трансформации позволит осуществить интеллектуальное обновление общества, сформировать **новую духовность**, совместимую с объективными экономическими и социальными законами и основанную на полной реализации научного потенциала России.

Будущие исследования современного динамичного общества приобретут ещё большую актуальность, ибо усложнятся мировое сообщество и Россия. Социальная и экономическая практика трансформации будет выступать апробацией положений, выводов и рекомендаций данной статьи. Выявление новых проблем по мере решения прежних проблем послужит главной причиной продолжения исследовательской работы по диагностике типа, уровня и направлений эволюции российского общества. Диагностика типа и уровня развития общества способствует объяснению закономерностей социального и экономического развития и тем самым становится общим ориентиром в определении перспектив развития РФ.

Практическое применение тех или иных научных положений работы в ходе социальной и экономической практики выполняет одновременно и функцию экспериментальной проверки. Гипотезы нуждаются в коррекции в ходе их практической проверки и дальнейших исследований процесса трансформации общества.

Социология трансформации общества объективно исполняет роль научной экспертизы экономической и социальной политики. Любые решения и мероприятия – технологические, экономические, политические и др. – должны, если они касаются интересов общества в целом, тех или иных групп, слоев, подвергаться социологической экспертизе. Такая экспертиза исходит из оценки социальной целесообразности и эффективности политико-экономических решений и мер, затрагивающих духовную, научно–образовательную сферу жизни общества. Такого рода экспертиза должна осуществляться систематически, ибо политическая или финансовая выгода не тождественны социальной эффективности. А

именно от социального самочувствия граждан зависит целостность, единство и стабильность российского общества.

Литература:

1. Антошкин В.Н., Муфтиев Р.Р. Информационно - коммуникативные технологии управления – Москва, 2004.
2. Антошкин В.Н. Развитие российского общества: социальные законы и социальная модернизация г. Уфа, 2007.
3. Berger P., Berger B., Kellner H. The Homeless Mind. Modernization and Consciousness. N.Y.: Random House, 1973.
4. Сорокин П.А. Взаимное сближение Соединенных Штатов к СССР к смешанному социокультурному типу // Сорокин П.А. Человек Цивилизация. Общество. – М. 1992 – с. 16.
5. Немцов Б., Милов В. «Путин. Итоги.» Независимый экспертный доклад – М., 2008.
6. Чиков П. Копы против ментов // Новая газета – 2010 - № 46 – с. 5.
7. Рейтинг конституционных прав и свобод граждан – 2009. пресс – выпуск № 1395. 22.12.2009 [Электронный ресурс; режим доступа]: <http://wciom.ru/index.php?id=268&nid=12955>.
8. Рыжков В. Россия, вперед, наводить макияж // новая газета – 2010 - №75 – с.8
9. Советская Россия – 2010 - №42 – с. 1.
10. Социологический энциклопедический словарь. Ред. Г.В. Осипов – М., 1998 – с. 374

*Антошкина А.В.
Кочинашвили М.В.
Уфа*

Взаимодействие психологии и соционики как фактор трансформации общества

Трансформация общества предполагает создание информационно-научной базы. Прогрессивная трансформация России невозможна без интеграции многонационального общества. По мнению авторов данной статьи, интеграция российского общества связана с интеграцией различных наук - социологии, педагогики, психологии, соционики и др. Решение прикладных задач управления, обучения, воспитания невозможно без применения инструментария различных научных дисциплин. Монодисциплинарный подход достаточен при описании свойств объекта. Когда же ставится задача гармонизации отношений, изменения и преобразования социума, качественного улучшения методов и технологий образования, то возникает потребность многостороннего, комплексного подхода. Именно запросы социальной практики, актуальные нужды людей побуждают нас налаживать сотрудничество между науками, обратиться к междисциплинарным методам

Проблемы, связанные с человеком, решаются только на путях взаимодействия наук. Здесь проявляется тенденция к становлению единой науки - науки о человеке. Успешное развитие биологических наук основывается на физике и химии. Наука о человеке немыслима без данных этих наук, без знаний о высшей нервной деятельности. В качестве примера можно привести феномен совместимости людей и групп, к которому приложимы основные философско-методологические принципы, а также закономерности, открытые в социальной психологии, социологии, соционике.

И в средней, и в высшей школе деятельность преподавателя слабо связана с деятельностью других членов коллектива. Так, в высшем учебном заведении нет разделения труда, каждый преподаватель выполняет свои функции, которые технологически не связаны с задачами других. Ещё слабее связи между кафедрами и факультетами. Характер совместной деятельности факультетов, кафедр и преподавателей скрывает взаимозависимость их работы и влияние на конечный результат.

Объективные особенности педагогического труда препятствуют созданию единой учебно-воспитательной системы. Острее эта проблема стоит перед вузами. Во многих из них недостаточно используются возможности для сотрудничества между смежными кафедрами. Объединяющую роль могли бы сыграть общевузовские кафедры, особенно - предметы социального цикла (психология, социология, экономика, культурология и др.). Связующая функция общеобразовательных предметов определяется их миссией - поднимать уровень общечеловеческой культуры и духовности, учить знанию социальных, юридических, экономических, политических, психологических законов.

Создание эффективной системы подготовки специалистов возможно только тогда, когда социальные предметы стоят на одном уровне с профилирующими дисциплинами. Если же руководство вузов и отдельных факультетов не в полной мере осознало общекультурную и интеграционную роль наук о человеке, не оказывает им должной поддержки, то неизбежно снижается общая результативность работы вуза, его статус и престиж.

Установление тесных контактов между преподавателями различных дисциплин способствует становлению единого коллектива, в котором отношение и к отдельному педагогу будет устойчиво положительным. Межпредметные связи позволяют, таким образом, не только сплотить педколлектив, но и способствуют социально-психологическому сближению преподавателей и учащихся.

Социальные науки - психология, социология, соционика - выступают формой самопознания и самосознания общества. Поэтому без информационного, интеллектуального и инструментального базиса этих

наук невозможно научно обоснованная трансформация российского общества.

При модернизации обществ трансформируются типы и характер входящих в них групп. Современные общества подразделяются на множество групп. В них, кроме групп, сформировавшихся по возрастному и половому признаку, присутствуют группы, образованные на основе общей территории, политической ориентации, группы, имеющие одинаковые интересы в спорте, отдыхе и хобби, и даже группы с аналогичными взглядами. Все эти многочисленные малые группы входят в одну крупную группу - общество, которое в силу своих особенностей и условий придает форму этим малым группам.

Соционика - наука о законах коммуникации в микро - и макросоциуме, о законах отношений между социотипами. Предтечей соционики является швейцарский учёный, психолог, философ, социолог и врач К.Г. Юнг. Он первым разработал структурную классификацию типов людей. В 70-х годах 20 века советский социолог А. Аугустиновичюте дополнила типологию личности теорией интертпных отношений. Как видим, соционика зародилась в результате сотрудничества психологии и социологии.

Сам Юнг относился к своей теории психологических типов, в наибольшей степени его прославившей, породившей наибольшее число последователей, получившей самое широкое практическое применение, скептически. Юнг был глубоко разочарован тем, как его теория была понята и развивалась его последователями. Он выступал резко против понимания и использования своей типологии в качестве системы классификации, назвав это в своем предисловии к аргентинскому изданию «Психологических типов» (1934 г.) «не чем иным, как салонной детской игрой, каждый элемент которой столь же пустячен, как деление человечества на брахи- и долихоцефалов» [6]. Действительно, психологи заимствовали из классической работы Юнга, в которой подробно описаны 8 типов, только 2 типа - разделение на экстравертов и интровертов. Остальные 6 типов в психологической практике не использовались.

И психология и соционика помогают формированию личности современного человека, помогает изучить структуру общества и разобраться в недостатках социальных систем и их устранении. Сейчас не редкость должность психолога в любых государственных и коммерческих организациях. Но нет должности соционика, а почему? Ведь соционика помогает осознавать заложенный в нас природой потенциал, чтобы сделать правильный выбор в отношении многих важных для нас личных вопросов: выбор профессии, спутника жизни, партнера по бизнесу, круга общения и т.п.

Социальные функции психологической науки и её преимущества.

Предмет психологии как науки – это непосредственные процессы и состояния человеческой психики. Психология преимущественно индуктивна, то есть фиксирует частные факты психической жизни, а затем пытается обобщить их. Психология делает упор на динамичные параметры личности. Поэтому широкую популярность приобрели тренинги личностного роста, тренинги общения, лидерские тренинги. Социальные функции психологической науки в основном сводятся к развивающим личностным эффектам.

Существует много различных точек зрения на то, что изучает психология. Психология должна отвечать на вопрос о том, почему человек ведёт себя, так или иначе. Это касается поведения в различных социальных группах, межличностного общения и проявления конкретной личности вообще. Психология ориентирована на процессы и состояния человеческой психики. Для объяснения поведения существует множество понятий, например – психика. Её интересуют прямые свойства межличностной коммуникации. Методы психологии индуктивны, фиксируют частные факты психики, а затем пытаются их обобщить.[3]

Общение используется психологом как социальный механизм управления, что дает возможность получить и передать информацию, необходимую для осуществления определенного действия, принятия решения и др. Знание когнитивных процессов помогает самоутвердиться, продемонстрировать личностный интеллект и психологический потенциал.

Функция социализации способствует развитию навыков культуры различного рода общения. С её помощью партнеры пытаются выразить и понять эмоциональные переживания друг друга. Умению правильно и быстро оценить собеседника, правильно сориентироваться в ситуации учит психология.[7]

В психологической практике легко воспользоваться теми или иными тестовыми методиками, но они малоинформативные, надёжность низка, к тому же они узкоспециализированные. Технологичность хорошая, но в социуме использовать сложно.[5] В социуме работает навык и профессионализм самого специалиста, в зависимости от опыта. Психологическое знание меняет личность человека, и он уже по-другому реагирует на действительность. Он видит в окружающем не ситуации, а психологические процессы, улавливая при этом вербальные и невербальные послылы.

Преимущество психологии заключается в её инструментарии и методическом аппарате. Те знания о человеческих процессах психики, которыми обладают психологи, на сегодняшний день являются ключом к познанию социальных особенностей людей.

Психология как один из источников зарождения соционики

Соционика, в отличие от большинства других дисциплин, предполагает своей целью использование элементов соционического

знания в массовом порядке, по возможности, всеми людьми, для оптимизации человеческих отношений и совместной деятельности.

В начале 1970-х соционика была создана экономистом и социологом Аушрой Аугустинавичюте на основе работы Карла Густава Юнга «Психологические типы» и теории Антония Кемпинского об информационном метаболизме[2]. Юнг стал основоположником соционических понятий. Он давал определение не патологиям, а нормам. За его определениями были здоровые, а не больные люди[5]. Вместо мышления, эмоции, сенсорика, интуиции появились логика, этика, сенсорика, интуиция. Следующим шагом стало – сдвоение названий. И сам Юнг утверждал, что человека определяет не одна, а две функции [4].

Юнговские термины экстравертированный – интровертированный мы заменяем на экстраверт – интроверт. После работ Айзенка появилось мнение считать каждого общительного человека экстравертом, а замкнутого – интровертом. Это ошибочное мнение. В социоанализе установлено, что общительность связана с другой шкалой: логика-эмоции. Иначе говоря, общительными от природы являются эмоционисты. Кроме того, соционика обнаружила, что чистых типов нет. И каждый индивид содержит качества обоих типов, но один из них преобладает. Это и объясняет непохожесть проявления функций, благодаря уникальному сочетанию мы можем говорить о разных проявлениях, но не без закономерностей[2].

Специфика соционической технологии и её преимущества

Соционика интерпретирует жизнь как процесс самореализации личности в соответствии с её природной моделью. Если личность лишает себя возможности исполнить своё природное предназначение, неизбежно возникает скрытая неудовлетворённость, которая выливается в социальные, психологические и физические патологии. [1]

Соционика изучает социотип, то есть обобщенную модель мышления и поведения на всех уровнях – интеллектуальном, социальном, психологическом и физическом [3]. Её интересуют свойства моделированной коммуникации, зашифрованная информация – юнговские архетипы, - образы коллективного бессознательного.

«Соционика – очень интересная наука о неинтересных вещах; ведь человек интересен в первую очередь тем, в чём он отличается от других, а соционика изучает то, в чём он с другими сходен. Однако понять его отличия от окружающих можно только тогда, когда будет изучено то, в чём он похож на подобного себе, а потому знание соционики необходимо» (Г.Р. Рейнин.)[6].

В отличие от психологии, в соционике преобладает метод дедукции: из общих положений выводятся те или иные частные следствия. Специалисты данной науки признают типную природу человека,

пользуются одним и тем же набором признаков для описания личности и единой социомоделью.

Соционика системна. Все понятия строго связаны между собой. Для соционики характерна повышенная сложность диагностики - идентификации типа, так как социотип не является лежащим на поверхности образованием [3]. Именно поэтому в диагностике участвует несколько специалистов, что даёт возможность «попасть в точку». В процесс диагностики вовлекается и сам человек, он должен ознакомиться с вариантами и выбрать наиболее подходящий для себя. При этом есть вероятность ошибки из-за предрасположенности человека к социально выгодным ролям. Но после того как социотип определён мы получаем огромный объём информации о человеке [6].

Соционический подход утверждает, что норма для одного типа оказывается патологией для других.[7]

Опыт сотрудничества соционики и психологии

Психология и соционика - самостоятельные дисциплины и не нуждаются в доказательстве их парадигм. Но, благодаря объединению их усилий, знаний, опыта, можно достигнуть лучшего результата в изучении психики человека и его социальных функций. Научиться мобильно, диагностировать типы личности и получать полную информацию с меньшей затратой времени.

Соционика, как и психология, относительно молодая дисциплина в России. Психология имеет огромный опыт в исследованиях психических процессов, протекающих в личности, проявлении характера, темперамента и пр. Соционика не стремится глубинно изучать психические процессы, а способствует нормализацию отношений в группах и в межличностных отношениях. Соционика может помочь в кадровой работе психологу и подбирать нужные типы на определённые должностные посты.[4]

Один из авторов статьи работает в школе – учителем химии. В последнее время ситуация с преподаванием этого предмета сильно изменилась. Ученики старших классов стали выбирать химию (количество часов). Поэтому теперь, как никогда, необходимо заинтересовывать учеников. В этом помогает соционика. В 8-м классе учитель тестирует учеников, определяя соционические типы. По наблюдениям, химию изучают без проблем логики и интуиты. Сенсорики её осваивают на почве базовых познаний, для применения на практике, но без интереса. Их тоже можно заинтересовать химией, включая в материал уроков больше примеров о практическом использовании химических знаний – опыты. А логики легко усваивают решение задач разных типов. В общем, соционика помогает в проведение уроков наряду с педагогикой.

В обществе часто бытует мнение о неэффективности психологических тренингов. Существует ряд причин, объясняющих это, например: непрофессионализм тренера, отсутствие взаимного контакта

между тренером и участниками, неискренность участников и нежелание открываться в незнакомой обстановке [8]. Последнее можно объясним многими причинами: отсутствием установки на выполнение упражнения и отсутствием мотивации, но самое главное - отношения между участниками. Если собрать группу, которая будет посредством благоприятных отношений активизироваться в работе или наоборот расслабляться (в зависимости от цели тренинга), то потребности участников будут выполняться и не возникнут трудности в адаптации.[6] При наборе в группы нужно учитывать типы участников и цели тренинга. Это облегчит трудности включения в процесс участников и работу тренера. Итак, предварительная социодиагностика необходима при проведении психотренингов.

Е.М.Кривошеев в своей книге приводит пример подобных проблем. Ему как специалисту-соционику довелось сотрудничать с одним из московских психологических центров, относящихся к так называемому «фиолетовому» движению. «Фиолетовые» - это система психологических тренингов, основанная на разработках М.Ридлера. Важным элементом этой системы является активное побуждение участников к откровенному и эмоциональному высказыванию своих желаний. В числе участников был молодой человек, ТИМ которого он определил как ТР («Критик»). Когда ведущий был направлен на этого участника с целью заставить его откровенно выражать свои эмоции и желания, последний надолго впал в глубокий ступор. И лишь когда он посоветовал тренеру просто оставить человека в покое, он через некоторое время (довольно продолжительное) самостоятельно пришёл в себя. Другой случай произошёл там же на упражнении, которое называется «ручейком любви». Его суть заключается в том, что каждому участнику тренинга обеспечивается (ведущими и другими участниками) максимум приятных ощущений вкупе с невербальным выражением сильных позитивных чувств, любви и принятия. В числе участников оказалась молодая женщина, ТИМ которой он определил как РТ («Предприниматель»). Есть основания предполагать, что любви и принятия в жизни этой женщине досталось очень немного. В самом начале она потеряла сознание, и в течение почти 20 минут её не удавалось привести в себя. Такой результат вполне предсказуем с соционической позиции, но поскольку психолог, на хорошем профессиональном уровне знакомый с соционикой - большая редкость, то для ведущих и участников тренинга подобная реакция оказалась совершенно неожиданной.[6, с.84-85]

Нам следует особое внимание обратить на области научной деятельности, в которых РФ имеет приоритет. Так, Россия и Украина обладают безусловным приоритетом в создании новой информационной социальной технологии – соционики. Подобно тому, как россияне не могут научиться делать качественные компьютеры или автомобили, Запад за 20

лет так и не понял всей универсальной глубины и скрытого потенциала соционической парадигмы. Очевидно, Восток, а конкретно – Сибирь, Урал, Уфа, Киев...- не исчерпал потенциал создания и применения инноваций.

Важно заметить, что овладение соционическим знанием открывает дорогу к более высокому уровню интеллекта и новым технологиям мышления. Смена эпох всегда сопровождалась частичным или полным изменением менталитета той или иной социальной структуры. В основе любого менталитета лежит определенная культура мышления. Повышение этой культуры на основе современных технологий мышления будет способствовать оптимизации ментальных процессов сначала в среде профессионалов, а затем, постепенно расширяясь, этот процесс мог бы распространяться и на более широкие слои населения.

Соционика – это методология и методика принятия грамотных управленческих решений. Так, в соответствии с соционической парадигмой, при проведении реформ важно обеспечить равновесие между четырьмя сферами жизни – производственно-экономической, социальной, гуманитарной и научно-исследовательской. Относительная неудача в проведении реформ 1990-х годов объясняется дискриминацией социальной сферы жизни общества. Чтобы свести к минимуму отрицательные социальные последствия реформ, нужно было привлечь в управленческую команду представителей определенных социотипов.

Гражданам в постсоциалистических странах дали свободу, а получили рост преступности. Реформаторы не продумали компенсирующие меры по всем 4-м сферам общественной жизни. Социоанализ также позволяет учесть менталитет российского человека как представителя определенного социотипа.

Вторая сфера, которая находилась в ущемленном положении в 1990-х и 2000-х гг. – научно-исследовательская. Гуманитарные и идеологические меры, принятые в эти годы, носили во много субъективный и утопичный характер. Для уменьшения субъективизма и утопичности будущих программ, необходимо привлечь в качестве экспертов независимых экономистов, социологов, политологов и специалистов по соционике. Чисто гуманитарные и технократические идеи, не подкрепленные строгим научным анализом, обречены на провал.

Безболезненно не проходит ни один инновационный процесс. Модернизация социально-политической системы затрагивает личные интересы многих влиятельных должностных лиц. Поглощения, слияния, объединения, механические сокращения бюджетных расходов не дадут даже временного эффекта, если не будет применен на практике соционический закон компенсации. К 2010 году уже наблюдается перекося в военно-технологический полюс. Социальная и научно-исследовательская сферы жизни по-прежнему находятся на голодном

пайке. Современные научные социальные и интеллектуальные технологии пока не востребованы и не задействованы.

Сегодня соционика является принципиально новой технологией, которая использует объективные научные основы для гармонизации и гуманизации отношений. Здесь сочетаются наука и этика. Это даёт возможность применять её как в обучении, так и в воспитании. Однако не только соционике, но и таким дисциплинам как культурология, социология, политология, право, социальная психология, экономика, отводится слишком мало места в учебных программах. Такое отсутствие коммуникативных дисциплин не позволяет молодёжи в достаточной мере обрести навыки социального общения, саморазвития, стать полноценной личностью и гражданином.

Соционика не заменяет психологии, педагогики, социологии, а даёт практичный способ их укрупнения, проверки, упорядочения и дополнения.[5] С другой стороны, не стоит ограничиваться соционикой, а дополнить свои познания психологическими. Для эффективности управления деятельностью, нормализации отношений, создания оптимальной рабочей атмосферы необходимо сотрудничество психологов и социоников.

Литература:

1. Антошкин В.Н. Соционика как универсальная технология жизни: на пути к соционизированному обществу - Международный Институт Соционики: Соционика, методология и психология личности. № 3(84), 2009.
2. Аугустинавичюте А. Социон. – М.: Чёрная белка, 2008.
3. Гуленко В. В. Менеджмент слаженной команды - М.: ООО «Издательство Астрель», 2005.
4. Гуленко В. В. Структурно – функциональная соционика - К.: Транспорт України, 1999.
5. Гуленко В.В. Тыщенко В. П. Соционика идёт в школу - М.: Чёрная белка, 2010.
6. Кривошеев Е.М. Соционика глазами психолога. – М.: Доброе слово: Чёрная белка, 2005.
7. Прокофьева Т.Н., Прокофьев В. Г., Десяткин А. С. Соционика для профессионалов. Соционические технологии в педагогике и управлении персоналом. – М.: Изд-во «Алмаз», 2008.
8. Шевелёва Л. Н. Программы социально – психологических тренингов - СПб.: «Питер», 2008.

*Байбурина Д. Г.
Чиммы*

Значение знаний в экономической деятельности общества

За последнее десятилетие настолько изменилось экономическое состояние общества, обусловленное применением высоких технологий,

что старые качественные характеристики работника, связанные со знанием фактического материала, стабильностью рабочего места, привязанностью работника к выполнению одних и тех же функций в течение всей своей профессиональной жизни, подвергаются сомнению. На смену им приходят иные качества личности, определяющей лицо общества XXI века: гибкость, мобильность, умение ориентироваться в информационном пространстве, работать в команде и заинтересованность в приумножении ценностей всего общества в целом. Современное экономическое развитие все в большей степени связывается с созданием объективной основы для осознания человека как основной движущей силы хозяйственного прогресса. Доминирующая роль высококвалифицированного творческого труда становится определяющим фактором развития нового типа общества и присущей ему экономики. Происходит формирование человека с разносторонними социальными и интеллектуальными потребностями. В начале XXI века ведущие мировые державы убедительно демонстрируют, что наука, образование и профессиональная подготовка играют решающую роль в обеспечении конкурентных преимуществ перед другими странами.

Основной акцент на данном этапе развития экономики постепенно переносится с накопления воспроизводимых человеком материальных активов на формирование и развитие самого человеческого капитала. Иными словами, происходящая смена приоритетов характеризует переход к качественно иному типу экономического развития, базирующемуся на создании и воспроизводстве человеческого капитала. Так, сейчас успех современного предприятия определяется не столько численностью персонала, сколько наличием среди работников людей, способных создать новое изделие или услугу, найти новый способ организации производства, уловить процесс формирования новых потребностей в рыночной сфере и адекватно отреагировать на него.

В экономике, основанной на знаниях, это становится особенно важным и актуальным. Это понятие отражает признание того, что научные знания и специализированные уникальные навыки человека становятся ключевым фактором развития материального и нематериального производства. В экономике, основанной на знаниях, главным источником производительности становится усиление роли способностей человека в создании и эффективном использовании новых научных знаний. Этот процесс во многом обуславливает социально-экономический прогресс общества, основанного на знаниях, и высокие темпы экономического роста.

Преобразование знаний в главный стратегический ресурс, смена производственной деятельности творчеством, конечно же, изменяет роль человека в современных экономических отношениях и доказывает теоретическую и практическую значимость знаний для определения стратегических целей развития общества.

В экономике, основанной на знаниях, наблюдается постепенная смена приоритетов в достижении результатов человеческой деятельности. Это обусловлено тем, что одним из основных условий дальнейшего развития экономики является достижение обществом в целом и большинством его членов в отдельности уровня благосостояния, достаточного для формирования новой системы ценностей. Хотя на современном этапе развития в структуре человеческого капитала и не возникает кардинальных изменений, стоит отметить усиление роли некоторых его элементов. Так, в данной ситуации ключевое значение приобретает не только увеличение объема знаний человека, но и его умение потреблять и создавать новые знания; не столько его способности качественно выполнять конкретные функции, сколько умение концептуально мыслить, выдвигать новые идеи, принимать неординарные решения, действовать в противоречивых ситуациях. В результате при переходе к экономике, основанной на знаниях, все большую важность приобретают творческие способности человека, что, в свою очередь, ведет к изменению его системы ценностей. А это в свою очередь предопределяет изменение основных видов человеческой деятельности и ее результаты.

Рассмотрим некоторые тенденции, которые позволяют говорить об изменении в условиях становления экономики, основанной на знаниях, содержания понятия «человеческий капитал»:

- стремление к самоусовершенствованию, моральному удовлетворению, повышению социального престижа становится основным результатом использования человеческого капитала в хозяйственной деятельности, а не только получение каких-либо материальных выгод;

- человеческий капитал представляет собой неотделимую часть самого человека, но, в то же время, человеческая личность не должна быть сведена лишь к узкой специализации своей профессии, его конкретному образовательному уровню или состоянию здоровья;

- основным фактором экономического развития становится непрерывный процесс формирования человеческого капитала;

- способность к саморазвитию в процессе формирования и использования человеческого капитала приобретает огромное значение

По мере становления знаниеёмкого типа развития идет усиление значимости двух основных элементов человеческого капитала: знаний и способностей по их преобразованию. Человеческий капитал - это совокупность знаний и творческих способностей, а также умений и навыков, здоровья, личных качеств и мотиваций, накапливаемых за счёт инвестиций и используемых в производственно-хозяйственной деятельности с целью получения ими как будущего дохода, так и материального и морального удовлетворения, повышения социального престижа, саморазвития, содействующих росту национального богатства. Заметное изменение качества и роли работника под влиянием

происхождения нового, знаниеёмкого пути развития стало одним из главных оснований для широкого использования понятия «человеческий капитал». Повысилось значение и роль знаний и творческих способностей, соответствующим образом изменились и человеческие качества. Соответственно начали бурно расти объемы использования высококвалифицированной рабочей силы, воспроизводство которой требует крупных затрат на образование, здравоохранение и т.п. Перед предпринимателем встала проблема приобретения и использования в производстве не просто рабочей силы, а работника, цели, организация и результативность которого задаются извне. Возникла новая задача - взаимодействия с человеком творческой деятельности.

В экономике, основанной на знаниях, во все большей степени характеризующейся постепенным расширением сферы творчества, ведущую роль начинают играть творческие способности, как самого человека, так и всего общества в целом.

Деятельность, результатом которой является создание новых материальных и духовных ценностей является «творчеством». Творческая деятельность, приходящая на смену физическому, монотонному труду, сохраняет черты осознанной деятельности. Однако при этом она направлена не столько на производство, сколько на изменение самого человека. Результатом является такая форма деятельности, в которой производство и досуг неразделимы ни во времени, ни в пространстве, однако ход развития обоих процессов в значительной мере зависит от того, насколько они способствуют внутреннему совершенствованию самого человека.

Продукты, являющиеся результатами творческой деятельности, оказываются, как правило, невозпроизводимыми. Кроме того, творческая деятельность в отличие от монотонного труда не признает четкой зависимости между затратами и результатами. Более того, в отличие от монотонного труда, творчество - процесс сугубо индивидуализированный, а человеческий капитал каждого конкретного человека, задействованного в общественном производстве, превращается в уникальный. Соответственно формирование человека, обладающего творческими, новаторскими способностями, превращается, с одной стороны, в главную задачу, а с другой - в главный источник экономического развития современного общества.

Изменяется роль человеческого капитала в экономике, основанной на знаниях. Так, если в рыночной экономике человеческий капитал воспринимается, как мера воплощенной в человеке способности приносить доход, то в новом типе экономики его роль расширяется. Особую значимость приобретает то, что человеческий капитал становится источником саморазвития, самосовершенствования человека. А это, в свою очередь, является характерной чертой экономики, основанной на знаниях.

Творческие мотивы человеческой деятельности, стремление реализовать себя, свои способности постепенно выходят на первый план. В работах представителей новой исторической школы в начале XX века получили свое развитие идеи выделения технологического признака в качестве основного критерия периодизации мирового сообщества. Особо анализировались технологические аспекты общественного производства: идея выделения стадий технологического прогресса дополняется в работах институционалистов концепцией структуризации секторов общественного производства.

Во второй половине XX века возник целый ряд последовательно сменявших друг друга различных концепций развития «нового» общества: теория постиндустриализма, теория постмодернизма, теория информационного способа развития и теория общества, основанного на знаниях.

Тема общества, основанного на знаниях, является неотъемлемой частью современных разработок по новому типу общества. Более того, теория общества, основанного на знаниях, не только дополняет, но и объединяет ключевые аспекты вышеперечисленных концепций. Во всех данных учениях довольно четко прослеживается тот факт, что именно знания, а не информация как таковая становятся стратегическим ресурсом, главным источником производительности и непосредственной производительной силой формирующегося нового типа хозяйствования.

В концепции общества, основанного на знаниях, ярко выражена абсолютизирующая роль научного знания так же как в теории постиндустриального общества. Но, в отличие от теории знание-емкого типа развития, концепция постиндустриализма в большинстве случаев не дает возможности анализа причин того развития, которое привело к становлению индустриального, а позднее и постиндустриального общества. Переход от одной формы общества к другой рассматривается скорее как данность, а не как естественно-исторический и социально-экономический процесс.

Сосредоточение главного внимания не только на экономической стороне жизнедеятельности, но и на социальных проблемах общества в целом, и конкретного человека в частности, и есть основное сходство теории общества, основанного на знаниях, и концепции постмодернизма. При этом большинство исследований показывает, что постмодернисты в своих трудах делают основной акцент на культурно-философские аспекты бытия, в некоторой степени игнорируя реальные социально-экономические проблемы общества.

Сходство с теорией общества, основанного на знаниях, и информационного общества обуславливается тем, что обе эти концепции делали основной упор на конкретные факторы – знания и информацию. Несмотря на то, что данные теории являются смежными, в них заложено

одно существенное различие. Так, концепция информационного способа развития исходит из информационно-технологической революции - основы информационного общества [1, С. 161], в то время как концепция знание-емкого типа развития основывается на не отделимых от личности знаниях и творческих способностях человека - фундамента экономики, основанной на знаниях. Как следствие, становится очевидным различие и между такими понятиями, как «экономика, основанная на знаниях» и «информационная экономика».

Большинство исследователей, при раскрытии сущности понятия «информационная экономика», в качестве основного признака на первый план выносят производство и потребление информации, развитие информационно-коммуникационных технологий. Что же касается «экономики, основанной на знаниях», то это понятие несет в себе признание того, что научные знания и специализированные уникальные навыки их носителей становятся ключевым фактором развития материального и нематериального производства, обеспечения устойчивого экономического развития. Наиболее полно сущность данного понятия отражает следующее определение. Экономика, основанная на знаниях, - это такой тип хозяйствования, в котором научные знания становятся главным стратегическим ресурсом, творческие способности человека - непосредственной производительной силой, а инновационные процессы - производство, приобретение и внедрение научных знаний - главным источником производительности. Основной целью знание-емкой экономики является повышение качества жизни человека путем увеличения эффективности использования научных знаний во всех отраслях экономики и во всех областях общественного развития.

Выявить ряд тесно связанных между собой ключевых признаков становления экономики, основанной на знаниях, позволит обобщенный анализ основных теоретических положений:

- первостепенный признак, определяющий и обуславливающий все последующие - использование научных знаний в качестве основного фактора развития производства. Перемены, связанные с данным процессом, состоят в том, что в условиях, когда знания вовлекаются в практическую переработку ресурсов, именно знания, а не традиционные факторы производства начинают выступать в качестве источника стоимости. Как подчеркивает Т. Сакайя: «...мы вступаем в новый этап цивилизации, на котором движущей силой являются ценности, создаваемые знаниями» [2, С. 337]. Как следствие, экономика превращается в систему, функционирующую на основе обмена знаниями и их взаимной оценки. На первый план в деятельности предприятий, организаций выходит задача выявления, накопления и распространения информации и опыта, создания предпосылок для создания и эффективного использования знаний;

- с повышением степени знание-емкости современного производства все более выдвигаются на первый план творческий потенциал человека, его профессионализм и эрудиция, происходит замещение монотонного труда как воспроизводственной деятельности творчеством. Высокоинтеллектуальная рабочая сила в этику полноценной трудовой жизни включает элементы, связанные с эмоциями, интуицией, подсознанием, спецификой восприятия, самоанализом, а также способность человека к «преобразованию реальности»;

- новая модель развития и использования человеческих ресурсов, предусматривающая расширение функций работника, способного осуществлять оценку знаний, проникать в суть проблемы, осуществлять корректировку технологического процесса, то есть быть не только субъектом производственного освоения научно-технической революции, но и ее движущей силой это и есть человеко-емкая организация производства.

- меняются отношения собственности на произведенное и используемое знание. Во-первых, это обусловлено тем, что знания нераздельно связаны с теми, кто их производит. Во-вторых, даже будучи проданным, знание остается у своего производителя, и поэтому знание представляет собой «коллективное благо». Тем самым, прогресс знаний ведет не только к изменению баланса между вещественными и невещественными факторами производства, но и к быстрому «размыванию» традиционного понятия частной собственности;

- развитие духовных потребностей, стремление к саморазвитию, уважению личного достоинства и самостоятельности выдвигается на первый план. Что касается материальных потребностей, то они сохраняются и развиваются, но уже в новом качестве, не как условие существования человека, а как необходимое условие его духовного развития;

- развивается потребность в творчестве, как высшая форма духовных потребностей, посредством объединения процессов производства и потребления, т.е. сам труд со стороны использования, функционирования творческих способностей становится сферой непосредственного удовлетворения духовных потребностей, потребностей в творчестве. В этих условиях свободное время становится, с одной стороны, пространством для развертывания всех творческих дарований человека, разнообразных форм его творческой деятельности, а с другой стороны, необходимым и обязательным условием формирования его творческой личности. При этом происходит стирание граней между досугом и работой, их объединение в творческой деятельности.

Экономика, основанная на знаниях, развивается в условиях бесконечного разнообразия способностей и талантов людей, а также создания возможностей для их использования. В этих условиях знания

обеспечивают создание и самовозрастание стоимости, понимаются как непосредственная производительная сила, и, как следствие, играют главную роль в экономическом развитии. Впервые в истории хозяйственный и технологический прогресс воплощается уже не столько в наращивании объемов производства или совершенствовании выпускаемой продукции, сколько в изменяющемся отношении человека к самому себе и окружающему миру.

При переходе к информационной экономике в экономической литературе выделяют несколько основных тенденций трансформации человеческого капитала. Это, во-первых, модификация требований к системе образования и подготовки; во-вторых, изменения в мотивации трудовой деятельности; и, в-третьих, особенности профессионально-квалификационной структуры занятых в экономике, основанной на знаниях. Данные тенденции в полной мере присущи также и экономике, основанной на знаниях. Это обусловлено тем, что экономика, основанная на знаниях, характеризуется не столько все увеличивающимся производством и потреблением информации, сколько изменением роли человека, его способностей в экономической жизни общества.

Общий кризис систем образования, возникший вследствие стремительных технологических перемен последних лет и охвативший сегодня практически все страны мирового сообщества, в том числе и Россию, выделяют как первую тенденцию, влияющей на трансформацию человеческого капитала в экономике, основанной на знаниях. Вместе с тем существование этого кризиса отнюдь не ограничивается исключительно финансовой недостаточностью самой этой сферы. Один из основных источников кризиса - в неадекватности содержания образования, масштабов и уровня развития образовательных систем современному знание-емкому направлению цивилизационного развития.

К формированию не только новой знание-емкой среды обитания людей, но и нового уклада их жизни и профессиональной деятельности ведет развитие глобального процесса информатизации общества. Появляются все новые профессии, повышается и уровень требований к профессиональной квалификации специалистов. В результате система образования оказывается перед необходимостью решения социально и экономически очень важной проблемы - подготовки профессионалов, способных эффективно использовать как уже имеющийся, так и вновь формируемый потенциал общества.

Изменения в мотивации трудовой деятельности являются второй тенденцией, влияющей на трансформацию человеческого капитала в экономике. В индустриальном обществе абсолютное большинство людей руководствуется стимулами, порожденными необходимостью удовлетворения материальных потребностей. Однако по мере повышения материального благосостояния оно утрачивает или должно утрачивать

свою значимость, хотя между благосостоянием и восприимчивостью человека к новым мотивам деятельности не существует прямой зависимости. Повышение материального уровня жизни лишь создает потенциальные предпосылки для становления новой мотивационной системы.

Экономика, основанной на знаниях, ее развитие потребовало от людей, вовлеченных в хозяйственные процессы, не только высокого образования, но и творческих способностей. Именно творческие способности человека в значительной степени определяют в современном обществе, как уровень его доходов, так и социальный статус. Дополнительный стимул становлению новых ценностных ориентиров дает бурное развитие знание-емкой составляющей современного хозяйства. Так как наиболее значимым качеством работника становится его способность усваивать и продуцировать новое знание, ему приходится постоянно совершенствовать искусство диалога с другими людьми, развивать свои коммуникативные функции. И поскольку потребление знание-емких продуктов становится тождественным их производству, постольку стремление человека к самосовершенствованию приобретает общественное значение, что стимулирует воспроизводство данного явления в расширяющихся масштабах.

Развивающиеся в обществе, основанном на знаниях, процессы объективно ведут не столько к ограничению потребления материальных благ, сколько к вытеснению материальных стимулов их производства экономическими мотивами самореализации личности, наращивания интеллектуального потенциала и максимального его раскрытия в общественно значимой деятельности.

Изменение особенностей профессионально-квалификационной структуры занятых в экономике, основанной на знаниях – третья тенденция, влияющая на трансформацию человеческого капитала в экономике. В обществе, основанном на знаниях, новая социальная структура характеризуется сдвигом от производств товаров к услугам, увеличением количества новых специальностей, сокращением рабочих мест в традиционных индустриальных отраслях и растущим знание-емким содержанием труда.

Люди, уже вовлеченные в различные виды деятельности, начинают занимать новые позиции в профессиональной структуре. Можно выделить три основных наблюдения, касающихся изменения профессионально-квалификационной структуры занятых в экономике, основанной на знаниях. Во-первых, существуют большие различия между профессиональными структурами обществ, равно достойных названия знание-емких, а также различия в доле работников сферы услуг. Во-вторых, несмотря на продемонстрированное разнообразие, существует общая тенденция роста относительного веса наиболее очевидно знание-

емких занятий. В-третьих, широко распространенное положение, касающееся растущей поляризации структуры занятости в обществе, основанном на знаниях, по-видимому, не подтверждается имеющимися данными.

Процесс экономических изменений, вызванных переходом общества к знание-емкому типу экономики, конечно, не ограничивается перечисленными тенденциями. Весьма важными для теории и практики являются также такие вопросы, как формирование нового типа работника, способного создавать новые знания. Данные проблемы, так или иначе, затрагиваются в процессе исследования отмеченных выше ключевых тенденций, связанных с изменением роли человека в процессе перехода стран к экономике, основанной на знаниях. За последнее десятилетие настолько изменилось экономическое состояние общества, обусловленное применением высоких технологий, что старые качественные характеристики работника, связанные со знанием фактического материала, стабильностью рабочего места, привязанностью работника к выполнению одних и тех же функций в течение всей своей профессиональной жизни, подвергаются сомнению. На смену им приходят иные качества личности, определяющей лицо общества XXI века: гибкость, мобильность, умение ориентироваться в информационном пространстве, работать в команде и заинтересованность в приумножении ценностей всего общества в целом.

Литература:

1. Уэбстер Ф. Теории информационного общества: Пер. с англ. – М.: «Аспект Пресс», 2004.
2. Сакайя Т. Стоимость, создаваемая знаниями, или История будущего // Новая индустриальная волна на Западе: Антология / Под ред. В. Л. Иноземцева. – М.: «Academia». 1999.

*Кадикова Р.Ш.
Уфа*

Теории социального капитала в постсоветской социологии

В последние десятилетия одной из актуальнейших и очень популярной в литературе стала проблема социального капитала. Причем она актуализировалась в рамках различных наук от экономической теории, политологии, культурологии до социологии, как зарубежной, так и современной российской, постсоветского периода.

Само понятие социальный капитал появилось в начале XX века у Лид Джадсон Ханифан в дискуссии по сельским школам, который использовал этот термин для обозначения «тех значимых обстоятельств, которые влияют на повседневную жизнь каждого». Ханифан пришел к выводу о необходимости воспитания доброй воли, братства, симпатии друг

к другу и умения налаживать социальные отношения среди людей, которые «образуют социальную единицу» [9].

Особенно активно использоваться, разрабатываться это понятие стало с 80-90х годов XX века, а затем и в российской науке в рамках экономической социологии, психологии и других наук.

Чаще всего в своих работах, связанных с изучением проблем социального капитала, ученые опираются на взгляды П. Бурдьё, Р. Патнэма, Дж. Коулмена и некоторых других, заложивших основы этой теории.

В понимании социального капитала выделяют два уровня анализа – макро - и микроуровни. На макроуровне социальный капитал анализируется как характеристика группы, общества, на микроуровне, как качественная характеристика индивида. Ярким представителем микроуровневого анализа является французский ученый социолог Пьер Бурдьё, который определяет социальный капитал, как совокупность актуальных или потенциальных ресурсов, связанных с наличием крепких сетей связей, более или менее институционализированных отношений взаимного знакомства и признания [по Демкив О. 1], то есть это ресурсы, содержащиеся в социальных сетях, ресурсы, основанные на родственных отношениях и отношениях в группе членства. Бурдьё считает, что социальный капитал «состоит из социальных обязательств («связей»), которые при определенных условиях преобразуются в экономический капитал и могут быть обращены в институт в форме причастности индивида в какой-либо социальной группе» [8. С.38], что позволяет рассматривать социальную сеть, как форму социального капитала, дающую опору членам группы. Отношения взаимного знакомства и признания существуют в практическом состоянии в форме материального или символического обмена, способствующего их поддержанию. Они могут быть социально оформлены и гарантированы общим именем или набором актов, которые и формируют, и информируют, включаящихся в эту сеть. Эти отношения приводятся в действие, поддерживаются и контролируются в процессе обмена.

К представителям макро уровня понимания социального капитала относят таких ученых как Роберт Патнэм и Джеймс Коулман.

Р. Патнэм определяет социальный капитал как «особенность общественной жизни – сеть взаимоотношений, существующих между людьми, нормы этих отношений и доверие, т.е. все, что позволяет участникам отношений действовать совместно более эффективно в достижении общих целей» [8. С.37].

Социальный капитал, отмечает ученый, проявляющийся в нормах и сети гражданских обязательств, является предпосылкой экономического развития и эффективного управления. Общество, основанное на всеобщем взаимодействии более результативно, чем общество всеобщего недоверия.

Доверие выступает необходимой «смазкой» успешного функционирования общественной жизни. Таким образом, по Р. Патнэму важнейшими характеристиками социального капитала являются сети, нормы и доверие, побуждающие участников к наиболее эффективному совместному действию для достижения общих целей. Р. Патнэм выделяет соединяющий социальный капитал, ориентированный вовне, который соединяет людей, принадлежащих к различным социальным группам. Это позволяет находить способы использования внешних ресурсов, распространять или получать информацию. Кроме соединяющего капитала Р. Патнэм выделяет охватывающий социальный капитал, ориентированный внутрь социальных структур, укрепляющий сами группы. Социальный капитал может быть основанный на внутренних и внешних связях группы.

Известный американский экономист и социолог Д. Коулман ввел понятие социальный капитал в американскую социологию. Он считал, что «социальный капитал определяется своими функциями. Он включает в себя множество различных составляющих, которые характеризуются двумя общими свойствами: они, во-первых, состоят из нескольких социальных структур, и, во-вторых, облегчают определенные действия акторов внутри структуры, будь то индивид или корпорация» [2. С.124]. Д. Коулман выделяет формы социального капитала – обязательство и ожидания, зависящие от надежности социальной среды; способность социальной структуры к передаче информационных потоков; норм, сопровождаемых санкциями. Социальные отношения и социальные структуры способствуют развитию форм социального капитала. Некоторые виды социальной структуры особенно значимы для развития отдельных форм социального капитала. Так замкнутость социальной структуры (организации) важна для существования эффективных норм, надежности социальных структур, позволяет расширить обязательства и ожидания. Социальный капитал продуктивен, его наличие способствует достижению целей индивидов, групп, организаций, что становится проблематичным при его отсутствии.

Поиски ресурсов общественного подъема, модернизация современного российского общества делают актуальными обращения к проблеме социального капитала и в российской науке. Для постсоветской социологии проблематика социального капитала, выявление сущности, содержания, структуры, типологии теорий и т.д. является новой, хотя в мировой науке она представлена более двух десятилетий.

Идеи социального капитала как общественного блага, попытки адаптировать концепции зарубежных теоретиков к условиям российской реальности нашли отражения в социологической литературе последнего десятилетия. Основные положения теории социального капитала активно осваиваются и предпринимаются определенные усилия в использовании ее для анализа динамичной меняющейся российской реальности.

Известный ученый, доктор экономических наук В.В. Радаев [4.], отталкиваясь от политико-экономического понимания родового понятия капитал, который определяет как "...накапливаемый хозяйственный ресурс, который включен в процессы воспроизводства и возрастания стоимости путем взаимной конвертации своих разнообразных форм" [там же, С.7], раскрывает экономико-социологическую интерпретацию этого понятия. Вслед за французским социологом П. Бурдьё В.В. Радаев выделяет три состояния капитала - инкорпорированное, объективированное, институционализированное. Инкорпорированное состояние капитала – это совокупность относительно устойчиво воспроизводимых диспозиций и демонстрируемых способностей, которыми наделен обладатель той или иной формы капитала. Объективированное состояние – это принятие капиталом овеществленных форм, которые доступны непосредственному наблюдению и передаче в их физической, предметной форме. Институционализированное состояние капитала предполагает объективированные формы признания данного вида капитала в качестве ресурса. Капитал проявляется в формах экономической, физической, культурный, административный, политический, символический, человеческий, социальный капиталы. Последний в названных выше состояниях капитала проявляется: в инкорпорированном в виде соблюдения обязательств, без санкций, доверии; в объективированном состоянии в виде сетевых связей; в институционализированном состоянии в виде социальных кругов, списков контактов.

Ссылаясь на идеи Д. Коулмана, и Р. Патнэма, социальный капитал, - отмечает В.В. Радаев – это совокупность отношений, порождающих действия. Эти отношения связаны с ожиданиями того, что другие агенты будут выполнять свои обязательства без применения санкций. Концентрация ожиданий и обязательств выражается понятием доверие. Чем больше обязательств накоплено в данном сообществе, тем выше взаимность и, следовательно, уровень социального капитала. Социальный капитал не атрибут отдельного человека. Его объективированную структурную основу формируют сети социальных связей, которые используются для транслирования информации, экономии ресурсов, взаимного обучения правилам поведения, формирования репутаций. На основе социальных сетей складывается институциональная основа социального капитала – принадлежность к определенному социальному кругу или членство в группе.

Развитие идей социального капитала нашло отражение в работе Л.В. Стрельниковой "Социальный капитал: типология зарубежных подходов" [10]. Анализируя многообразные взгляды ученых на социальный капитал, она выделяет четыре основных подхода к концепции его исследования.

Социо-антропологический, в основу которого заложены представления о природных инстинктивных стремлениях человеческих существ к объединению.

Социологический подход акцентирует на описании социальных норм и источников мотивации человеческого поведения. Социальный капитал в социологии рассматривается как нормы, сети, организации, с помощью которых индивиды извлекают выгоду. Особое значение, отмечает Л.В. Стрельникова, уделяется социальным сетям, имеющим особую значимость в обществах, где доверие формальным организациям низкое.

Экономико-институциональный подход вводит ту предпосылку, пишет ученый, что люди при взаимодействии друг с другом стремятся к максимизации индивидуальной полезности и используют ресурсы социального капитала при осуществлении различных типов деятельности. При таком подходе акценты сосредоточены на инвестиционных стратегиях индивидуума в условиях альтернативных возможностей использования времени.

В политологии, прежде всего, выделяется роль институтов, политических и социальных норм в формировании человеческого поведения. Политологические трактовки социального капитала относят его к институтам, отношениям и нормам, формирующим количество и качество социальных взаимодействий в обществе. Социальное единство это важнейший фактор экономического процветания и устойчивого развития. Социальный капитал рассматривается не просто как набор действующих в обществе институтов, а как клей удерживающий их вместе.

Соответственно целей использования социального капитала, источников его формирования, различные подходы к изучению Л.В. Стрельникова делит на три разноуровневых аналитических направления. На микроуровне социальный капитал рассматривают как ресурс, упрощающий отношения индивида внутри социальной сети. Здесь действия индивидов и отдельных групп в рамках одной социальной структуры могут быть упрощены посредством прямых или косвенных связей. На мезоуровне социальный капитал рассматривается как ресурс, способствующий вертикальной мобильности индивида. На макроуровне социальный капитал выступает как источник экономического роста, возникающий за счет формирования специфической институциональной среды.

Русский ученый И. Е. Дискин [2] уровни рассмотрения проблем социального капитала подразделяет на: глобальный, национальный и индивидуальный. И. Е. Дискин считает, что глобальный социальный капитал выступает фактором глобального производства, позволяющий сокращать издержки, способствует росту эффективности мировой экономики. Глобальный социальный капитал является сущностной

характеристикой современного этапа развития социально-экономических отношений в мире. Национальный социальный капитал представляется одним из составных производственной функции социальной организации общества, способствующий эффективности общественного производства. Индивидуальный социальный капитал позволяет обеспечивать сокращение различных согласительных издержек связанных с взаимными уступками, благодаря использованию своих социальных ресурсов – места индивида в системе социальных институтов, уровня влияния и связей в системе и т.д.

При достаточно серьезном интересе к проблематике социального капитала, который проявили российские социологи, пока сделаны только первые шаги и у ученых больше вопросов, чем ответов и решений.

При обсуждении направлений исследований в рамках круглого стола [6] актуальными назывались такие как изучение факторов формирования национального социального капитала, как необходимого условия ускорения социально-экономического развития России; факторов формирования корпоративного социального капитала; разработка методов исследования роли социального капитала, как фактора экономического роста; изучение влияния уровня доверия на характер функционирования корпораций, как социального института, прояснение взаимодействия корпоративного и национального социального капитала и многие другие направления, требующие усилий социологического сообщества.

Литература:

1. Демкив О. Социальный капитал: теоретические основания исследования и операциональные параметры / Социология: теория, методы, маркетинг. 2004. №4.
2. Дискин И. Е. Социальный капитал в глобальной экономике / Общественные науки и современность. 2003. №5.
3. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий / Общественные науки и современность. 2001. №3.
4. Радаев В. В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация / Общественные науки и современность. 2003. №2.
5. Сидорина Т. Ю. Социальный капитал организации и социальная политика российского предприятия / Журнал исследований социальной политики. Том 5, №3.
6. Социальный капитал как научная категория. «Круглый стол» ученых / Общественные науки и современность. 2004. №4.
7. Степаненко В. Социальный капитал в социологической перспективе: теоретико-методологические аспекты исследования / Социология: теория, методы, маркетинг. 2004. №2.
8. Стрельникова Л. В. Социальный капитал: типология зарубежных подходов / Общественные науки и современность. 2003. №2.
9. Смит М.К. Социальный капитал для начинающих / http://www.infed.org/biblio/social_capital.htm

10.Тихонова Н. Е. Социальный капитал как фактор неравенства / Общественные науки и современность. 2004. №4.

*Каримов Р.А.
Тимченко И.П.
Уфа*

Проблемы формирования гражданского общества

Проблема формирования, функционирования гражданского общества является актуальной для современной России. Хорошо известно, что в литературе и СМИ сегодня большое внимание уделяется становлению гражданского общества, правового сознания и демократии в России. Гражданские права — есть права личности, подтвержденные законом. Они означают свободу человека жить, исповедовать любые взгляды и убеждения, в том числе религиозные, право на собственность и равенство перед законом.

Однако стоит отметить, что нет четкого, однозначного определения этого понятия. Вопрос о формировании гражданского общества волновал умы человечества с первых веков его осознанного существования. Доказательством тому служат дошедшие до нашего времени труды, отдельные высказывания философов, государственных деятелей, правоведов. Правовые и политические аспекты проблемы находим в трудах: Демокрита, Платона, Аристотеля, Эпикура, Цицерона, Сенеки; Фомы Аквинского, Т. Мора, Т. Кампанеллы, - в древний и дореволюционный период развития европейской мысли.

В последующий период - в трудах: Б. Спинозы, Т. Гоббса, Дж. Локка, Ш. Монтескье, И. Канта, Ф. Гегеля, К. Маркса, Ф. Энгельса, О. Конта.

Мысль США представлена трудами Т. Джефферсона (1743-1826), А. Гамильтона (1757-1804).

Зарождение и развитие (до декабристов) политико-философской, правовой мысли в России, откуда можно черпать познания и по вопросам гражданского общества, представлено высказываниями, воззрениями, научными изысканиями: Иллариона (XI в.), Владимира Мономаха, Иосифа Волоцкого, царя Ивана Грозного Протопопа Аввакума, патриарха Никона В.Н. Татищева, императора Петра Великого, М.В. Ломоносова, Н.И. Новикова, А.Н.Радищева, императрицы Екатерины Великой (1729-1796).

«Декабристская» мысль представлена именами: М.П.Бестужева-Рюмина, П.И.Пестеля, Н.М.Муравьева, С.И.Муравьева-Апостола, К.Ф.Рылеева, П.Г.Каховского.

В XIX в. и в первые десятилетия XX в. правовую и политическую мысль России, где имеются и положения, связанные с проблемой гражданского общества, развили: М.М.Сперанский, Н.М.Карамзин, М.П.Погодин, П.Я.Чаадаев (1794-1856), В.Ф.Одоевский, В.Г.Белинский,

А.И.Герцен, Н.Г. Чернышевский, П.Л.Лавров, М.А.Бакунин, П.А.Кропоткин, В.С.Соловьев, Т.Н.Грановский, Г.В.Плеханов, В.О.Ключевский, Н.А.Бердяев.

Среди мыслителей и государственных деятелей, в трудах которых мы черпаем познания, относительно проблем гражданского общества следует назвать В.И.Ленина, И.В.Сталина, В.В.Воровского, А.В.Луначарского, В.В.Куйбышева, Д.И.Курского.

Плеяду ученых XX в., в работах которых находим положения для формирования гражданского общества, представляют: Абдулатипов Р.Г., Авакьян С.А., Атаманчук Г.В., Баграмов Э.А., Баглай М.Б., Бугай Н.Ф., Васильев В.И., Витюк В.В., Гаджиев К.С., Галкин В.В., Губогло М.Н., Дашдамиров А.Ф., Дробижева Л.М., Джунусов М.С, Дякин В.С., Жарников А.Е., Замалеев А.Ф., Зорькин В.Д., Ильин И.А., Калинина К.В., Карапетян Л.М., Красин Ю.С, Козлова Е.И., Колбановский В.В., Козлов В.И., Кочетков А.П., Кутафин О.Е., Лазарев В.В., Лепешкин А.И., Лихачев Д.С, Лихолат А.В., Матузов Н.И., Мальцев Г.В., Мацнев А.А., Михайлов В.А., Михалева Н.А., Мулукаев Р.С, Попов А.И., Ронин С.Л., Топорнин Б.Н., Тишков В.А., Федоров К.Г., Харламенко А.В., Чиркин В.Е., Черниловский З.М., Чистяков О.И., Якубовская С.И., Яценко А.С.

Политические аспекты проблемы гражданского общества содержатся в партийных материалах: КПСС и современных политических партий России. Политические аспекты проблемы формирования гражданского общества находим в публикациях М.С.Горбачева, Б.Н.Ельцина, В.В.Путина, Д.А. Медведева [1].

Сегодня на Западе сложилась тенденция понимать под гражданским обществом только право граждан создавать независимые от государства организации и проявления самодеятельной гражданской активности. Безусловно, это немаловажный аспект процесса демократизации, однако применительно к российским условиям это означало бы значительно сузить проблему, рассматривая различные аспекты правового положения людей, и, прежде всего, в том, что касается советского прошлого.

Основой дореволюционного российского общества была жестокая властная иерархия, всячески ограничивавшая развитие индивидуальной частной собственности на землю, ресурсы и средства производства. Среднего класса, который мог бы выступать стабилизирующим фактором общественного развития, почти не было. Реформы 60-х годов XIX века открыли возможность формирования гражданского общества. После них активизировался процесс становления среднего класса – социальной базы гражданского общества. К 1897 году количество мелких зажиточных хозяев равнялось 23,1 млн. человек, что составляло 18,4% от общей численности населения. К 1913 году оно возросло до 31,5 млн. человек. Средний класс быстро пополняется за счет дворянства, которое после реформы 1861 года в большинстве своем разорилось и вынуждено было

искать другие источники дохода [2].. Война 1914 года лишь обострила все противоречия и привела к революционному изменению политического строя. Октябрьская революция 1917 года не затронула принципов организации общества. Общество, как и прежде, основывалось на отношениях власти. В силу незрелости гражданского общества государство оказалось единственной силой, способной решить проблемы форсированной индустриализации, культурной революции, сохранить целостность и независимость страны. Отсутствие гражданского общества в советской России обусловило установление тоталитарного режима в стране. Тоталитарный режим использовал идею мнимого конституционализма для придания государственной системе большей легитимности. Начавшиеся с 1985 года преобразования имели целью формирование предпосылок гражданского общества. Перераспределение собственности через приватизацию создало возможность для возникновения среднего класса. Номенклатурная бюрократия, подчинив себе государство и овладев собственностью, переместила реальные центры разработки и принятия политических решений в президентские структуры и тем самым в значительной мере оградила их от общественного контроля. Отношения между государством и обществом развиваются на основе мнимого конституционализма, который является следствием несформированности устойчивых групп интересов граждан, с одной стороны, а с другой – неспособностью или нежеланием правящей элиты создавать новые «правила игры» в качестве обязательных для всех групп, включая самих себя [3]..

Что касается теоретического аспекта, то в качестве определения понятия гражданское общество можно принять трактовку Кравченко А.И., который понимает его как способ общественной жизни, основанный на праве и демократии, где человеку гарантируется свободный выбор его экономического и политического бытия, утверждаются права человека, обеспечивается идеологический плюрализм [4]..

Как видно из этого определения, оно очень широкое и многогранное. Исходя из него, можно сформировать признаки, которые должны быть свойственны современной российской интерпретации гражданского общества:

1. Развитый средний класс;
2. Функционирование демократических прав и свобод;
3. Правовая защищенность граждан;
4. Высокий уровень гражданской культуры и ответственности;
5. Влиятельная деятельность общественных, неправительственных организаций.

Рассмотрим каждый из этих признаков. Развитый средний класс – опора общества и государства, он сам себя обеспечивает и создает благоприятную почву для международного партнерства, так как

экономически развитое общество притягивает на рынки своих стран ведущих производителей товаров. По различным подсчетам средний класс в нынешней России составляет приблизительно 7-20% [5]. Конечно, эта разница в колебаниях огромна. Но стоит отметить, что это незначительный показатель. Согласно программе развития России, «Стратегии 2020», озвученной в 2008 году В.В. Путиным, средний класс в РФ к 2020 году должен составлять примерно 60% [6]. Выходит, что пока средний класс, как опора гражданского общества в РФ еще полностью не сформировался, многое предстоит сделать как обществу, так и государству, поскольку в этом заинтересованы все.

Функционирование демократических прав и свобод и деятельность общественных, неправительственных организаций. Все демократические права и свободы зафиксированы в Конституции РФ. К ним относятся свобода слова в печати и телевидении, свобода союзов, объединений, свободные выборы, право на жизнь, на труд и т.д. Понятие Конституции в современном обществе неразрывно ассоциируется с народовластием и исторически связано с борьбой народных масс за перечисленные права. Не случайно, идея Конституции как главного законодательного акта, определявшего гражданское устройство, родилась в период Великой Французской революции, пытавшейся в юридических нормах реализовать идеи Просвещения под знаменем «свободы, равенства и братства» [7]. Коснемся лишь нескольких аспектов этого вопроса. Не секрет, что многие общественные организации в России не зарегистрированы. Это связано с тем, что процедура регистрации сложна, и не каждая общественная организация может позволить себе функционировать по требованиям ФЗ «Об Общественных объединениях» [8]. Стоит подчеркнуть, что сложность регистрации связана с тем, чтобы отсеять организации которые будут осуществлять незаконную, преступную деятельность.

Рассмотрим некоторые аспекты деятельности политических партий (партии являются общественными объединениями, выражающими интересы определенных групп), примечательно, что их количество, начиная с выборов в Государственную Думу 2003 года постоянно сокращается. В 2003 году перед началом избирательной кампании было зафиксировано 51 политическая партия, в 2007 – 15, в 2010 г. в России официально зафиксировано 7 политических партий [9]. Конечно, эту ситуацию можно оценивать по-разному, например как шаг к переходу к двух или трех партийной системе, наподобие некоторых европейских стран, или же к складыванию однопартийной системы. Безусловно, в этой ситуации стоит выделить вопрос доверия политическим партиям, ведь они должны быть посредниками между обществом и государством. На этот вопрос должны будут ответить итоги предстоящих выборов в Государственную Думу.

Кроме этого посредником между обществом и властью должны выступать Общественные палаты, созданные специально ради этой цели, но инициатива о создании этих палат исходила от государства, а значит, что появление Общественных палат ставит под вопрос нынешнюю силу и влияние общественных организаций, которые формируются на основе волеизъявлений граждан. Следовательно, нынешнее общество пока тоже не готово к полноценному взаимодействию, но взаимодействие по воле только государства недостаточно, оно должно быть двусторонним.

Правовая защищенность граждан и уровень гражданской культуры. По материалам фонда ИНДЕМ, Института сравнительных социальных исследований и Института государства и права РАН 41% населения нашей страны сталкивался ущемлением прав граждан. По данным опроса Левада-центра (2008 год), прямыми жертвами нарушений оказывались 16% опрошенных, 48% из них не смогли добиться разрешения своего дела [10]. На первый взгляд эти цифры выглядят ужасающе. Даже, если учесть некую субъективность любого социологического опроса, поскольку в них выражается мнение опрошенных респондентов, которые излагают свое, субъективное мнение, однако была выявлена определенная тенденция, которая заставляет задуматься.

Для нынешнего состояния формирующегося современного гражданского общества в России характерно следующее:

- пока не сложилась целостная система гражданских структур, существует большое количество фрагментированных образований, слаба правовая защита граждан и ассоциаций;
- социум расколот по линиям: бедные и богатые, элиты и народ, чиновники и все остальные, центр - периферия и др.;
- неадекватна и слаба социальная основа гражданского общества - относительно небольшой средний класс;
- недостаточно выражены и укоренены интегративные, объединяющие культурные ценности (доверие, солидарность, согласие, социальная ответственность, уважение к жизни, личности, достоинству и др.);
- слабость структурированных интересов, отсутствие ясно выраженной идентификации индивидов с соответствующими группами препятствуют формированию гражданских объединений, организации групповых действий ит.д.;
- пассивность и низкий уровень (как количественно, так и качественно) участия граждан в общественно-политической жизни (не более 10% населения), за исключением судьбоносных или принципиально важных событий для страны, региона, города, селения [11];
- в стадии формирования находится правовая база российского гражданского общества;

– на облик формирующегося гражданского общества в России оказывают воздействие как его исторические свойства (длительная авторитарная полоса генезиса России, распространенный недемократический менталитет), так и современные особенности развития общества [12].

Стоит отметить, что президент РФ Д.А. Медведев полагает, что российское «гражданское общество соответствует уровню развития демократии в России». Он убежден в том, что «гражданское общество было в нашей стране всегда. Другое дело, что, скажем, в годы сталинского террора оно имело чудовищно искривленные формы. Но и в самые мрачные периоды истории люди отыскивали способ выразить собственную позицию, независимую от государства, даже если для этого им приходилось прибегать к эзопову языку» [13].

Одной из ключевых проблем современного развития выступает отчуждение различных социальных групп и институтов от государства. В последние годы достаточный уровень доверия населения среди государственных структур имели Президент, армия и некоторые руководители регионов, у остальных органов власти уровень доверия был значительно ниже. Среди общественных организаций возрос авторитет русской православной церкви, органов СМИ, профсоюзов. Общественной палате доверяет каждый четвертый россиянин [14]. Меньше доверяют политическим партиям - лишь каждый пятый. В приоритетные национальные проекты верит до 40% населения, что в целом неплохо.

Еще одна проблема связана с разделением публичной политики и частной жизни. Причем, две трети респондентов не, только не верят в возможность повлиять на деятельность властей, но и не хотели бы участвовать в управлении общественными делами в своем поселке, городском районе и т.д., потому, что не видят в этом никакого смысла.

Очевидно, следует говорить о заниженном уровне социальных претензий российских граждан по проблеме постоянного участия в политике и его недостаточности.

С одной стороны, можно говорить об известной положительной динамике в развитии российского общества в рассматриваемый период по таким параметрам, как «свобода слова», «свобода политического выбора», «терпимость к чужому мнению». С другой - многие респонденты обращают внимание на критическое или плохое положение дел в следующих сферах общественной жизни: «соблюдение прав человека», «личная безопасность», «равенство всех граждан перед законом», «социальные гарантии» [15].

В завершении стоит отметить, что пока не сформирован средний класс, нет полноценного функционирующих механизмов взаимодействия между обществом и властью, так как существуют проблемы в наличии

правовой и гражданской культуры. Но делаются попытки для преодоления этих проблем.

Нынешняя, постсоветская Россия – молодое государство, с богатой историей, культурой, с мощной сырьевой базой. И развивается оно постепенно, конечно, сложно делать большие шаги в своем формировании, это касается создания и функционирования гражданского общества. То, что происходило в России в 1990-е гг. и происходит в настоящее время, пока еще рано оценивать в исторической перспективе: нужна более значительная дистанция. Несомненны лишь два вывода: 1) перед нами сегодня другая страна, чем та, которая была при советском строе. 2) современное общество несет на себе его «родимые пятна», и это обстоятельство нужно учитывать в различных аспектах проводимой политики, в движении к подлинно демократическому гражданскому обществу.

Литература:

1. Дубасов К.Е. Формирование гражданского общества в многонациональном российском государстве: Правовые и политические аспекты: Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд.юр. наук. – М., 2002 – 24 с
2. Общая теория права и государства./ Под ред. В.В.Лазарева. - М.: Юрист, 2001. — 360 с.
3. Кашанина Т. В., Кашанин А. В. Основы российского права. - М.: ИНФРА-М, 2002. — 624 с.
4. Кравченко А.И. Краткий социологический словарь. – М.: Проспект, 2009. – С. 82.
5. Средний класс в России. Институт Современного развития. [Электронный ресурс; режим доступа]: http://www.riocenter.ru/ru/news/about_inzor/377
6. Президент России. Официальный сайт. Выступление на расширенном заседании Государственного совета «О стратегии развития России до 2020 года» [Электронный ресурс; режим доступа]: <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2008/02/159528.shtml>
7. Соколов А.К. Проблемы советского историкокультурного наследия в современном менталитете российских граждан [Электронный ресурс; режим доступа]: ural-yeltsin.ru/usefiles/destiny/Sokolov.doc
8. ФЗ «Об общественных объединениях» (с изменениями на 1 июля 2011 г). [Электронный ресурс; режим доступа]: <http://docs.kodeks.ru/document/9011562#>
9. Яковлев Р.Р. Особенности формирования и функционирования гражданского общества в современной России. Вестник ВЭГУ, № 4 (48), 2010. С. 148.

10. В.М. Гефтер (исполнительный директор Института прав человека). Защищенность прав граждан в Российской Федерации. [Электронный ресурс; режим доступа]: <http://www.inop.ru/files/Chapter7.pdf>
11. Послание экс-президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации 26 апреля 2007 г. [Электронный ресурс; режим доступа]: <http://www.gov.karelia.ru/Leader/Work/posl2007.html>
12. Ирхин Ю.В. Гражданское общество и власть: проблемы взаимодействия и контроля в современной России // Социально-гуманитарные знания. 2007. №5. – С. 3-24.
13. Резник Ю.М. Гражданское общество как идея // Социально-гуманитарные знания. 2008. №4. - С. 28.
14. Ирхин Ю.В. Гражданское общество и власть: проблемы взаимодействия и контроля в современной России // Социально-гуманитарные знания. 2007. №5. - С. 20.
15. Тузиков А.Р. Демократия и гражданское общество в России // Социально-гуманитарные знания. 2004. №5. - С. 36.

*Сафин В.Ф
Уфа*

Проблема интеллигенции и власти в обыденном сознании

По определению, интеллигенция – носитель интеллекта (в европейском понимании). В дореволюционной России данное понятие подразумевало прежде всего образ жизни, основанный на гуманизме – уважении и любви к человеку, особенно к униженному и оскорбленному; совестливость, бескорыстность, сострадание, борьбу за справедливость и критическое отношение к власти имущим. Слабой стороной дореволюционной интеллигенции были созерцательность, определённая пассивность и бездейственность. В годы советской власти большая часть её была физически уничтожена, часть репрессирована, небольшая группа эмигрировала. Оставшиеся в живых после революции и сталинских чисток приспособились к советскому режиму и растворились в нём как виртуальная сообщество среди безликой толпы строителей коммунизма. Даже М. Горький, А. Луначарский и А. Толстой – яркие представители советской интеллигенции – проявляли свою интеллигентскую честь, прикрывая лицо платком и покашливая, лишь в «моменты истины», наступающие в опасные для них самих и их близких периоды жизни.

Всё вышеописанное было результатом неимоверного духовного и физического террора, организованного чекистами и партаппаратчиками под личным руководством И. Сталина, но ни КПРФ, ни первые лица государства не просили прощения хотя бы у потомков убиенных. Вместо этого вдруг – новый памятник Сталину в Пензе, а скоро поставят памятник Ленину в Уфе.

Террор формировал половинчатость, внутреннюю цензуру – «советскую совесть» с составляющим её страхом, часто порождающим лакейство и двуличие. Лишь единицы могли сохранить лицо интеллигенции, маскируя и организуя свою жизнедеятельность соответственно требованиям кодекса ГУЛАГа. К ним следует отнести Б. Пастернака, А. Ахматову, М. Булгакова, А. Платонова, В. Мейерхольда, Д. Шостаковича. Ещё меньше стало тех, кто нёс идеи интеллигенции, после распада СССР (А. Сахаров, Л. Алексеева, В. Шаламов, Г. Распутин, А. Политковская, В. Новодворская). Многие подающие надежды новоиспечённые интеллигенты не выдержали натиска хаоса, брожения, зловония и распада СССР, созданного силой оружия, искусственным голодом, искусно организованной агитацией и пропагандой, системой ГУЛАГа и изоляцией от всего мира, – скисли или уехали за рубеж. В качестве примера можно привести известного поэта Е. Евтушенко, который в своё время колебался, ковылял между идеологическими и политическими рифмами советской действительности, ярко демонстрируя этим сущность интеллигенции и интеллигентности, но смрада новейшего времени не выдержал и, чтобы сохранить свой дар и ознакомить мир с русской поэзией, уехал в США. Что можно было ожидать тогда (и тем более ждать ныне) от подавляющей части интеллигенции (особенно в провинциях), кроме «одобрям» или «не знаю».

В настоящее время определённый процент имеющих социально-генетические предпосылки стать интеллигенцией, под нажимом специфической российской реальности (экономическая, политическая, общекультурная, социально-бытовая отсталость; ельцинские бесшабашность и ухарство, путинская диктаторская вертикаль, медведевская половинчатость) перебрались во властные структуры, кто-то стал олигархом, небольшая часть заняла депутатские места, сотни тысяч уехали за рубеж, часть молодых интеллигентов превратилась в «звёздную пыль» (артисты, музыканты, писатели, особенно журналисты). Есть и такие, которые стали бомжами, оккультистами, шарлатанами и ясновидцами.

Буквально за 15–20 лет у всех этих осколков интеллигенции изменилось отношение к прежним ценностям, изменился образ жизни, сформировался особый стиль поведения, весьма похожий на жизнь героев голливудских фильмов. Самое печальное заключается в том, что некоторые из попавших во властные структуры (по своей или чужой воле) погрязли в коррупции, грабеже, воровстве, насилии и вранье, а бывшие «мастера культуры» сами стали растаптывать культуру и сеять безнравственность, буквально растлевая подрастающее поколение. Некоторая часть интеллигенции, окончательно потеряв моральные ориентиры, спилась или страдает от нищеты в числе одной трети населения страны. Выходит, что основная масса интеллигенции была

проглочена «чёрной дырой» российской действительности, пророчески изображённой в «Чёрном квадрате» Малевичем.

Возникает вопрос, куда же делись такие стержневые личностные качества интеллигенции, как совесть, честь, критичность, сострадание, боль за униженных и оскорблённых, справедливость, равенство? Разве нет людей, обладающих отдельными из перечисленных качеств? Конечно, есть, и их можно назвать поимённо. Но дело в том, что эти отдельные качества чаще проявляются эпизодически, фрагментарно, по какому-то случаю (поминки, особые банкеты, приёмы, акции и т.д.). Интеллигентность как совокупность названных выше личностных качеств человека в прежние времена характеризовала как представителя интеллигенции определённого периода развития общества (XIX–XX веков), периода, когда уровень развития общественных отношений, образ жизни какой-либо группы людей с гражданской позицией интегрировал их личностные качества в единое целое. Ныне же, в эпоху постмодернизма, в корне изменились общественные отношения, ценности общества стали иными – власть, деньги, карьера. По этой причине изменилось и содержание понятия «интеллигентность» – практически, оно было выхолощено.

А что происходит с самим сельским населением – прародителем интеллигенции? Половина его еле сводит концы с концами, уезжает в Сибирь, Москву на заработки, пьёт, дерётся. Куда им, деревенским жителям, до наших партий, которые то едины, то сражаются друг с другом, но «по-честному» обслуживают власть. Ни «Народному фронту», ни «Народному ополчению», ни «Справедливой России», вылупившейся из личинки «Единой России», деревни с жителями не нужны. Почти все сельчане думают о том, что если исчезнет их деревня и соседние две, то пропадёт страна, т.к. моногорода не кормят, что возьмешь с них: пшеницу не сеют, картошку не сажают. Деревня далека от Москвы, Москва от деревни: Москва сидит и спит на нефтедолларах, а пьёт и ест, чуть ли не саму нефть и расширяется. В самом деле, зачем власти деревни, сёла, моногорода, когда есть Москва – сердце Родины? Зачем им полуразвалившиеся деревни, состоящие из пяти–шести домов? Нет деревень – нет проблем. Зачем они нужны? И без такой заботы голова идет кругом: Сочи, футбольные команды, наш друг и друг В. Жириновского – Кадафи, «Ё-мобили», «Юкос» с М. Ходорковским, усиление Китая, американские ракеты в Польше и Чехии, Страсбургский суд, угроза Грузии, падающие самолеты и вертолеты, неопределенные предсказания бабы Ванги... Власть вряд ли сможет отмыться от своих злодеяний, которые совершила по отношению к С. Магнитскому и А. Политковской. Это вам не ДТП на Каширском шоссе!

До 90-х годов прошлого столетия в каждой деревушке, независимо от названия, – «Глухово», «Раскулачино», «Бескрышино», «Отхожино»,

«Какино» (некоторые названия деревень взяты с подачи «Аргументов недели») – была начальная школа хотя бы с одной учительницей, имеющей десять классов образования, медпункт – с одной медсестрой (иногда трахоматозной), библиотека – с заведующим и пятидесятью–ста книгами, клуб – с заведующим и с гармошкой (иногда без одной–двух клавиш). Но из-за подушевого финансирования учеников за последние пять лет были закрыты 90% так называемых малокомплектных школ. В прошлом году или чуть раньше закрылись клубы, библиотеки, а медпункты переведены в райцентры. Сотрудники названных учреждений, какими бы они ни были, считались представителями интеллигенции. Они по своему разумению вели просветительскую и воспитательную работу. Ныне нет школ, медпункта, клуба, библиотек в заброшенных Богом и властью деревнях. Через полтора–два года исчезнут эти деревни со своими пенсионерами. Может, это нужно власти, государству, ибо за счёт исчезнувших сотен тысяч маленьких деревушек, а также за счёт денег, сэкономленных на пенсиях немощных стариков и старух, увеличится доход государства, и среднемесячная зарплата москвичей дойдёт аж до восьмидесяти–ста тысяч рублей при мизерных зарплатах в деревнях и сёлах?

Народ деревень стал не только нищим, но и, к сожалению, инертным и безразличным. Раньше он как-то соглашался переносить бедность, ибо верил, что США, НАТО – враги, нападут. Верил потому, что были свежи в его памяти следы войны. Ныне же пропаганда того, что США, НАТО и Китай нападут на нас, для него ересь, народ стал задумываться, так ли это или не так. Это с одной стороны. С другой стороны, ему непонятно, почему из триллионов доходов государства миллиарды уходят в Сочи, миллиарды воруют, а на миллиарды переносят полгорода (Москва) на другое место. Минобороны получает столько, сколько хочет. Видимо, у него денег слишком много, поэтому они сами взрываются складами (это ведь наши деньги). Виноват крайний – солдат, только изредка – молния, крысы... Воруют. А где остальные деньги? Сельскохозяйственные земли пустуют, дорог нет, дома в деревнях разваливаются. «Где остальные деньги, почему мы бедные?» – сверлят мысли мозги деревенских мужиков. Хоть что делай с этим народом. Все стали «фомами неверующими». И интеллигенции, и власти тоже попадает, а чиновникам – подавно. Называют их свистунами, трубадурами. Матерятся. Говорят, от этого легче становится. Газет не читают, а телевизор смотрят изредка. Не потому, что света нет, – свет вечерами в ближайших к райцентрам деревнях бывает, а на экранах черных ящиков – одни голые девицы да секс. Если так пойдёт, радионяни и теляняни какого-то канала молодым матерям, чтобы успокоить их плачущих без остановки малышей, могут предложить новый педагогический приём: показать секс кукол (мальчика и девочки), демонстрируя их неприличные движения с вздохами. Грешно думать, но дети, с пелёнок вскормлённые сексом, по всей вероятности, перестанут

плакать. Иисусе! Свят! Свят! Мне жалко их. Бедные, не знают, что это ведь тоже средство манипуляции бессознательным человека. Это не от сладкой жизни у чиновников СМИ: они тоже растеряны, не знают, как манипулировать сознанием населения. Они вынуждены врать, скрывать, лапшу на уши вешать, что выходит даже из ноздрей. СМИ на глазах желтеют. Журналисты, гоняясь за сенсациями, которые хорошо оплачиваются, теряют свой профессионализм. (Разумеется, если они имеют его.) Напрашивается вопрос: относите ли вы, журналисты, себя к интеллигенции и выполняете ли свое предназначение? Работаете стереотипно и всю агитацию и пропаганду строите по-старому: «лишь бы не было войны, враг не дремлет», «лица с кавказской внешностью – террористы, с азиатской – хитрые, а с бородой – ваххабиты». Сюда же относится частое употребление СМИ понятий «терроризм, «ваххабизм, бандитизм, сепаратизм, ислам как синонимы, что формирует у обывателя враждебное отношение к мусульманам. Получается – смотри, слушай, читай и глотай. Роботизация, результатом которой является неудовлетворённость и равнодушие народа ко всему: растаскивают – пускай унесут, дерутся – завтра помирятся, пропал человек – сам вернётся, пожар – не наше горит. Так всем спокойно, так меньше забот. А если народ уснёт надолго, что тогда?.. Чтобы он временами просыпался, СМИ используют фильмы-ужастики, чередуя их с футболом и хоккеем или какой-нибудь комедией. Так власти легче управлять народом. (И овцы целы, и волки сыты.) Власть думает, что управляет, а народ делает вид, что управляем. «Это уже надоело», – говорят мужики. «Что же нужно народу деревни?» – спрашиваю я у Антона Макарыча, председательствовавшего 22 года в колхозе и имеющего два высших образования. Молчит. Я говорю: «А если малый бизнес организовать?» – «Брось свою дурь, – отвечает он, – в деревне можно сеять, убирать хлеб, овощи и сдавать государству, а ты говоришь – бизнес. Какой бизнес в деревне?! Шило на мыло менять или яйца на огурцы? Перешивать из большой китайской штанины пять трусиков? Нет. Селянам нужна земля. При этом без налогов хотя бы на 5–7 лет. Пусть берут два–три гектара. До покупки сельхозмашин и удобрений люди будут пахать пальцами, а урожай сгребать пятернёй. Кинули нас на произвол судьбы, а в годы советской власти высосали нас». «Что ты мелешь?» – перебила его жена – представитель интеллигенции. «Дай договорить один раз в жизни, – резанул председатель и продолжил, – жили во имя отложенного счастья и теперь плохо живём, почти еле-еле дотягиваем от пенсии до пенсии. Власть забывает, что людям надо есть минимум три раза в сутки, они же не могут питаться воздухом, как некоторые бактерии... Власть помогает голодным Сомали, Египта, всего Востока. Находим же деньги? Находим. Зачем? Ничего не поделаешь. Тут политика, как в советское время. Население не верит тому, что власть борется против воровства,

взяточества, тогда как коррупция по официальным данным составляет 53% от ВВП. Трудно переубедить народ в обратном. Спрашиваешь, что нужно народу? Ему нужны справедливость и самоуправление без партийной окраски». Слышится лишь вздох.

Жителей деревни удивляют ожидаемые в 2012 налоги на недвижимость. «У нас недвижимости нет, – говорят они, – туалеты ходят ходуном, чуланы и пристройки качаются, если не считать мотоцикла «Урал» (1989 года выпуска) Макарыча, который он привязал и прикрепил к бетонному столбу десять лет тому назад так, что воры из города не смогли сдвинуть его с места ломami и каким-то тягачом. Вот это недвижимость! Можно обложить её единым налогом до того, как сдать в металлолом. Интересное рассказали о Феклуше. Ей тоже за 80 лет, она глухонемая. С 16-ти лет работала техничкой в школе. Когда ей исполнилось 55 лет, назначили пенсию – 1324 рубля, но она продолжала работать аж до 75-ти лет. Даже после того, как закрыли школу, она в течение полугода один раз в неделю мыла полы. Еле-еле убедили, что школа больше не работает, зарплату выдавать не будут. Правда, учительница, жалея её, ежемесячно давала по 500 рублей из своей пенсии. Три года тому назад, когда в деревне не стало последнего отпрыска, приехали из соседнего села сломать здание этой школы размером 4м на 8м. Феклуша, увидев сломщиков, бросилась на них, что-то кричала, кидала камнями, будто бы отнимают её грудного ребенка. Еле успокоили. Но она не понимает, что в целях усиления материальной базы средних школ райцентра, малокомплектные надо закрывать. Если бы она не была глухонемой, можно было бы ей как-то объяснить. Вот когда сломали медпункт, никто не сопротивлялся. Было некому: медсестра, проработавшая 38 лет, до этого события успела отправиться на тот свет. Жители деревни, кроме Макарыча, по сей день не понимают действий властей центра и района. Раньше народ заполнял закрома Родины – не смог. Ждали коммунизм – не наступил. Все ждали квартиры к 80-му году XX века – не получилось. Мечтали о демократии – дождались диктатуры вертикали. Что же ждёт его впереди – народ не знает. А Макарыч молчит.

Разуверился народ во власти. Больно. Жаль. Самое ужасное в том, что он не верит в свои силы и в своё будущее. Это уже трагедия. Для народа деревни, как думают некоторые, находящиеся у власти, нужна свобода. Нет. Не в том проблема, свобода или не свобода. Селянам страшна свобода от земли, свобода от труда. Пока что нет для них ни земли, ни труда, ни прав. «Закон в руках чиновников и судей», – утверждают они (о московских судах и прокуратуре речь не идет – это и так понятно). Вот почему они не только бедные, но и пассивные и безразличные (осознание обреченности хуже смерти!).

Однако этот же народ, увидев первых лиц государства, губернаторов и высокопоставленных чиновников, бросается к их ногам, целует их руки,

фотографируется, просит коляску для инвалида. По-моему, нет в мире народа, кроме дикарей Африки, который бы так почитал своих бездушных правителей и господ. (Отче наш, прости раба своего за грешные мысли его!) Народ интеллигентами считает тех, кто одет в модный китайский ширпотреб и работает в офисах, высотных домах, а иногда даже тех, кто вежливо вручает им квитанции на плату света, газа, стоимость которых каждый месяц увеличивается в разы.

Современные «кандидаты» в интеллигенцию – продукты трансформации общества с новыми ценностями и новыми правилами игры. Вследствие этого изменился образ и стиль жизни молодых людей, гражданская позиция стала другой, что обуславливает формирование личностных качеств, которые интегрируются конгруэнтно новым ценностям и стилю жизни общества (деньги, карьера, успех – любой ценой!). Такие личностные качества, как совесть, справедливость, ответственность и т.д. не способствуют достижению названных ценностей, поэтому проявляются эпизодично и фрагментарно, от случая к случаю.

Недавно в аптеке встретил свою бывшую студентку. Раньше была она умной, бойкой, активной. Окончила с отличием дошфак. Поговорили с ней об её однокурсниках, преподавателях, семье. Потом я поинтересовался её работой. Оказалось, что она проработав три года в детском саду, устроилась на телевидение в одном крупном городе. Вела передачи о воспитании детей в семье, о культуре. Затем её послали в Москву на высшие курсы ВТРК, ныне работает там же. Тут задал вопрос: «Почему так много показываете катастрофы, убийства, изнасилования, педофилии? Нельзя ли свести такие передачи к минимуму? Ты ведь детский психолог. Ты ведь из интеллигентной до пятого поколения семьи! Она выслушала спокойно и ответила кратко: «Я вначале чиновник, потом интеллигент». И добавила: «Выше головы не прыгнешь». Я продолжил: «Ведь надоели передачи типа «Дом-2», грабежи и убийства». Последовал вежливый совет: «Выключите телевизор». Мне стало не по себе. Она, увидев это, предложила валидол, тем самым проявив свою интеллигентность. Вот вам ответ на вопросы, где наша интеллигенция, куда делась интеллигентность и как она проявляется.

Это и понятно: новая интеллигенция, подобная интеллигенции XIX века, не может формироваться при диктатуре, вертикали власти и при отсутствии свободы и демократии в общеевропейском понимании. Вот почему, если будем жить так же, осколки интеллигенции как общность людей в недалёком будущем исчезнут как явление. Вместо интеллигенции сформируется виртуальная общность интеллектуалов, функционирующих как молекулы в броуновском движении в различных слоях общественной реальности. Термин «интеллигенция» будет существовать в словарном запасе людей в качестве архаизма. Ныне же интеллигентность как понятие, выражающее высокую нравственность, уже воспринимается как симптом,

мешающий успешному продвижению человека по карьерной лестнице и как помеха в достижении успеха в бизнесе, финансах, политике. Даже те, кто не прочь придерживаться определённых нравов и привычек старой интеллигенции (типа С. Лосева, С. Ковалёва, Д. Лихачёва), сшив новый костюм у Кардена (как, например, Г. Греф, А. Дворкович, М. Прохоров), проявив свою интеллигентность в Куршавеле или на каком-нибудь саммите в Европе, а также на Селигере, а интеллект – в стенах Гарварда, Кембриджа и даже в колледже г. Урюпинска, не будут соответствовать содержанию понятия, не станут интеллигенцией прошлого столетия подобно Л. Ландау и П. Капице. Ибо они обслуживают новую власть, функционируют в период отчуждения власти от народа, а народа от власти, всеобщего кризиса и стагнации России как последней империи земного шара. Из этой стагнации и кризиса вряд ли скоро выведут медведевская модернизация с путинской вертикалью, вряд ли скоро зародится новая общность интеллигенции, которая, как в старые времена, посвятила бы себя просвещению народа, внедрению в сознание населения духа и идеи свободы и демократии в истинном значении данных слов.

Почему мы стали такими, в чём корень зла? Вряд ли можно найти всеобъемлющий ответ. На мой взгляд, причин несколько:

1. Вековое отставание России от развитых стран Запада по существу. Контраргументация коллективизацией, индустриализацией, победой в Великой Отечественной войне, полётом в космос, атомной бомбой оспорима по всем статьям.

2. Господство крепостного права в течение столетий во всех сферах взаимоотношений власти и народа, чиновников и населения, ставшее в психике россиянина социально-генетическим фактором, определяющим его мироощущение, образ жизни.

3. Бесконечные войны под разными обоснованиями их необходимости (за царя, религию, территорию, партию, Державу, кровные связи, сами напали первыми и т.д.). Любая война, с точки зрения цены человеческой жизни, аморальна: она, хочешь – не хочешь, учит убивать, грабить, насиловать. Война уродует психику, превращая человека в убийцу (полковник Буданов).

4. Геноцид различных форм (революция, раскулачивание и раскрестьянивание, страшный искусственный голод, репортации, массовые расстрелы и др.) против инородцев и своего народа независимо от происхождения, вероисповедания, местоживания.

5. Государственное устройство, обусловливаемое названными факторами и одновременно обусловливающее их. (Истинное государственное устройство России определить невозможно.)

Векторы этих факторов в 90-е годы прошлого столетия пересеклись в одной точке и стали причиной большого взрыва – распада СССР и всего того, что мы имели. Эти же факторы обусловили и разложение

интеллигенции. Удивляемся, возмущаемся, обвиняем кого угодно, кроме себя, тщетно хотим наладить жизнь так, как «за бугром» с помощью нефтяной иглы, нанотехнологий (заказа на которые нет и вряд ли будет), модернизации и электронной начинки «Мистраль». Образно говоря, на тело человека с советско-имперским духом и комплексом неполноценности хотим надеть европейский костюм западной демократии. (Клоунада!)

Реальность же такова: «Курск», «Саяно-Шушенская ГЭС», крах «Банка Москвы», пропажа пенсионного фонда, сгоревшие дотла дома престарелых, «падающие» вертолёты и самолёты, лесные пожары (они иногда стабилизируются из-за дождей), судьба полковника Буданова, забота о детях, находящихся в американских семьях, взрывы военных складов, Кандоноч, Согра, злодеяния пермских омовцев – символические факты - сообщения о состоянии дел в стране. Всё это лицо партии «Единая Россия», чиновничества и тандема. Чего стоит случай с теплоходом «Булгария» – модель современной России: плывёт на боку и тонет. Это трагедия. Разделяем горе родственников погибших. Вот подъём теплохода – фарс: то трос лопается, то подъёмный кран выходит из строя, то иллюминаторы не закрываются, то ил мешает, то песок. Но теплоход сам почему-то не хочет подниматься. В течение десяти–пятнадцати дней сообщали в новостях о подвигах МЧС. Гордились так, будто догнали и перегнали по доходу на душу населения Испанию или Португалию. Тогда бы я допустил этот ажиотаж. Для нас этот случай освещался как день национального спасения. В будущем день окончательного подъёма этой посуды могут объявить национальным праздником России. Дурдом. Почему мы лишены рефлексии и адекватной самооценки? – Таков наш менталитет.

На этом фоне закладка фундамента памятнику Столыпина – очень знаковое явление, символично: судьбоносные для России преобразования, народные волнения, виселицы и гибель самого реформатора от пули террориста. Плата. Проклинали и вдруг вспомнили великого реформатора. Стоит... Однако полезно знать о том, что любое воспоминание человека – это примеривание себя к его образу: или идентификация, или отторжение, а может быть, вместе то и другое. Так бывает и при рождении и смерти близкого. При его рождении мы иррационально радуемся продолжению своей жизни в нём, а при кончине оплакиваем и свою смерть. Насколько случай с закладкой памятника – оплакивание, остаётся загадкой.

Мы не знаем, какие мысли и переживания овладевали В. Путиным при закладке фундамента памятника. Видимо, патриотические. Я почему-то на 104% уверен, что его изберут на следующий срок. Причин несколько: он – выходец из силовых структур, они в его руках, сросся с олигархией, партия под его колпаком. Кроме того, в личностном плане он харизматичен, умён, тщеславен, демонстративен, самоуверен, себялюбив,

беспощаден и... спортсмен. Владимир Владимирович вполне удовлетворяет олигархов, националистов, шовинистов, военных, фанатов, партийцев, и т.д., т.е. всех, у кого комплекс державности и комплекс неполноценности как у немцев после первой мировой войны (чем она закончилась, знают многие). Тогда остаётся ему нести не только свой крест, но и Столыпина. С чего начать? Продолжать старое. Нет, это мы проходили. Упомянутый выше Антон Макарович полушутя и полусерьёзно ответил на этот вопрос так: «Свою деятельность я бы начал со строительства новых сортиров. Это можно было бы заказать жене Ю. Лужкова. Она ведь в свое время наводнила Россию пластмассовыми стульями, ведрами и совками. Пусть сортиры будут пластмассовыми». О чистых сортирах мечтал в своё время и В. Маяковский (97 лет тому назад). Ведь и ныне в деревнях есть дома без туалетов, без воды, без газа. Значит, всё ещё идёт какая-то война. Живя в войне, народ не накормишь, сортиры не построишь. Ходят за сарай. Что? Реки потекли назад? Женщины перестали рожать? Нет. Всё сказанное выше характеризует наш менталитет.

Страшны коррупция, воровство, убийства, изнасилования, растление малолеток, безотцовщина, разводы, драки, пропажи миллиардов... Странно, эти миллиарды то ли закапывают вместе с нефтепроводами, то ли кладут под асфальт, то ли черти воруют. Ищем причины. Знаем, догадываемся, но не находим. Возмутился даже президент, назвал всё это бардаком. (А воз и ныне там!) Следствие – растерянность, брожение умов, ностальгия по прошлому: вот тогда не было грабежа, убийств на улицах, не было буржуев-олигархов, мироедов, закупающих продукты у селян за гроши, спекулянтов. Все были сыты и одинаковы (конечно, на фоне нищеты послевоенных лет), снижали цены весной и т.д. Сталина бы им, Сталина!.. При этом и члены КПРФ, и 30–40% населения упускают из виду, что «отец народов» нашёл бы управу на правителей, воров и жуликов сегодня, а завтра взялся бы за нас. За 3 кило картошки, выкопанной из своего же огорода без разрешения тёщи. (Оказывается, память людей со славянской внешностью коротка, а у людей с кавказской внешностью – феноменальна.) Могут возразить: мы победили немцев, упускаете героизм советского народа. Да, мы победили телами отцов и дедов, ведь соотношение погибших со стороны немцев и наших – 1: 7. Храним в памяти героев – это закон. Спасибо. При этом и победу, и поражение следует оценивать ценой человеческой жизни, дороже которой ничего в мире нет. Её не заменят ни ордена, ни памятники из бронзы. Однако надо помнить трагедию народа глубже, чем победу в войнах. А у нас помнят победу больше, чем трагедию. Почему? Тем самым хотят стереть из памяти народа злодеяния узурпаторов и человеческую цену всяких побед. Нечего скрывать, что у половины населения России ностальгия по социализму. Лучше всем быть бедными, но одинаковыми.

Назад, к социализму! Это напоминает крестьян, которые после отмены крепостного права в 1861 году растерялись, плакали и просили у своих притеснителей-помещиков взять их обратно к себе. Такие факты чётко раскрывают сущность понятия «русскость», углубляя смысл нашего менталитета.

Откуда это, почему так? Поверхностный ответ заключается в том, что люди, носившие в генах бактерии названных выше пяти факторов, проходя войны, репрессии, тюрьмы, их законы и правила непосредственно переносят на повседневный быт, производство и межличностные отношения. (Разумеется, мы не отрицаем роли социальной среды и индивидуальных особенностей личности.) Вот откуда столько убийств, грабежей, насилия, воровства. Против них боремся почти подобными же методами (убийство С. Магнитского). «Головоотяпство», – сказал бы Салтыков-Щедрин. Тут уж славянская внешность не имеет значения. Ждём спасения от церкви, от нового посланника Бога в лице В. Путина с подачи В. Суркова, подхваченного телекомментатором А. Карауловым. Я уверен в том, что в скором времени телевидение будет творить чудеса по поводу нового апостола России и предстоящей его деятельности после выборов. Но реальное положение, на мой взгляд, патовое, точно выраженное притчей об абсолютном могуществе Бога: «Может ли он создать камень, которого сам поднять не сможет?» Любой ответ нулевой. Это вполне относится к возможностям Верховной власти и Российской державы. Отсюда – цивилизованный «демонтаж» Российской империи или преобразование государственного устройства по социально-демократическому пути. Лучше и то и другое. Но наша власть всегда мыслит только имперскими категориями: тоталитаризм, диктатура, подавление свободомыслия и волеизлияния. Как бы к середине нынешнего столетия не пришлось нам накрыться медным тазиком (О, Боже прости раба своего за предвосхищение событий). Может, найдётся спаситель? Однако ни Сталин, ни Рузвельт, ни де Голь, ни Аденауэр и вместе взятые вряд ли смогли бы вывести страну из стагнации. Может вывести из стагнации только сам народ, когда страной будут руководить Явлинские, Алексашкины, Ясины, Лимоновы, Навальные, Немцовы, Удальцовы, Рыжковы, и им подобные, готовые служить не власти, не отдельным партиям, а всему населению страны. При этом, не какие-то новоиспечённые менеджеры (типа Зурабова), а профессионалы высшего класса, знающие свой и мировой опыт управления министерствами и государством, исходящие в своей деятельности, прежде всего из интересов простого народа, а не из интересов олигархов, капитала, финансов. Нам не следует в будущем отказываться и от услуг А. Кудрина – одного из лучших банкиров Европы. Это касается и В. Путина, которого можно оставить в правительстве в качестве министра спорта и туризма (пусть готовит Сочи к Олимпиаде и всякие спортивные зрелища, катается на

квадратцикле, ищет амфоры в Азовском море...). Но у меня, например, нет веры и надежды ни на одну партию. В самом деле, любая партия борется за власть, защищает власть от народа и себя от него. Все знают, что семьи Г. Зюганова, В. Жириновского и М. Прохорова – богатейшие люди России (я не против богатства, нажитого собственным трудом). О власти и партиях я сужу по шлейфу их правления в течение десяти лет: Чеченская, Грузинская войны, оккупация Осетии и Абхазии (по признанию мирового сообщества), развал промышленности, сельского хозяйства, здравоохранения, высшего и среднего образования, жилищного строительства, перевооружения армии. Плюс негативы, перечисленные выше. Об этом пишут в некоторых газетах, иногда говорят по радио, изредка показывают по телевидению (после цензуры!).

Истинную причину положения не раскрываем. В этом случае ведь придётся переписать историю, признать ошибки, раскаяться. Нет, нет! Зачем нам?

Что касается интеллигенции, то она, будучи родной дочерью этого же народа, рассыпалась, растворилась в современной российской действительности, подтверждая свою бесхарактерность, половинчатость и мягкотелость. Она птица без крыльев; у неё ни кола, ни двора – лишь вздыхает, возмущается (чаще под одеялом!).

Нужен, по-видимому, новый Моисей, который бы вывел нас из пустыни беспредела и безнравственности. Правда, лет десять водил нас наш национальный лидер В. Путин. Но тщетно. Остаётся блуждать в пустыне ещё не менее пятнадцати–двадцати лет (если не 50–100 лет!).

Однако не следует считать, что всё сводится к коллапсу, стагнации, а планы Кремля – фантазия и что говорят от их имени – фальшивка. Потому что в конце тоннеля российской действительности есть «свет», который вселяет веру в дальнейшую перспективу. Значит, маячит какая-то надежда. Эта надежда основывается на дальновидной идее нового мэра Москвы С. Собянина относительно расширения владений г. Москвы до границ бывшей Московии XIV–XV веков. Эта идея, по всей вероятности, формировалась на уровне бессознательного, архетипического, начиная с 90-х годов XX столетия в связи с началом распада Российской империи (СССР) и явным ослаблением федеративных отношений (Чечня, Дагестан, Ингушетия, центробежные тенденции на Дальнем Востоке). Одарённые интуицией отдельные представители элиты и милитаритета чувствуют, что надвигается гроза, и делают про себя вывод о том, что на фоне дальнейшего развития мировых центробежных тенденций (Югославия, Судан, Алжир, Йемен, Ливия и т.д.) на повестку дня истории России встает вопрос о новом федеральном устройстве государства, о новом демократическом пути его развития (типа Канады, Швейцарии, Англии и др.). Мы всё ещё боремся с мировым империализмом, терроризмом, огуречными бациллами, «с синими ведёрками». Бороться надо. Но не надо

упускать из виду, что любой терроризм, прежде всего, является реакцией на государственный террор, а сепаратизм – реакцией на угнетение малочисленных народов со стороны великих держав. (У нас часть малочисленных народов вымерла, а часть исчезнет в скором времени.) Эту центробежную тенденцию субмаринами, ракетами, репрессиями, депортациями, а также слезоточивыми газами и дубинками не остановить. Можно, разумеется, оттянуть, отодвинуть с помощью маленьких победоносных войн, как в своё время в Чечне, Ингушетии, Грузии и, как ранее бывало, подавлением восстаний народа в бывших дружественных нам странах (Польша, Чехословакия, Литва, Венгрия и т.д.). А дальше что?

Жизнь требует мудрого, дальновидного, упреждающего решения внутригосударственных и межгосударственных вопросов, иначе нас может ожидать участь более страшная, чем распад СССР и его последствия. К сожалению, нас не своя история, ни чужая ничему не учит. Главное, без войны, без крови, без амбиций на статус мировой Державы, без пресловутого собирательства осколков бывшей империи. Иначе мы движемся к новому витку катастрофы. Разве не слышен звон колоколов бога войны Молоха? К сожалению, да. А надеяться на спасение нас новыми посланниками Бога, а также всякими фронтами и ополчениями – смешно, очередная соломинка для утопающих, «троянский конь», колыбельная для усыпления уставшей, растерявшейся, верящей в чудо части населения, очередной трамплин для авантюристов, простофиль, надеющихся на удачу и милость «Единой России» и правительства. Для этого можно ознакомиться с обращением «Народного фронта» к населению. Там в основном те обещания, от которых в своё время отказалась вертикаль власти (выбор губернаторов, мэров и т.д.). Но от данных новых обещаний правительство откажется через неделю или две после выборов. При этом если власть кое-что и сделает, то с вероятностью восемьдесят процентов с вариациями это будет напоминать то, что сделали с пресловутой гречихой. Вспомним: полтора года назад килограмм гречихи стоил 40 руб., потом её стоимость поднялась до 140 руб., затем из-за сильной заботы о нас правительство добилось снижения её стоимости до 100 руб.; поднимают базовую часть пенсии на 6 % при инфляции 9 %, а на второй день цены в магазинах поднимаются на 10–15%. (На Западе подобное называют государственным грабежом.) Народ же не состоит из одних «иванов-непомнящих». Народ ни правительству, ни обещаниям партий, что ни делай, не верит. Правильно делает, но позитивных изменений все ещё ждёт от кого-то, от чего-то. Но простофили почему-то надеются, что перед выборами что-то улучшится (ждут подаяния, подарка типа собственного хвоста Иа, который подарили ему на день рождения).

Разумеется, в новую Госдуму из Народного фронта отберут по пригодности, по крови и моче. И не исключается, что, прежде всего, учтут

соответствие сущности кандидата его фамилии: Бабкина и Дедкина, Даткин и Лапкин, Пупкин и Дудкин. Могут быть украинские фамилии: Свистун, Горлопан, Пугач, Никуда и т.д. Думаю, что многим не ясна цель выборов в Госдуму – это игра в демократию для облегчения ручного управления государством. Народ, как ни странно, верит в намерения власти. Намерения ярко озвучиваются, особенно перед выборами. Да, это везде так. Но следует помнить слова В. Белинского о том, что Русь погубила вера народа в добрые намерения царя.

Нередко спрашивают, почему народ не любит власть. Ответ прост как сам вопрос: власть любят наивные и те, кто у власти, а чиновничья рать делает вид, что слушается её и уважает. Преданность и верность чиновников государю точно соответствует словам Иисуса, сказанным Павлу о его верности ему: «Ты предашь меня прежде, чем петух прокукарекает трижды». Круг «народ – власть – чиновники и выборы» замыкается.

Страшно. Больно. Трясёт. В этих условиях, во что бы то ни стало надо сохранить Русь! Вот это и предощущение полного распада РФ, желание сохранить сердце России и обусловили идею С. Собянина о Московии. Это великолепная, пока не до конца осознанная и озвученная стратегия. Спрашивается, почему?

Думается, стратегия этой идеи содержит в себе два сценария развития России в недалёком будущем. Смысл первого сценария – подготовить почву для противостояния центробежным тенденциям в РФ, обусловливаемым политическим ослаблением сил вертикали власти, едва заметным расширением полномочий субъектов Федерации (возможная выборность мэров, губернаторов, передача части полномочий центра субъектам). Но власть, как ни парадоксально, усиливает могущество Москвы, пытаясь создать международный финансовый центр, концентрируя научный потенциал страны (имеем в виду Сколково), делает заметные шаги по изменению инфраструктуры столицы. Это следует понимать, как стремление Кремля сделать Москву суперсубъектом, чтобы другие субъекты фактически стали абсолютно зависимыми от центра. Всё перечисленное, по существу, сепаратизм (при обвинении других в сепаратизме, экстремизме!). Если Казань, Урюпинск, Тьмутаракань захотят стать суперсубъектами? Кому не охота жить как в Европе, в худшем случае, как в Москве? Все законно, конституционно. Богато жить не запретишь. Да, но нельзя. Это будут считать сепаратизмом. Вот вам двойной стандарт, вот вам имперский подход. Что может делать Тьмутаракань, когда 70–80% финансов в руках Московии? Причина сепаратизма не в бороде ваххабита, не в парандже мусульманки, не в осле Ходжи Насреддина.

Итак, второй смысл создания суперсубъекта С. Собяниным – подготовка подарка В. Путину на следующий срок избрания его

президентом. На этом фоне не исключено, что С. Собянин самим В. Путиным может быть назначен главой правительства. (Мэр пока без явных комплексов.) В этом случае В. Путин не только восстановит ослабляемую Д. Медведевым вертикаль, а более изощённо может довести её до единоличной диктатуры. Этот удав единоличной диктатуры и концентрация всего потенциала страны в Московии, по всей вероятности, приведут к полному параличу лоскутьев империи и оставшихся от советской власти промышленности, сельского хозяйства, экономики в целом (кроме нефтянки), культуры и образования (они, в самом деле, на больничной койке с кислородной подушкой).

Народ, как я думаю, наконец-то окончательно поймёт (ждите!), что во всём этом виновато государство, его строй. По этой причине произойдёт бесповоротное отчуждение народа от власти и власти от народа и наступит момент истины: верхи не могут, а низы не хотят... Хаос... броуновское движение (в который раз!). Сделать этот хаос как-то управляемым, думает элита, после В. Путина, по всей вероятности, придётся С. Миронову, М. Прохорову или другому олигарху. Тогда всё вернётся на круги своя: будем надевать штаны как всегда – через голову. В худшем случае не исключается приход к власти военной хунты (милитаритету сон уже снится). Всему причина – слабость истинно демократических и либеральных сил, которых никогда не было в России. Всё знаем, но молчим. Это наш менталитет.

А что с интеллектуалами, что с интеллигенцией?

Интеллектуалов будут штамповать в Сколково, там они будут трудиться в офисах с нанотехникой передовых стран и жить в домах с евроремонт. Глянь, к этому времени, завидуя нам, начнут возвращаться эмигранты-интеллектуалы (вряд ли дождёмся). В этом случае у наших интеллектуалов будет какая-то опора. Но половина из них, по всей вероятности, рассыплется по социальным структурам Московии, а вторая половина будет снова эмигрировать в Китай (привыкли к кислороду и роскоши).

С интеллигенцией дела обстоят сложнее. Ведь власть знает её бесхребетность, мягкотелость, свободолюбие, критичность. Понравится ли она с такими чертами характера новой власти? У власти аллергия на интеллигенцию. Кроме того, эта новоиспечённая “интеллектуальная интеллигенция” (если образумится!) по старой привычке будет искать ответы на вопросы «кто виноват?», «что делать?», хорошо зная о том, что дух крепостного права до сих пор сидит в печенках, как у представителей власти, так и у самого народа. Она, по всей вероятности, будет ждать, и дожидаться ухода хунты, играя в самиздаты, подпольные сходки. Почему-то к строке напрашивается вопрос поэта: «Проснёшься ль ты... осмеянный пророк?». Хочется верить. В самом деле, слышатся голоса отдельных интеллигентов-стойков подобно весенней песне жаворонка, слышатся всё

громче и громче. И, слава Богу! К этим голосам стала прислушиваться небольшая часть молодого поколения (иногда доходит до пятисот–шестисот человек!), хотя её травят слезоточивыми газами, прессуют к асфальту дубинками, науськивают друг против друга, спаивают.

Всё-таки есть надежда на реинкарнацию настоящей «интеллектуальной интеллигенции», но вопрос заключается в том, какой она проявит себя в настоящее время и в будущем. Очень хочется, чтобы возродившаяся интеллигенция не стала преемником Р. Раскольникова с топором за пазухой, который раскаивался за содеянное им в прошлом, метался в настоящем, боялся за грядущее, а стала бы совестью народа, творящей добро и свободу вместе с ним в ежедневной борьбе со злом. С чего начать? С точки зрения провинциала, с подготовки широких слоёв населения к выборам, разбудив их от непробудного сна из-за комплекса беспомощности и обречённости, брошенности на произвол судьбы властью, чиновниками, и доведения до их сознания того, что без гражданского общества, без их собственной активности ни политическая, ни экономическая, ни культурная жизнь страны не улучшится; ни нефть, ни газ, ни Сколково, ни «Мистрали», ни «Булава», ни контрактная служба не спасут Россию от распада. Только активность, только борьба за гражданское общество через честные выборы выведут нас из всеобщего бардака (жди!).

Однако интеллигенция с половиной населения спит. Пока слышится нервный храп. Ей видится кошмарный сон: Кремлевская площадь. Спасская башня с плачущей иконой, вмонтированной в её стену. Пасмурный день, дует сильный ветер с запахом нефти со стороны Уренгоя. С неба падает первый снег, хлопья которого похожи не то на доллар, не то на евро, не то на юань... Стены Кремля облеплены лозунгами: «Да здравствует цензура – условие стабильности России!»; «Нанотехнологию – в каждый дом!»; «Экономика должна быть экономной!»; «Нашисты! мочите «чужих» в сортире!»; «Свободу М. Ходарковскому!»; «Россия для русских, а Москва – для москвичей!»; «Ударим по бездорожью!»; «Собака – тоже человек!»; «Все наши беды из-за дворников!»; «Граждане, затяните ремни потуже!»; «Вы – не наши, мы – не ваши!»; «Уходя из структуры власти, не хлопайте дверью сильно!»; «Татар и башкир – в Монголию!»; «Свобода лучше несвободы!»; «Россияне! Полуживите как можете!»; «Хрен редьки не слаще!». В полуночной дремоте интеллигенции почему-то видятся: Б. Немцов в плавках, вяжущий сеть для ловли карпов или пираний, напевающий песню «Вставай, страна огромная...»; Н. Михалков, играющий на губной гармошке гимн СССР; вдруг показалась канцлер А. Меркель, раздающая кислородные подушки, рекомендуя разбирать кирпичи “берлинской стены” между богатыми и бедными; девушки, рвущие с себя майки и бикини в поддержку В. Путина, с лицами А. Кабаевой, аплодирующий им С. Берлускони; Ф. Дзержинский,

выводящий из ворот Кремля одномандатников; А. Макаренко, отправляющий с Манежной площади фанатов-беспризорников на поселение в Селигер; священнослужитель с В. Чуровым, загоняющие бесов в Кремль; писатель М. Веллер с Ю. Шевчуком со шваброй и ведрами в руках, собирающиеся мыть Красную площадь; пляшущие жены олигархов вокруг сидящей на асфальте матери Терезы (вместо “золотого тельца”); пролетающая над Кремлем амфибия, за рулем которой Г. Зюганов с сыном А. Лукашенко... Вдруг тишина – и слышится уверенный голос В. Путина: «Не хочу, не буду, уйду, всё – не баллотируюсь...», и шёпот миллиардера Р. Абрамовича: «Ужас, хитёр... чекист... кинул нас...», и, откуда ни возьмись, слышится молитва героя России Р. Кадырова: «Аллаху акбар...», сливающаяся с гомерическим смехом иконы со стены Спасской башни... И спящая интеллигенция перевернулась на другой бок. Как бы её сон не перешёл в летаргический...

Титова Р. Д
Уфа

Специфика обретения общественного идеала в ходе социализации

Человек, рождаясь, развивается и формируется в некоем изначально заданном для него социокультурном пространстве, является носителем общественных отношений. Процесс вхождения в социальную среду и усвоение индивидом социального опыта определяется как процесс социализации. И поскольку социализация выполняет важную роль в формировании и обретении человеком общественного идеала, поэтому, в первую очередь, мы постараемся раскрыть ее сущность.

Термин «социализация» не имеет однозначного толкования. Прежде были распространены два подхода к его пониманию - психоаналитический (субъект-объектный) и интеракционистский (субъект-субъектный). В психологической традиции социализация понимается как вхождение изначально асоциального или антисоциального индивида в общественную среду и адаптация к ее условиям. В русле интеракционизма она трактуется как процесс и следствие межличностного взаимодействия людей.

«В каждом обществе, - пишет Б. Ерасов, - вырабатывается процесс социализации личности, т.е. развития человека активного, полноценного члена общества. В его ходе осуществляется подключение индивида к социальной памяти данной общности, освоение им накопленных традиций. Через различные социальные механизмы и институты индивид осваивает необходимые производственные навыки, практические знания о естественной и социальной среде, культурные ценности и нормы. Существует немало определений процессов социализации, но, не смотря на некоторые различия в акцентах, сущность этого процесса понимается

как «усвоение индивидом необходимого для жизни в данном обществе социокультурного опыта»[3; 244].

Согласно известному австрийскому социологу, философу Э. Гидденсу «Социализация — процесс, в ходе которого беспомощный младенец постепенно превращается в обладающее самосознанием разумное существо, понимающее суть культуры, в которой он родился. Социализация не является разновидностью некоего «культурного программирования», во время которого ребенок пассивно воспринимает воздействия со стороны того, с чем входит в контакт. С самых первых мгновений своей жизни новорожденный испытывает нужды и потребности, которые в свою очередь влияют на поведение тех, кто должен о нем заботиться.

Социализация связывает друг с другом различные поколения. Рождение ребенка изменяет жизнь тех, кто ответственен за его воспитание, и кто, таким образом, приобретает новый опыт. Родительские обязанности, как правило, связывают родителей и детей на весь остаток жизни. Старики остаются родителями даже тогда, когда у них появляются внуки, и эти связи позволяют объединять различные поколения. Несмотря на то, что процесс культурного развития протекает более интенсивно в младенчестве и раннем детстве, чем на позднейших стадиях, обучение и приспособление пронизывают весь жизненный цикл человека»[2].

В этих определениях многозначный термин «социализация» обозначает совокупность всех социальных процессов, благодаря которым человек осваивает и воспроизводит определенную систему знаний, норм и ценностей и идеалов, позволяющих ему функционировать в качестве полноправного члена общества. Причем социализация включает в себя не только осознанные, контролируемые, целенаправленные воздействия (в частности, воспитание в широком смысле слова), но и стихийные, спонтанные процессы, так или иначе влияющие на формирование личности.

Личность и общество выражают процесс взаимодействия социализации, результатом которого является согласование обоюдных требований и ожиданий. Личность приспособляется к существующим объективным условиям своего бытия. Но процесс социализации представляет собой одновременно и выявление индивидуализированной формы общественной сущности, то есть процесс саморазвития личности, обладающей определенной самодостаточностью.

Ценности личности образуют систему ее ценностных ориентаций, под которыми имеется в виду совокупность важнейших качеств внутренней структуры личности, являющихся для нее особо значимыми. Эти ценностные ориентации и образуют некую основу сознания и поведения личности и непосредственно влияют на ее развитие. При этом в соответствии с конкретной, индивидуальной иерархией ценностей,

наблюдается относительный характер ценностных ориентаций. Определенная система ценностных ориентаций и их иерархии выступает регуляторами развития личности. Они служат критерием норм и правил поведения личности, по мере усвоения которых происходит ее социализация.

Социализация личности включает в себя усвоение социального опыта и социальную активность личности. В этом смысле она совпадает с развитием личности. Нормы, средства и цели, выступающие как ценности личности, образуют систему ее идеалы и систему ценностных ориентаций, стержень ее сознания и являются импульсом ее действий и поступков. Важнейшим моментом социализации личности является ее самоактуализация.

По поводу роли высших ценностей в социализации и самоактуализации личности видный американский ученый А. Маслоу писал, что «... все самоактуализирующиеся люди вовлечены в некоторое дело. Они преданы этому делу, которое является для них чем-то очень ценным. Это - призвание судьбы, и люди любят его так, что для них исчезает разделение «труд-радость». «Один посвящает свою жизнь закону, другой - справедливости, еще кто-то - красоте или истине. Все они тем или иным образом посвящают свою жизнь поиску того, что я назвал «бытийными» (сокращенно «Б») ценностями, поиску предельных ценностей, которые являются подлинными и не могут быть сведены к чему-то более высокому. Имеется около четырнадцати таких Б-ценностей: истина, красота, добро древних, совершенство, простота, всесторонность и несколько других»[7; 110]. Эти ценности бытия выступают как важнейшие потребности (метапотребности), и они настолько значительны для личности, что их подавление порождает даже определенный тип патологий души, которые происходят, например, от постоянного проживания среди лжецов и потери доверия к людям. Бытийные ценности являются, по мнению Маслоу, смыслом жизни для большинства людей.

С проблемой идеалов, высших ценностей, и прежде всего смыслом жизни, связана и проблема «экзистенциального вакуума». В экзистенциальном вакууме оказывается человек, запутавшийся в ценностях или не нашедший их. Это состояние особенно широко распространено в наши дни. Традиционные и устоявшиеся ценности быстро разрушаются, и не только молодым, но и умудренным жизнью людям часто не ясно, для чего жить, к чему стремиться, чего хотеть. Экзистенциальный вакуум, связанный с потерей идеалов и смыслообразующих ценностей, с недостатком смысла жизни, имеет значительное отрицательное влияние на качество социализации личности и часто ведет к развитию неврозов.

Постоянным спутником и формой проявления экзистенциального вакуума является скука. В наше время она часто ставит гораздо больше

проблем, чем даже нужда. Это объясняется тем, что нужда толкает человека к действию, активности по ее преодолению, скука же часто приводит к бегству от реальности; пьянству, наркомании, а порой и к суициду; или к антисоциальному, отклоняющемуся поведению. Как верно то, что отсутствие идеалов и ценностей ведет к бегству от действительности, так же верно и обратное утверждение: «Если не хочешь бежать от действительности, нужно найти в ней человеческие ценности».[5; 123]

Таким образом, на формирование идеалов в ходе социализации личности немаловажное значение в этом процессе оказывают и ценности-средства, которые выступают как промежуточные ценности. Они подчинены высшим ценностям и обусловлены ими. Например, если человек стремится к утверждению справедливости, он никогда не будет использовать для этого несправедливые средства, а стремление к добру несовместимо с недобрыми средствами. Другими словами, без ценностей-средств не достижимы никакие ценности-цели, но вместе с тем никакие самые благородные цели не оправдывают дурных средств.

Ценности-средства в большей степени, чем высшие ценности, подвержены влиянию конкретных обстоятельств и их выбор зависит от возможностей, имеющихся в наличном бытии и общественной практике. Таким образом, одни и те же высшие ценности могут достигаться при помощи различных конкретных ценностей-средств. Последние могут быть при этом самого разного плана и иерархии: материальные и духовные, более общие и менее общие, экологические, экономические, социально-политические и т.д. Внутри себя они также имеют определенную иерархию, по-разному определяющую поведение личности. Эта иерархия обусловлена человеческой практикой, потребностями и интересами людей.

Видный русский философ П.И. Новгородцев писал следующее: «Личность есть начало безусловное, но не самодовлеющее: общество, которое ей противопоставляется, ведь это другие лица, которые могут быть не средствами, а только целями для данной личности. Являясь лицом и притязая на безусловное нравственное значение, я должен и в других лицах признать такую же безусловную ценность. Я не могу видеть в обществе, т.е. в других лицах, только средства для моих целей, я должен признать за ними значение таких же нравственных целей, какое они, т.е. все общество, должны признать за мною. Тут создается не отношение средства к целям, а более сложное отношение взаимодействия целей».[8;198]

Стоит отметить, что социализация личности неразрывно связана с таким понятием как «воспитание». В своей работе «Методика воспитания коллектива» проблему соотношения социализации и воспитания личности рассматривал и выдающийся педагог В.А.Сухомлинский. Он писал: «Процесс социализации является одной из важнейших предпосылок

формирования той воспитательной силы коллектива, о которой в педагогической литературе нередко приходится читать как о чем-то таком, что будто бы дается в готовом виде: А правильное включение в жизнь общества, правильная социализация возможны лишь тогда, когда человек сознательно стремится к гармонии собственного «Я» с интересами других людей, не только умеет, но и старается поступиться своими желаниями в интересах общего блага».[11; 89]

Стабильность, духовное здоровье общества невозможны без духовного развития личности, без стремления к «истинным идеалам».[4;302] От уровня нравственной культуры общества зависит успех или неудача социальных преобразований. Процессы воспитания и социализации неразрывно соединены. Поскольку сферы воспитания и социализации в значительной мере пересекаются, то социализацию необходимо определять как имеющую целью и духовное здоровье общества, и духовное здоровье личности. На пересечении областей социализации и воспитания находится процесс индивидуализации личности, когда, приобщаясь к различным сферам жизни общества, личность вместе с тем приобретает и все большую самостоятельность, относительную автономность. Здесь происходит интернализация культуры, обучение ролям. Кроме этого, есть такая часть социализации, которая направлена только на поддержание общества. Здесь личность включается в систему общественных отношений, приобретает социальную природу, социальный опыт, адаптируется к обществу. Аналогично, есть часть воспитания, направленная только на развитие личности, ее духовный рост. Здесь происходит определение смысла жизни, нравственных ориентиров личности, развитие и самоизменение человека. Это сфера не только морали, но и религии, и веры.

Отмечая важную роль воспитания в процессе социализации, В. И. Добренков и А. И. Кравченко не случайно определяют его как окультуривание человека, т.е. прививание ему заранее заданных культурных черт, определяемых обществом через соблюдение культурных норм, признание определенных идеалов, ценностей и бытовых правил поведения. В качестве «агентов социализации» они выделяют людей, ответственных за обучение и передачи культурных норм, общественных идеалов и освоение индивидом, группой их социальных ролей. К «агентам первичной социализации», т.е. ко всем, кто составляет ближайшее окружение человека, они относят его родственников, друзей семьи, сверстников, воспитателей детских дошкольных учреждений, учителей, тренеров, врачей, лидеров молодежных группировок, а к «агентам вторичной социализации» - представителей администрации воспитательных и образовательных учреждений, предприятий, армии, правоохранительных органов, конфессий, государства, СМИ и пр., т.е. всех, кто оказывает на человека менее важное влияние.[1; 66-71]

И социализация, и воспитание включают в себя освоение нравственных норм и идеалов. Но социализация направлена, прежде всего, на развитие духовного здоровья общества, а воспитание - на развитие духовности в личности. Другое дело, что первое без второго невозможно. Когда общество не стремится к поддержанию своего духовного здоровья, социализация в нем во многом заменяется простой адаптацией. Поддержание общества основано на его стремлении к здоровью, устойчивому саморазвитию, гармоничности свободы, прав и обязанностей личности и социальных институтов. Если же все это поддерживается в основном принудительными, силовыми мерами, это говорит о нездоровье общества.

Личная интериоризация (становление человеческой психики через освоение индивидом социальных ценностей) идеалов не сводится только к их заимствованию в житейской и исторической данности социальной действительности, а предполагает когнитивное освоение идей, составляющих содержание идеалов. Конкретное содержание идеалов базируется, с одной стороны, на системе ценностей, функционирующей в обществе на данном этапе его истории, с другой, – иерархии ценностей-идеалов той социальной группы, к которой принадлежит индивид по происхождению.

Совмещение этих социально окрашенных представлений дает человеку знание об идеалах-нормах. Предлагаемых обществом и его социальной группой. Иерархия идеалов и ценностей, основанная на социальных нормах, позволяет обеспечить упорядоченность, регулярность социального взаимодействия индивидов и групп.

Таким образом, идеалы – это не просто идеи с определенным информационным содержанием. А такие, которые становятся направлениями поведения человека, принципами его деятельности и отношения к другим людям, к обществу в целом.

Между тем личностное усвоение идеала предполагает внедрение идей, его составляющих (и стержневых, и переменных), в глубинные пласты человеческой психики, в менталитет. Видимо поэтому на ранних этапах индивидуальной жизни (в детстве и отрочестве) нельзя с уверенностью говорить о сформированном идеале. Ядро символической системы ценностных ориентаций, составляющих суть идеала, оформляется в сознании в период социализации и в основном к завершению молодежного возраста преобразуется в социокультурный стереотип. В дальнейшем ценностная система препятствует кардинальной смене сформированного идеала (или идеалов), но позволяет внедряться новым идеям в сознание человека. Навязывание новых идеалов, особенно если они не соответствуют каноническому ядру, неизбежно сопровождается внутренними перестройками в структуре личности, а иногда, как отмечалось, приводит к кризису.

Следовательно, идеалы являются содержательным наполнением ментальности и в совокупности с ценностными ориентациями представляют собой механизм саморегуляции человеческой деятельности.

Однако социализацию не следует понимать как одностороннее воздействие социальной среды на индивида. По мере взросления человека нарастает степень его самостоятельности и автономности, и он постепенно приобретает способность к самовоспитанию и саморазвитию в русле установленных социальных идеалов и ценностей. Таким образом, человек. Включенный в сферу социальных взаимодействий, предстает как сложная многомерная система, сущность которой отнюдь не исчерпывается апелляцией к «ансамблю общественных отношений». Здесь необходимо учитывать и духовную компоненту, благодаря которой и оформляется направленность инициативы субъекта, а общественные отношения, в данном случае выступают лишь субстратом ее (инициативы) реализации.[6; 60]

Известно, что внутреннее содержание личности – не простой результат механического внедрения в ее сознание закономерностей объективного мира. А итог длительного взаимодействия человека с реальностью. В процессе, которого содержание внешних факторов становится прерогативой сознания и инструментом деятельности индивида. Детерминированность личности внешними условиями осуществляется посредством ее субъективности, а не помимо нее. Поэтому каждая личность представляется как уникальный и неповторимый феномен, ярко проявляющий свою субъективность.[9; 68]

В функциональном плане субъективность как сущностное проявление личности можно определить через внутренне организованную активность, которая проявляется, во-первых, в специфике селективного восприятия информации, во-вторых, в специфике использования данной информации в процессе субъектной деятельности.

Очевидно, что любой человек одновременно выступает как в качестве объекта, так и в качестве субъекта социального действия. Как объект он находится под постоянным социализирующим воздействием окружающего микро - и макросоциума; как субъект, он также оказывает определенное влияние на развитие процессов материального, духовного и социального преобразования соответствующих сегментов общественного бытия.

Итак, на обретение идеалов и ценностей в ходе социализации влияют три основных фактора в этом процессе: 1) развитие (саморазвитие) личности, и 2) ее приспособление к жизни в обществе, поэтому социализация охватывает и воспитание, и обучение, и «общее влияние среды», и просто взросление. Развитие человека во многом инициируется и обеспечивается социализацией. Верно и то, что в процессе саморазвития, самовоспитания человека также происходит его социализация.

Хорошо об этой неразрывной связи человека и общества сказал Вл. Соловьев: «Бесконечное содержание, потенциально заключающееся в личности, действительно осуществляется в обществе, которое есть расширенная или восполненная личность, так же как личность есть сосредоточенное или сжатое общество».[10; 868]

Литература:

1. Волков Ю. г. Социология: Лекции и задачи. М., 2003.
2. Гидденс Э. Социология. [Электронный ресурс; режим доступа]: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/gidd/03.php
3. Ерасов Б. С. Социальная культурология. М., 1977.
4. Идеал, утопия и критическая рефлексия. М., 1996.
5. Камю А. Бунтующий человек // Философские науки. 1989. № 7.
6. Курлов А. Б. Философия предпринимательства. Уфа, 2000.
7. Маслоу А. Самоактуализация // Психология личности Тексты М., 1982.
8. Новгородцев П.И. Об общественном идеале М., 1991.
9. Селиванов А. И., Кунафин М. С. Система ОПТИН. Философия хозяйства и управления. Уфа. 1991.
10. Соловьев Вл. Личность. // Энциклопедический словарь. СПб., 1896.
11. Сухомлинский В.А. Методика воспитания коллектива. М., 1981.

Хисматуллина В.В.

Уфа

Профессиональная идентификация как реализация способностей и удовлетворения потребностей личности

Современные социально-экономические условия российского общества являются динамичными и во многом определяющими для профессиональной ориентации и самоидентификации личности. Можно отметить следующие особенности профессионально-стратификационной структуры современного общества: кардинально изменился рынок труда, большое значение приобрел коммерческий сектор, действует здоровая конкуренция, направленная на поиск и отбор высококвалифицированных специалистов на рынке, также отмечается изменение в престижности профессий среди молодежи, наметился переход от социальной значимости профессии и сложности требуемого образования для практической деятельности к получению возможности быстрого увеличения личного дохода.

Усиление условий конкуренции на рынке труда отчетливо обострило общественную потребность в разрешении проблемы профессиональной самоидентификации и профориентации, вызвало необходимость в мотивационной структуризации процесса самоопределения. Рыночная экономика не только создает условия свободного действия каждого человека, но и предъявляет к нему высокие требования — умение самостоятельно выбирать, готовность к

непредсказуемым ситуациям. Решение проблем подготовки человека к осознанному профессиональному самоопределению становится жизненно необходимым. [5, с. 3]

Проблема профессиональной ориентации и самоидентификации как общественная проблема проявляется в разрешении противоречий между объективно существующими потребностями общества и субъективными профессиональными стремлениями индивида.

Профессиональная идентификация и ориентация как выбор профессии должны осуществлять рациональное распределение ресурсов, выбор жизненного пути и профессии. Рациональность выбора профессии влияет на качество жизни, на реализацию способностей и удовлетворение потребностей личности.

Первоначально профессиональная идентификация объективно учитывает интересы, склонности, способности молодого человека к определенному виду профессионально-трудовой деятельности, но, также следует отметить, что в обратной зависимости, необходимым условием самореализации личности является выбор профессии, позволяющей в дальнейшем заниматься трудовой деятельностью, удовлетворяющей потребности индивида и общества.

Таким образом, сформировать основу профессионального самоопределения означает развить интересы, склонности, способности индивида, помочь осознать их значение для успешного профессионального труда, а также развить стремление к самоутверждению через трудовые усилия, трудовой вклад, взаимодействие с товарищами по работе, осознание ценности созидательной деятельности, как для общества, так и для развития своей личности.

Существует несколько подходов к профессиональной идентификации и ориентации. В данной статье рассматривается учет социально-типологических особенностей индивида, который может расширить возможности рекомендаций профессиональной деятельности, то есть представление о соционических типах существенно может помочь в выборе профессии.

Соционика исходит из того, что человек окружен информацией, которая поступает из внешнего мира и его внутреннего мира, индивид определенным образом ее воспринимает, перерабатывает. Зная тип информационного метаболизма, легко определить, какую информацию человек усваивает в полном объеме, легко и в больших дозах. И, наоборот, сразу становится ясно, по каким аспектам информация через его систему восприятия проходит с потерями и искажениями. Любая деятельность в этих областях изматывает, не приносит желаемого результата, не способствует реализации заложенных возможностей.

Соционик В. Гуленко, известный своими исследованиями в области изучения социотипа, в своей работе «Менеджмент слаженной команды»

последовательно излагает концепцию соционики, области ее применения в выборе профессиональной деятельности.

Гуленко дает следующее определение социотипа: «это структура коллективного бессознательного, управляющая взаимодействием физического, психологического, социального и интеллектуального проявления личности» [2, с. 34]. Из этого следует, что проявление социального типа можно рассмотреть по четырем уровням коммуникативного пространства.

Первый уровень взаимодействия в коммуникативном пространстве: физический уровень. Характерен для близкого соприкосновения индивидов. На этом уровне удовлетворяются природные потребности человека.

Второй уровень взаимодействия в коммуникативном пространстве: психологический. На первое место выходит обмен личностной информацией. Психологический уровень предполагает удовлетворение эмоциональных потребностей.

Третий уровень взаимодействия: социальный уровень. На этом коммуникационном уровне человек выступает как представитель профессиональной группы, на этом уровне реализуются потребности в карьере, обучении, труде.

На четвертом уровне, интеллектуальном или информационном, человек удовлетворяет свои потребности в раскрытии своих способностей, возможностей в творчестве, познании и самосовершенствовании.

Рассмотрение социального и интеллектуального уровней очень важно в процессе профессиональной идентификации.

В. Гуленко рассматривает систему дифференциальных признаков К.Г.Юнга по этим четырем коммуникативным уровням. Система дифференциальных признаков является набором из четырех делящихся надвое шкал: «рациональность-иррациональность», «логика-этика», «экстра - интра», «сенсорика - интуиция».

Для профессиональной самоидентификации, как отмечалось выше, имеют значения эти признаки на социальном и интеллектуальном уровне.

Итак, признаки «рациональность» и «иррациональность» на социальном уровне определяют, насколько типы являются приверженцами какой-либо одной системы и как они склонны соблюдать или нарушать правила этой системы. Рационалы, например, мало меняют свои занятия, увлечения и социальное положение в обществе. Иррационалы, наоборот, быстро увлекаются, склонны к переменам взглядов и занятий, но надолго их интересы не хватает.

На интеллектуальном уровне рассматривается мыслительный процесс, способы изложения информации, последовательность в высказывании. Так, рационалы склонны обстоятельно и последовательно рассуждать на какую-то одну тему. Иррациональные типы более

восприимчивы, от их внимания не ускользают факты или наблюдения, которые не связаны между собой причинно-следственной связью. Рационал общается с другими людьми посредством речи и слуха, иррационал эффективно общается, используя невербальные средства. [2, с. 47].

По признакам «логика» и «этика» на социальном уровне выделяются различия в объективной и субъективной оценки фактов. В социальной жизни субъективизм этиков приводит к пристрастной позиции. Они чаще всего выступают эмоциональным индикатором развития. Логики, напротив, беспристрастные в своей основе, являются лучшими руководителями, так как способны трезво сопоставить разные точки зрения с реальным положением дел и принять равновесное решение.

На интеллектуальном уровне при обработке информации логик отличается полной самостоятельностью в ее оценке и принятии решения. Логик не склонен принимать во внимание субъективный фактор. Этик наиболее оказывается зависимым от мнений и оценок окружающих людей. Субъективное мнение кого-либо для этика очень весомо.

Различия на социальном уровне признаков «экстра» и «интра» проявляется в тенденциях экспансии во внешнем пространстве. Экстраверт в социуме отличается расширительной, экспансионной тенденцией. Он всегда имеет большее влияние на социальное развитие. Тенденция развития интроверта - углубление и совершенствование уже имеющегося потенциала. На интеллектуальном уровне экстраверт отличается от интроверта большими объемами обрабатываемой информации. Экстраверт всегда думает более масштабно, интроверт думает медленнее, познавательные интересы интроверта более локальны и ограничены. [2, с. 56].

По последним признакам шкалы Юнга «сенсорики» и «интуиции» на социальном уровне различия состоят в ориентировке в пространстве и времени. Так сенсорики, плохо предвидя будущее, живут сегодняшним днем или ближайшей перспективой. Интуитивные типы ориентированы на будущее социума. Они предлагают и первыми подхватывают все крупные новшества. Насколько уверенно сенсорик чувствует себя в пространстве, настолько хорошо интуит распоряжается ходом времени.

В интеллектуальном отношении сенсорик - это человек конкретного мышления. Интуитивный тип мыслит абстрактно-отвлеченными понятиями. Рассуждая о признаках «сенсорности - интуитивности», рассматривается проблема творчества. В искусстве и науки господствуют интуиты, в народном творчестве и прикладном искусстве преобладают сенсорики.

Таким образом, рассматривая личность человека как структурный тип, можно дать характеристики деловых профессиональных качеств каждого социотипа.

Знание соционического типа (один из шестнадцати) позволяет успешно выбирать дело по способностям и возможностям, эффективно избегать лишних трудностей.

Из исследований Прокофьевой Т.Н. об особенностях социотипов и выборе профессии по типу следует то, что лучше всего выбрать профессию, подходящую по социально-типологическим особенностям личности.

Так, в производственно-управленческой сфере (такие профессии, как администратор, руководитель, бухгалтер, экономист, рабочий, техник, мастер, хозяйственник) несомненными лидерами могут стать люди с сильными функциями логики и сенсорики. Этим типам свойственны усидчивость, скрупулезность, точность исполнения, они обладают умением организовать работу и завершить даже очень трудное дело. В работе они опираются на факты, стараются быть беспристрастными в оценках. Им можно поручать все виды работ, связанные с составлением графиков, всевозможных логических структур.

В социальной сфере (воспитатели, учителя, психотерапевты, врачи, повара, менеджеры по туризму, социальные работники) смогут найти себя люди с сильными функциями этики и сенсорики. Представители этих типов умеют контактировать с людьми, налаживать связи, они гуманистичны, эмоциональны от природы. В тоже время они последовательны, опираются на то, что проверено и надежно. Представители этих типов сумеют наладить отношения в коллективе, порой выступая в роли негласных психологов.

Коммуникативную сферу (журналисты, психологи, PR-менеджеры, менеджеры по рекламе, артисты, идеологические деятели, секретари) украсят представители тех типов, у которых сильны функции этики и интуиции. Коммуникабельность и умение разбираться в человеческих взаимоотношениях сочетаются у них с поиском новизны. Представителям этих типов можно поручать рекламную деятельность и дипломатические функции. Они возьмут на себя ответственность за решение вопросов отдыха и праздничных мероприятий, установят необходимые контакты с нужными людьми.

В научно-исследовательской сфере (все виды научной работы, а также маркетинг, консалтинг, диспетчерская служба) несомненных успехов добьются люди с сильными функциями интуиции и логики. Интуиция помогает им осуществлять поиск новых ресурсов и возможностей. Они способны предугадать и спрогнозировать развитие рынка, изменить направление деятельности, проанализировать не только сложные научные теории, но и мотивы поведения людей. [4, с. 3].

Помимо способностей и особенностей соционических типов важным для профессиональной идентификации является шкала потребностей личности. Самая известная, фигурирующая во всех учебниках теория

мотивации по потребностям - пирамида потребностей Маслоу. В ней действительно самые мощные нижние слои занимают базовые потребности: пища, комфорт, физические условия жизни. На среднем уровне находятся потребности социальные: уважение, любовь, принятие социумом. На самом верху пирамиды - самореализация. Данная теория потребностей немного расходится со шкалой потребностей соционических типов.

В статье Борисовой В. приводится шкала потребностей различных социотипов, которая определенным образом влияет на реализацию себя в профессии. В соционическую практику вводятся четыре группы мотивации, в каждую из которых входят по четыре типа. [1, с. 15].

В первой группе - экстраверты-сенсорники. Основная мотивация этой группы выражается в потребности определенного социального статуса. Это или престижное положение, карьера, власть, влияние, уважение. Проводя параллель с теорией Маслоу, этот уровень соответствует середине пирамиды.

Вторая группа - экстраверты-интуиты. Для этих людей основным мотивирующим фактором является уникальность личности. Понимать этот фактор следует широко: это может быть уникальность и незаменимость как специалиста или какая-то очень необычная сфера деятельности, или уникальность самого предмета работы - изучение неизученного, открытие неоткрытого, создание чего-то принципиально нового.

Им также необходимо признание общества (средний социальный уровень пирамиды). Только первой группе нужно подтверждение их главенства, силы и власти, а этой группе – незаменимости и исключительности.

Третья группа - сенсорные интроверты. Это единственная группа, для которой пирамида Маслоу имеет классическую форму и устойчиво держится на потребностях комфорта и благосостоянии. Только представители этой группы, выбирая между интересной или высокостатусной работой и работой, где больше платят, выберут последнее. В большом коллективе именно эти типы образуют основной «костяк» исполнителей. Потребности этой группы заключены в материальном благосостоянии. Но это не только деньги, но и в целом удобство жизни, комфорт, защищенность.

Четвертая группа - интровертные интуиты. Их основная потребность заключена в самоценности, самореализации, внутренней гармонии. Самореализация - явление сугубо личное, внутреннее и может выражаться в чем угодно. Соционические типы этой группы самодостаточны, самое эффективное внешнее стимулирование - создание обстановки, в которой он сможет максимально полно самореализоваться.

Рассмотрение профессиональных особенностей по нескольким признакам социотипа является более общим для нескольких типов. Всего

соционика рассматривает 16 соционических типов. Учитывая дополнительные признаки, можно более правильно поставить цели, найти индивидуальный подход к личности, применить технологии в профессиональной идентификации.

В работах социоников, в частности Гуленко, можно найти более подробное описание характеристик деловых и профессиональных качеств по социотипам. [2, с.64].

Рекомендуемый род деятельности для интуитивно-логического иррационального экстраверта (социотип «искатель»)- свободный режим работы. Работа должна быть интересной для него самого, оптимальной будет деятельность, в которой он будет независим от других, самостоятелен. Наилучшее применение его способностей и реализация потребностей находит в научно-познавательной области. Он может реализовать себя в тех областях, которые являются стратегическими – влекут, за собой, коренные переменны.

Сенсорно-этический иррациональный интроверт (социотип «посредник») реализует себя в социальной сфере. Это специалист по налаживанию и поддержанию инфраструктуры социума. Он лучший снабженец, торговец мелким оптом, дипломат-менеджер. Он неплохо работает в области рекламы и издательства, медицине, сфере услуг. Из них получают неплохие оценщики качества, дизайнеры, организаторы отдыха.

Для этико-сенсорного рационального экстраверта (социотип «энтузиаст») рекомендуется деятельность, связанная с налаживанием инфраструктуры социума, реклама, социологические опросы. Успешно работает в области медицины, здравоохранения. Может проявить себя в сфере дизайна, оформительской работы, а также в сфере обслуживания и торговли. Благоприятна организаторская деятельность в социальной и научной сферах.

Логично-интуитивный рациональный интроверт (социотип «аналитик») имеет все возможности к научно-исследовательской и аналитической работе. Может заниматься разработкой новых идей для практического применения. Может работать хорошо везде, где требуется системный анализ, построение схем и классификаций, выдвижение концепций.

Рекомендуемая профессиональная деятельность для этико-интуитивного рационального экстраверта (социотип «наставник») – гуманитарная сфера, где имеет место возможность пропаганды идей, мировоззрения и религии. Может быть хорошим агентом по сбыту, страхованию. Может работать в сфере искусства, где нужно играть, выражать эмоции.

Наиболее подходящей сферой профессиональной деятельности для сенсорно-логического иррационального экстраверта (социотип «маршал»)

является руководящая работа. Он хорошо умеет руководить другими людьми, распределять обязанности. Логически продумывает организационную структуру и может последовательно ее внедрить. Может держать подчиненных в жестких рамках, прибегая по необходимости к непопулярным мерам, волевому воздействию. Оптимальное применение своих возможностей и удовлетворение своих потребностей находят в области управления, техники, военном деле.

Рекомендуемая деятельность интуитивно-этического иррационального интроверта (социотип «лирик») имеет гуманитарную направленность. Он может хорошо работать там, где нужно этично общаться с небольшим количеством людей. Это такие профессии как секретарь, переводчики, библиотекари, литераторы, журналисты, редакторы текстов. Они также хорошо могут себя реализовать в сфере искусства.

Логико-интуитивный рациональный экстраверт (социотип «предприниматель») лучше всего реализует себя в инновационных областях. У него есть все способности к нестандартному подходу к делу, умение адаптировать теоретические разработки к применению на практике. Он может быть неплохим изобретателем и рационализатором.

Социальная сфера подходит для реализации этико-сенсорного рационального интроверта (социотип «хранитель»). При этом работа может требовать сосредоточенности и концентрации внимания, например, медицина и здравоохранение. Хорошо проявляют себя также в области товароведения, в сфере обслуживания, в бухгалтерской работе.

Сенсорно-этический иррациональный экстраверт (социотип «политик») реализует также в социальной сфере, успешно проявляет свои способности в торговле, снабжении, дипломатическом представительстве, в организации и проведении культурно-массовых мероприятий, в шоу-бизнесе, сфере развлечений и в политике.

Для интуитивно-логического иррационального интроверта (социотип «критик») больше подойдет научно-исследовательская деятельность прикладного характера: программирование, математика и физика, макроэкономика, оценка степени риска, экспертиза и прогноз, а также философия, история и археология, архивная и библиотечная работа.

Рекомендуемая деятельность для логико-сенсорного рационального экстраверта (социотип «администратор») управленческая сфера, где необходимо руководить другими людьми и координировать их деятельность. Хорошо проявляют себя как экономисты, работники отделов банка, технические секретари с распорядительными функциями в фирмах, работники в области сопровождения технического процесса, строительства, сельского хозяйства и т.д.

Этико-интуитивный рациональный интроверт (социотип «гуманист») лучше всего реализует себя в области психотерапии, в воспитательной

работе с подростками. Успешно применяет свои способности в философско-гуманитарных сферах, а также в портретной и сюжетной фотографии.

Желательная сфера для применения способностей интуитивно-этического иррационального экстраверта (социотип «советчик») – гуманитарная, в том числе педагогика, искусство, журналистика, семейное психологическое консультирование, служба знакомств, а также реклама.

Согласно способностям, возможностям и потребностям сенсорно-логического иррационального интроверта(социотип «мастер») рекомендуемый род деятельности - те сферы, где необходимо обслуживание точной техники, качественного оформления изделий. Наиболее успешен в управленческой деятельности среднего звена. Может работать в малом бизнесе. Умеет красиво и удобно оформить интерьер и рабочее место.

Приведенные деловые и профессиональные характеристики даны в работах Гуленко, помимо данного автора описание профессиональных способностей можно найти и у других авторов. Так, в работах исследователей Мегедь В.В. и Овчарова А.А. рассмотрена проблема выбора профессии с учетом соционического типа. Эти исследователи по-новому интерпретировали варианты типов, с присущими им новыми формами чувств и отношений; создали функционально-ролевую модель общественного развития, работали над концепцией адекватного воспитания детей и др.

В своих работах основываясь на двух качествах социотипов, выделяют несколько групп профессиональной ориентации. [3, с.2].

Представители группы с установкой на логику и сенсорнику практичны и целеустремлённы, потенциально обладают всеми необходимыми качествами, чтобы стать хорошим менеджером. В делах вы делаете ставку исключительно на рассудок и волю.

Группа с установкой на логику и интуицию в своей деятельности предпочитает делать ставку на инновации и перспективы, не рассчитывает на мгновенную отдачу в любом деле.

Группа с установкой на этику и сенсорнику преимущественно делает ставку на людей и отношения между ними, и пользуется этим в своей работе.

Представители группы с установкой на этику и интуицию довольно тонкая и мечтательная натура, которой нелегко привыкнуть к суровому прагматизму бизнеса. Лучше реализует себя в сфере интеллектуального труда, в гуманитарной деятельности.

Основным определяющим фактором для выбора будущей сферы деятельности эти авторы называют доминирующий стиль мышления. В целом, насчитывают четыре основных стиля: производственно-технологический, концептуальный, социальный и гуманитарный. [3, с.4].

Каждая из четырёх крупных сфер деятельности является оптимальной социальной нишей, где наиболее ярко и творчески проявляются сильные качества подходящих этой сфере типов личности.

Производственно-технологический стиль ориентирует человека в предметную сферу, в которой главными объектами взаимодействия для него являются материалы, механизмы и ресурсы. Другой человек, скорее, воспринимается как производственный ресурс, носитель определённых профессиональных качеств – технических, экономических, управленческих или исполнительских качеств, чем самоценная личность. Он плохо понимает, что нужно принимать в расчет не только те возможности человека, которые необходимы для производства, но также учитывать его слабости и недостатки.

Носители производственно-технологического мышления подходят к делу конкретно, оперируя, прежде всего, фактами и цифрами. Они всегда опираются на результаты, взятые из практического жизненного опыта, а не гипотезы, теории и догадки. Они реалисты и практики. Больше доверяют испытанным на деле методам работы, чем экспериментам. Не любят отвлекаться на абстрактные теории и этические проблемы. Умеют руководить людьми, разбираются в их функциональных способностях. Придают значение материальным стимулам, созданию условий труда. Ориентируются на материальные ценности, отлаживание технологий, организацию производства. Их интересует контроль качества и учет спроса потребителя. Они следят за порядком, точностью и пунктуальностью в выполнении заданий. Считают главным компетентность, ясность в деталях, регламент и чёткость.

Из ранее описанных нами юнговских признаков конкретному мышлению соответствуют логика и сенсорика. Производственно-технологическому мышлению, носителями которого являются преимущественно логико-сенсорные и сенсорно-логические типы, конкретные материалисты и прагматики, им соответствует сфера «человек-техника» (предмет труда – материалы и устройства).

Из представителей группы «производственников» получаются хорошие строители, ремонтники, эксплуатационники, технологи, работники ОТК и служб материально-технического снабжения, кадровые военные и работники правоохранительных органов. Им больше всего подходит административно-хозяйственная и практическая деятельность с производственным уклоном или в сфере материального производства, ремонт и эксплуатация технического оборудования.

К этой группе относятся типы Инспектор, Лидер (Маршал), Управляющий (Администратор), Мастер.

Концептуальный стиль мышления больше ориентирован не на конкретику и реалиями сегодняшнего дня, а на перспективы и идеи. Генерация идей требует в качестве инструмента умения работать с

абстрактными понятиями. Предметный анализ уступает место творческому синтезу, возникающему не на базе практического опыта, а благодаря способности предвидеть, прогнозировать события в окружающем нас мире, погружаться в состояние озарения – наподобие интуитивной вспышки.

Работа ученого-естественника или инженера-разработчика требует в качестве главного инструментария наличия таких признаков, как логика и интуиция, необходимых для сбора, анализа и обобщения необходимых эмпирических, данных и создания предпосылок для последующего синтеза – генерации новых идей, проектов, моделей и конструкций. Поэтому концептуальное мышление является необходимым атрибутом такой сферы деятельности, как инновационная.

Человек с таким стилем мышления обычно устремлен к новым теоретическим знаниям, интересуется мало изученными явлениями, хотя в практических делах ему часто не хватает оперативности. Он стремится познавать законы природы, общества и мироздания. Часто размышляет над какой-либо идеей или законами бытия. Ценит смелые интуитивные прозрения, находки. Предпочитает экспериментировать, а не пользоваться известными методами.

Оптимальная сфера применения таких способностей носит название «человек - знаковая система» и «человек-природа», поскольку большинство явлений физического мира они облачают в форму символов – физических, математических, химических, экономических и т.д.

Инноваторы – интуитивно-логические и логико-интуитивные типы личности, сосредоточены на проектах и задачах, имеющих научное логическое решение, выраженное в формулах, проектах, гипотезах и конструкциях. Их место – в лабораториях и на кафедрах научно-исследовательских и проектных институтов, конструкторских бюро. Им больше всего подходит научно-исследовательская и экспериментальная сфера деятельности с теоретическим уклоном или на стыке теории и практики, а также работа в финансово-экономической сфере. Фундаментальные разработки, опытно-конструкторские разработки, научно-техническая информация.

Все это сфера применения сил для таких типов, как Новатор (Предприниматель), Аналитик, Экспериментатор (Искатель) и Критик.

Социальное мышление направлено на решение проблем, связанных с удовлетворением человеческих потребностей преимущественно материального плана, связанных с современным понятием «потребительская корзина». Это понятие вмещает целый комплекс потребностей как первой необходимости – в пище, жилье, одежде – так и в дополнительных, входящих в систему инфраструктуры, в том числе, коммунальные службы, сервис, транспорт, организации сферы досуга и развлечений, здравоохранения и рекреации (отдыха и оздоровления) и т.п.

С одной стороны, социальное мышление носит конкретный характер, т.к. имеет дело с реальными вещами, с другой же стороны оно направлено на человека с его индивидуальными или групповыми запросами, то есть ориентировано на отношения. Этим областям соответствуют такие психологические признаки, как сенсорика и этика, отражающие материальный и эмоциональный аспекты такого понятия как качество жизни, предполагающее наличие как физического, так и душевного комфорта.

Все это – сферы, где успешно действуют сенсорно-этические и этико-сенсорные типы личности. Они предпочитают опираться на опыт – свой и других, а не экспериментировать, больше ориентированы на комфорт и благосостояние. Им понятны повседневные нужды людей, которые они стремятся удовлетворить. Они с удовольствием заботятся о здоровье, удобствах, внешнем виде и отдыхе окружающих, умеют интересно организовывать досуг и праздничные мероприятия. Любят ручную работу, практичны, реалистичны, расчетливы в делах. Их очень интересуют чувства и взаимоотношения между людьми. Обычно они держатся демократично, стремятся быть в ладу со всеми, делать приятное, но часто бывают, непримиримы в этических оценках плохих поступков людей.

Сфера деятельности, которая охватывает людей с их повседневными потребностями, может быть описана через взаимосвязь «человек-человек». К ней относятся сервис, спорт, досуг и развлечения, торговля и посредничество, работа в хозяйственной сфере с коммуникациями, а также руководящая работа с практическим уклоном. Наиболее эффективными в этой социальной нише социалы, к которым относятся Посредник, Коммуникатор (Энтузиаст), Политик, Хранитель.

И, наконец, гуманитарное мышление объединяет в себе способность работать с образами и эмоциями, категориями этики и эстетики, без которых невозможны понятия добра и зла, красоты, истины, правды и любви. Гуманитария интересуют, прежде всего, высшие духовные потребности, которые находят выражение в искусстве, религии, философии, психологии. Его также интересуют все области знания о человеке и обществе, путях его развития, ценностях и нормах, мировоззрении и идеалах, одним словом, все то, без чего человеческая жизнь была бы бездуховной, лишенной высшего смысла.

К людям гуманитарного мышления относятся этико-интуитивные и интуитивно-этические типы. Им лучше всего удастся реализовать свой потенциал в сфере, которая может быть представлена взаимосвязью «человек-художественный образ».

Гуманитарии много размышляют о духовных интересах людей, их отношениях и чувствах. Они исследуют духовный мир людей и нравственные ценности, интересуются новыми общественными течениями, и путями развития культуры. Их привлекают литература, искусство, театр.

Они много размышляют о задачах нравственного воспитания подрастающего поколения, о возможностях развития способностей каждого человека. Они охотно помогают людям решать их этические проблемы. Им бывает трудно постоянно поддерживать дисциплину и порядок, контролировать выполнение заданий. Они склонны идти на компромисс в практических вопросах, но бескомпромиссны там, где дело касается идей и убеждений. Их мало интересуют материальные стимулы, контроль качества, улучшение условий труда и даже собственный комфорт.

Гуманитарии успешно решают проблемы, связанные с повышением духовного и культурного уровня людей, разрабатывают философские, психологические, художественные идеи и концепции. Им больше всего подходит гуманитарно-социальная сфера деятельности с творческой направленностью или с обязательным наличием творческой компоненты в области культуры, искусства. Их творческая индивидуальность с успехом находит применение в различных благотворительных фондах и организациях.

К гуманитариям относятся такие типы, как Наставник, Лирик, Вдохновитель (Советчик), Гуманист.

Таким образом, Мегедь и Овчаров дали свою характеристику малых профессиональных групп соционических типов личности, объяснив, как представитель своей группы профессий выполняет в обществе определённую роль. [3, с.4].

Поскольку человек редко может полностью реализовать себя только в одной сфере деятельности, соответствующей его типу личности, разрабатываются рекомендации для профориентации, которые помогут уточнить как свою основную, так и дополнительную ориентацию на определённый вид деятельности.

Литература:

- 1.Борисова В. Что нужно «Наполеону»? Мотивация труда с соционических позиций//Журнал «Бизнес-ключ» № 11/2007.
- 2.Гуленко В.В. Менеджмент слаженной команды: Соционика для руководителей. М., 2005.
- 3.Овчаров А.А., Мегедь В.В. Будущее вашего ребенка// Журнал «Менеджмент и кадры: психология управления, соционика и социология» № 4, 2003 г.
- 4.Прокофьева Т. Н. Психологические типы и способности к профессии.// Абитуриент, N11, 2003.
- 5.Старикова Л.Н. Профориентация и профессиональное самоопределение студентов средней профессиональной школы. Пермь, 2009

Экзистенция человека во «всемирной паутине»

«Мировой разум», или как модно стало его называть, «Матрица» стал главной приметой времени. Любая точка планеты теперь доступна, как и любая информация. Можно не выходить из дома: по Интернету можно учиться, смотреть фильмы, слушать музыку, зарабатывать деньги, покупать все необходимое для жизни, заводить друзей и даже Интернет-семью и т.п.

Интернет, эта никем не управляемая, саморазвивающаяся компьютерная «сеть сетей», эта обволакивающая мир информационная паутина, уже поставил перед человечеством немало проблем. «Будьте осторожны, - говорит известный итальянский писатель и философ Умберто Эко, - Телематическая революция сопряжена известными опасностями: в огромной массе информации, передаваемой по сетям Интернета... есть все, в том числе и мусор»(1,4), ибо тот, кто освоил Систему, может запустить в нее что угодно.

Как считает, академик Международной академии информатизации, директор НИИ конверсионных и организационных технологий Владимир Севастьянов, реальные угрозы Интернета в том, что психотропное и мутагенное воздействия на homo sapiens новейших цифровых технологий способно привести к тому, что последующие поколения могут лишиться своей биологической сущности. Если человечество не начнет осуществлять экстренные шаги немедленно, то через 25-30 лет сбудутся самые мрачные пророчества. Наряду с уже известными электронными СМИ – телевидение и радиовещание – не меньшую угрозу представляют глобальные компьютерные сети, ибо они действуют многократным усилением влияния специальных программ для скрытого управления поведением людей. Не проблема уже и создание воздействий зрительными и слуховыми образами, способных вызывать эпидемии психосоматических заболеваний и увеличений смертности, а также мутации человека, ибо в Интернете человек сталкивается с лексическими кодами, а они могут изменить и наследственные программы. И при этом Интернет не имеет географических границ и практически невозможно своевременно выявить и локализовать источники угроз. В настоящее время простота и доступность компьютерных технологий, серийно производимых аппаратно-программных средств нелинейного монтажа, микширование сигналов, сделали угрозы реальностью. Пока разработчики компьютерных технологий не осознали всей опасности отсутствия защитных механизмов.

В ближайшем будущем перед человеческим обществом стоит задача научит каждого фильтровать информацию, ибо, если человек не научится отбирать необходимое, доступность ее окажется бессмысленной. Человек должен развить в себе своего рода способность, допустим, как судить о

содержании книги, поглядев лишь на обложку, что нелегко. Существует опасность, что как минимум целое поколение потратит свое время зря. Это и есть подлинная проблема, которую ставит перед человеком Система. Каждый должен выработать для себя метод, позволяющий мгновенно понять, насколько ему важны найденные сведения. Возможно, только самая отборная часть, элита интеллектуалов окажется способной на такое: отбрасывать ненужное – вот что необходимо; в ином случае Интернет может привести к психическим и физическим заболеваниям, ибо оказывает явное воздействие. В фильмах, компьютерных играх и т.п. применяется множество спецэффектов, небезопасных для здоровья человека. Это ритмические изменения масштаба изображения, яркости, контрастности, смены цветовой гаммы, повороты и качания, модуляции звука и т.п. Каковы же последствия всего этого? Эти резкие перепады вызывают физиологические нарушения в организме человека. Например, скандал с 50 секундным эпизодом японского мультфильма. В нем резко и неоднократно менялся цвет неба, после чего почти 13 тыс. японцев обратились к врачам. У многих мультфильм спровоцировал приступы эпилепсии. Перепады яркости в злополучных кадрах фильма доходили до 80% (их порог составляет чуть более 20%)!? Попытки врачей ограничить применение спецэффектов безуспешны, ибо авторы рассматривают их как покушение на право творческого самовыражения. Если частоты изображения и звука приближаются к биоритмам человека, могут возникнуть сбои в сердечно-сосудистой системе и изменение состояния сознания. Например, в опубликованном президиумом московского отделения организации «Врач за права человека» и «Службой помощи жертвам терроризма» пресс-релизе в 1999 г. говорится об изменении у телезрителей ряда программ волновых колебаний излучения головного мозга на альфа-ритм (8-13герц). Это состояние соответствует режиму восприятия гипнотического нарушения, но компьютер, по сути – это тот же телевизор.

Вторая группа оказывает влияние на психическое и физическое состояния человека - скрытые факторы. Они не контролируются сознанием, их человек даже не замечает. К ним относятся технология так называемого 25 кадра, маскированные изображения и звук. О 25-м кадре впервые заговорили еще на рубеже веков: человек смотрит видеопroduкцию со скоростью 24 кадра в секунду, если добавить 25-й кадр и внести в него некое изображение, сознание человека не способно его уловить. Эта информация напрямую попадает в подсознание, и человек даже не подозревает об этом. Содержание может быть любым – от рекламы продукции и политрекламы до приказа – «купи, не работай, убей и т.п.». Убийство в Австралии – наглядное подтверждение этому; в клинике Мельбурна был застрелен охранник (Стивен Роджерс) отец семерых детей. Местная ассоциация служб безопасности обвинила в

убийстве...компьютеры. За две недели до происшествия в магазинах появилась популярная игра Half-life: Blue Shift, где в качестве врагов, которых надо убить, выступали охранники. Руководство ассоциации потребовало изъять игру из магазинов, хотя по уровню продаж Blue Shift находилась на втором месте. Игра была запрещена для маленьких детей, но контролировать это все равно невозможно. Последовал поток ответных публикаций. Местные ученые сделали вывод, что компьютерные игры не могут подтолкнуть человека к жестокому поведению! Тут же выяснились пикантные подробности: «оправдательные» статьи писали ученые под эгидой Австралийской ассоциации дистрибьюторов программ, заинтересованных в росте продаж таких игр.

Аналогичные технологии 25-го кадра психозомбирующие технологии продвинулись далеко вперед. Результат здесь - не только прямое зомбирование, но и резкое изменения состояния здоровья вплоть до смертельных исходов, ибо в Сети существует и вирусы-убийцы. Как известно, более десяти лет назад, появился психофизический вирус «666», реализованный по технологии 25-го кадра. Его связывают примерно 50 известными смертельными случаями. Число вызванных им патологических нарушений до сих пор остается неизвестным. Вирусом «666» регенерируют на экране компьютера вставки, которые человеческое сознание даже не воспринимает. Комбинации цветовых пятен приводят за несколько секунд к началу резонансных явлений в кровеносной системе головного мозга. Возникают перепады давления от спазма сосудов, разрывы сосудов, кровоизлияния и т.п. Например, июне 2005г. в Екатеринбурге после 12-ти часов, проведенных за компьютерной игрой в одном из местных клубов, двенадцатилетний мальчик был в бессознательном состоянии доставлен в больницу, где он умер от инсульта. Врачи убеждены, что причиной трагедии стало чрезмерное увлечение мальчика виртуальными сражениями с монстрами. В последние дни своей жизни мальчик после начала школьных каникул буквально переселился в компьютерный клуб. С конца мая он «уходил» в виртуальный мир на 10-12ч. в сутки...и перешел в небытие. Итак, итогом становятся тяжелые формы инсульта и в ряде случаев – летальный исход. По принципу 25-го кадра в 2000г. в одной из азиатских стран был создан и вирус 25-the Century Fox. По некоторым данным, он был предназначен для подрыва российской экономики в целом. Вирус активизируется исключительно при работе с программами делового характера – текстовыми и графическими редакторами, электронными таблицами, бухгалтерскими программами. Воспринимая на подсознательном уровне одну из 128 фраз, которые вирус «подсовывает» в каждый 25-й кадр изображения, многие начинают нервничать, производительность труда и настроение падают. В одной из разновидностей этого вируса внушают фразу: «Кончай работать, выпей пива!». Итак, возвращаясь к угрозе,

инструментом в изменении самой человеческой природы, генома, нужно подчеркнуть то, что существует (все-таки) возможность вызвать мутации генома человека, обращаясь непосредственно к ДНК.

Группой ученых в Институте проблем управления РАН и Институте квантовой генетики, руководимой доктором биологических наук П.П.Гаряевым, был получен эффект передачи волновой информации от донора к реципиенту. Модулируемыми специальными генераторами вербальные (словесные) структуры превращались в поля, аналоги тех, которыми оперируют клетки в процессе волновых коммуникаций. Генетический аппарат организма «узнает» такие «волновые фразы» как свои собственные и поступает в соответствии с введенным человеком извне речевым приказом.

Интернет, рожденный когда-то физиками знаменитого атомного института в Берне для собственных нужд, вышел из-под контроля и стал менять человека. По оценке специалистов глобальная компьютеризация имеет не только психотропное воздействие, а зачастую даже летальный исход. Но она способна изменить генетическую структуру homo sapiens. Управляемое, зомбированное человечество, сросшееся в глобальной мировой сети с системой миллиардов компьютеров в одно кибер-существо,- такова реальная картина ближайших десятилетий. На наших глазах меняется генотип человека, а отсюда можно говорить и о мутации уже в раннем возрасте.

Как известно, развитых странах Запада Интернет вошел в жизнь подростков раньше, чем в России, и в больших масштабах. Согласно данным опроса компании «Ангус Рид» в начале наступившего века шведы занимают первое место по доступу к Интернету. На втором месте оказалась Канада (74% пользуются им в школах и 71% дома). Уровень распространения Интернета в России, например, в первом полугодии 2004г. составил 4,1%. Но в дальнейшем Россия быстро стала догонять Европу. Лидером стал московский регион, включающий и Московскую область(12,4%). На втором месте – Санкт-Петербург и Ленинградская область (9,8%). Лицо Интернета в России – студенты и школьники. Среди московских пользователей системы Dial-Up они составляют около 40%.

Интересное обследование было проведено среди школьников Самары. В один из классов бесплатного доступа во Всемирную паутину приходят ближайших 44 школ. При этом мальчики составляют около 70%. Респонденты познакомились с компьютером в основном, когда им было 10,5 лет. Но Интернет вошел в их жизнь сравнительно недавно: примерно 40% познакомились с ним в последние год-два, у 72% школьников дома есть компьютер, но только у трети он подключен к Интернету. От Интернет-зависимости страдает примерно каждый пятый школьник из числа имеющих к нему доступ: они считают Интернет такой важной сферой жизни, как школу и друзей, и не мыслят без него своей жизни.

Общение во Всемирной сети популярно среди школьников. И две трети ребят обзавелись своими электронными ящиками. Но наиболее предпочтительная форма общения – чат. Им увлечено около 60% школьников. Подростки говорят, что такое общение привлекает их своей: во-первых, анонимностью; во-вторых, безопасностью и, в-третьих, быстротой передачи информации. Каждый третий школьник считает, что в использовании Интернета нет никаких отрицательных сторон. Однако 29% уверены, что Интернет отвлекает их от учебы в школе и занимает слишком много их свободного времени.

Самарские социологи пришли к выводу, что в подростковой среде идет процесс формирования нового типа культуры, незнакомого пока педагогам и психологам. Подростающее поколение начинает все меньше и меньше пользоваться другими источниками информации. При этом они верят в безграничность возможностей Всемирной паутины и доверяют информации, содержащейся в ней. Однако Интернет-зависимость описана не только уходом от реальности. Главной опасностью является зомбирование, и даже изменение генокода человека. Например, специалисты Министерства образования Великобритании забили тревогу: давно школьники забывают элементарные правила языка, предпочитая писать на Интернет-сленге. Дейли Телеграф сообщает о 13-тилетней девочке, написанное ею сочинение повергло в шок учительницу: «Я не могла поверить в то, что вижу, страница была исписана иероглифами, которые я не смогла перевести!». Доктор психологии из Университета в Глазго С. Маквей утверждает, что предпочтение Интернет-сленга – глобальная тенденция в молодежной среде.

Но изменения языковой среды еще не самая страшная угроза. Публикация исследователей Гарвардского университета США в журнале Американской медицинской ассоциации (тоже) вызвала шок. Ученые обнаружили, что работа на компьютере, а особенно компьютерные игры – лучший способ зомбирования. Основная задача зомбирования – проникновение в подсознание, минуя сознание. Во время компьютерных игр центры мозга, отвечающие за активность, заняты: доступ к подсознанию открыт. К. Томпсон и К. Хэнингер, ученые из Гарварда, исследовали 55 игр категории «е» (означающие право давать игру детям). Все эти игры были «нашпигованы» зомбирующими элементами. В 60% всех случаев играющий получает награду за то, что убивает или калечит другие персонажи (?!). Возникает привычка, от которой в будущем трудно будет отказаться. Переходя во взрослую жизнь, подросток понимает, что награды за насилие здесь – уже реальные деньги, а агрессию воспринимает как переход в компьютерной игре на высший уровень.

И все-таки прогресс не остановим, и мир без Интернета сейчас представить невозможно. Важно только понимать, с чем мы имеем дело, и предусмотреть систему разумных ограничений при пользовании

«Мировым разумом», «Всемирной паутиной». Отсюда и глобальный вопрос современности – готовы ли мы к этому всеобъемлющему процессу и вездесущему проникновению.

Литература:

1. Дьявол XXI века: Всемирная паутина меняет генотип человека// Литературная газета, 1.11.2005. с.4.

*Юмалин Д.А.
Уфа*

Совершенствование коммуникации как фактор трансформации педагогической деятельности в системе образования

Социальные отношения проявляются в коммуникации, которая может происходить на разных уровнях: психологическом (межличностное общение), социальном (деловое общение), внутригрупповая и межгрупповая коммуникация, массовая коммуникация. Таким образом, коммуникация является важнейшей характеристикой социальных отношений в системе образования.

Коммуникативный процесс происходит во всех сферах жизни общества – в экономической, политической, информационной, духовной (система воспитания и образования). В рамках социологического подхода коммуникативные процессы рассматриваются как социокультурные. Коммуникация в сфере педагогической деятельности - это, главным образом, социальная коммуникация, которая является более сложным процессом в сравнении с межличностным общением. Автор данной статьи интерпретирует социальную коммуникацию в системе образования и воспитания как процесс взаимосвязей и взаимодействий между различными социальными группами и слоями, в котором, осуществляется трансляция социально значимой информации между социальными субъектами. Социальная коммуникация включает в себя как минимум две внутри групповые коммуникации (коммуникации внутри общностей - профессиональных, демографических, классовых, национальных, территориальных и других, а также внутри слоёв)

Образование можно рассматривать как информационно-коммуникативный процесс, протекающий в формах межличностного, социального, внутригруппового и массового взаимодействия. Условием коммуникативной деятельности является информация. В соответствии с подходом Г.Д.Лассуэлла, образование, как коммуникативный процесс, осуществляет контроль над социальной средой, передачу социального наследия последующим поколениям, т.е. обеспечивает социокультурную преемственность.

Образование как коммуникативный процесс предполагает также наличие знаковых систем. В каждом из субъектов образования формируются общепринятые знаки, символы, т.е. групповой язык или

групповой словарь. Групповой словарь включает в себя вербальные и невербальные знаки группы, а также символы, которые обозначают социальные ценности и нормы группы. Итак, социальная коммуникация в системе образования представляет собой многоуровневый процесс общения между различными группами и слоями, включёнными в систему учебно-воспитательной деятельности.

При социальной коммуникации происходит не монокультурный, а поликультурный диалог. Вместе с тем, диалогические коммуникативные связи между людьми основаны на понимании ими общих целей, интересов, знаний. Поэтому можно говорить о диалектике общего, особенного и единичного в социальной коммуникации. Так, специфической особенностью социальных коммуникаций является наличие значительного числа барьеров. В коммуникативном взаимодействии субъектов образования участвует множество посредников-учебники, тексты, технические средства, преподаватели, что приводит к потерям и искажениям информации. Следовательно, возникает проблема социального непонимания. Кроме того, эффективность коммуникаций зависит и от заинтересованности субъектов в социальном диалоге. Так, представители администрации, педагоги могут выбрать стиль монолога, что не позволяет им понять интересы и потребности учащихся или рядовых работников.

Социальная коммуникация в учебно-воспитательном процессе может носить форму односторонней или двусторонней, симметричной или асимметричной коммуникации. Она может осуществляться разными способами: диктата, манипуляции, толерантности или диалога. Так, коммуникативный процесс может осуществляться и как субъект-объектная коммуникация (манипуляция) В системах современного образования она становится неэффективной. Переход от субъект-объектной к субъект-субъектной коммуникации позволяет более эффективно управлять отношениями на всех уровнях взаимодействия.

Социальный диалог между субъектами педагогического процесса происходит тогда, когда государственные органы управления, администрация вуза или школы, учителя, учёные, учащиеся обнаруживают не только различия, но и общность своих интересов. Такой диалог возникает тогда, когда процессы интеграции начинают доминировать над процессами поляризации. В этом случае все стороны стремятся понять друг друга, учесть плюрализм интересов. Особую важность в образовательных учреждениях приобретает диалог между поколениями, подразделениями, а также между управленцами и работниками. Как показывают наблюдения, большинство социальных групп и слоёв в организациях образования ведут внутри групповой диалог или социальный монолог, т.е. «разговаривают» сами с собой. Оптимизировать систему управления образованием можно лишь тогда, когда будет обеспечено

коммуникативное взаимодействие субъектов образования, основанное на принципах доверия, взаимопонимания и согласия.

Сегодня перед российской системой образования стоит цель: повышение качества усвоения учебной информации, эффективности технологий обучения и воспитания. Социология изучает весь комплекс факторов, влияющих на взаимоотношения в системе «педагог-учащиеся», отношения в группе преподавателей и школьников. Социальные отношения в системе образования можно определить как процесс коммуникации и интеракции личности, общностей людей и организации в целом, выступающих субъектами и объектами духовных отношений. Реальные общности людей разделяются на массовые и групповые. Для анализа процессов коммуникации важны групповые общности-совокупности людей, которые образуют целостную систему. Среди групповых общностей особый интерес представляют целевые общности-организации. Именно к таким общностям принадлежит учебное заведение.

Номинальные общности объединяются общими социально значимыми признаками. В отличие от реальных общностей, в них могут отсутствовать непосредственные контакты. Виды номинальных общностей: классовые, профессиональные, демографические, этнические, конфессиональные.

Можно выделить следующие виды социальных отношений:

- межличностные отношения;
- отношения между личностью и обществом;
- отношения между личностью и группой;
- отношения между поколениями;
- отношения между мужчинами и женщинами;
- отношениями между горожанами и сельскими жителями;
- отношения между региональными общностями;
- семейно-брачные отношения;
- этнические отношения;
- профессиональные отношения;
- классовые отношения;
- организационные отношения;
- конфессиональные отношения.

Социальные отношения осуществляются не только «вовне», но и «внутри» общностей. Так, студенты вступают в отношения с преподавателями, а также образуют систему внутренних (внутристуденческих) отношений. Отсюда, становится, очевидно, что социальные отношения представляют сложную сеть различных конкретных видов.

Содержание духовных образовательных отношений во многом зависит от их субъектов, различающихся уровнем и качеством подготовки, квалификацией, доходами, по полу, возрасту и т.д. Со сменой субъектов в

результате социальной динамики и социальной мобильности изменяется производительность и качество работы учебных заведений. Итак, социологический анализ системы образования имеет фундаментальное значение в познании отношений между субъектами учебно-воспитательного процесса.

В ряду ведущих факторов эффективности учебного заведения особое место занимают межчеловеческие отношения, определяемые уровнем коммуникативной культуры. Результат обучения опосредован коммуникативными факторами. Успех работы средней школы, вуза во многом определяется качеством контакта педагогических работников с учащимися. Общение-это индивидуальная форма проявления общественных отношений. Роль общения неодинакова в различных видах учебно-воспитательной деятельности. Так, процесс передачи научной информации может быть в высокой степени формализован, что привело к возникновению дистанционного образования. Особую значимость дистанционное образование приобретает для жителей удалённых от вузовских центров населённых пунктов, для тех, кто в силу различных обстоятельств не может получить образование по традиционной технологии. В данном случае роль коммуникации не снижается, а только меняются её формы, способы, технологии. Это стало возможным в результате глобализации информационного пространства, роста возможностей обмена знаниями во всемирной компьютерной сети Интернет. В системе высшего профессионального образования обнаружено несоответствие между большим потенциалом дистанционного образования и низкой его востребованностью. Низкая степень внедрения дистанционного образования обусловлена и неразвитостью информационной инфраструктуры городов, сельских населённых пунктов. Дистанционные коммуникативные технологии способны эффективно формировать человеческий капитал индивидов, имеющих социальные и индивидуальные ограничения для получения образования и обеспечивать развитие инновационного человеческого потенциала российских регионов. Дистанционное образование позволяет совмещать место работы и учёбы, экономить время обучения за счёт эффективного использования информационно-коммуникационных технологии (ИКТ). По усреднённым аналитическим данным вузов России за 2006 год количество студентов, обучающихся дистанционно, составило около 5-10% от общего числа обучающихся.

Вместе с тем, передача практических навыков, т.е. процесс научения более эффективно протекает в условиях непосредственного контакта обучающего и обучающегося. Именно при личном контакте можно учесть личностные свойства и способности. А процесс воспитания немислим без духовной коммуникации. Чтобы сформировать систему ценностей, необходимо учесть потребности, интересы, мотивы, установки, всё

многообразии личностных особенностей воспитуемого. Это становится возможным только при равноправном взаимодействии партнёров, когда происходит взаимообогащение и взаимовлияние личностей друг на друга.

Труд педагога и преподавателя есть единство обучения, научения, образования и воспитания. Педагогическая деятельность и социальная коммуникация - доминанты профессии социального педагога.

Основные компоненты коммуникативной системы в учебном заведении:

- Коммуникативное взаимодействие между педагогами;
- Коммуникативное взаимодействие между учащимися;
- Коммуникативное взаимодействие педагогических работников с учащимися.

Специфика коллектива педагогов заключается в том, что деятельность специалистов слабо связана с деятельностью коллег, а преподаватели обладают ограниченными возможностями взаимодействия между собой. Взаимозависимость между результатами индивидуальной работы существует, но она скрыта от обыденного наблюдения и явно не проявляется.

Важный фактор становления отношений в группе педагогов - управленческая общность и личность руководителя. Установлено, что отношения легче гармонизировать в учебных заведениях, насчитывающих 400-600 учащихся и 25-40 преподавателей. В больших педагогических коллективах трудно осуществить принцип персонификации ролей, в таких группах отдельный работник как бы растворяется в массе, в большей степени проявляется безразличие в отношениях и чаще возникают конфликты. [6]. Исходя из этой научной информации, следует признать ошибочной ставку Министерства образования РФ на укрупнение учебных заведений, слияние вузов и т.п. "Гигантомания" в системе образования снижает эффективность коммуникационных процессов в целом и в группе педагогов, в частности. А характер сложившихся отношений между педагогами решающим образом влияет на стиль и характер отношений между учащимися.

Институт социологии АН России исследовал связь между потреблением алкоголя, проведением досуга и общением у подростков. Обнаружено, что одна только организация досуга недостаточно эффективный противовес вредным привычкам. Так, в основе приобщения молодых людей со спиртным и наркотикам часто лежат реальные трудности взросления, неразвитость коммуникативных навыков. Следовательно, необходима помощь в развитии коммуникативной культуры учащихся. Без овладения элементарной техникой и культурой общения нет общей культуры, а без последней - нет умения интересно и конструктивно проводить свободное время. Акцент нужно сделать на

развитии коммуникативной культуры в учебно-воспитательном процессе. Лишь в этом случае досуг подростков станет более содержательным.

Оптимизация коммуникативных процессов в системе «педагог-учащиеся» - неперенное условие успешного руководства развитием учебного коллектива и основа эффективного обучения. Известно, что один из главных факторов, побуждающих молодых людей стать членами неформальных молодёжных объединений негативной социальной направленности - потребность в изживании конфликта с взрослыми.

Как показали Аронсон и Линдер, мы мало уважаем тех, с чьей стороны в наш адрес раздаётся только критика, но ещё меньше тех, кто, похвалив нас, переходит вдруг на систематическую критику. Мы склонны особенно уважать тех людей, которые, покритиковав нас, способны оценить наши достоинства.

В авторитарной воспитательной системе преподаватель выполняет функцию передатчика, ученик-приемника, тем самым здесь имеется одностороннее общение. В демократической системе обе стороны и передают и принимают, т.е. осуществляется двусторонняя коммуникация. Только во второй системе имеется возможность поиска путей взаимного понимания.

Исследование Реана А.А. показали, что преподаватели высокого уровня эффективности тратят около 53% на собственное сообщение, оставляя 47% времени учащимся. Преподаватели низкого уровня забирают себе 70% времени, оставляя учащимся менее 30%.

В. А. Сухомлинский писал: "Я твёрдо убеждён, что множество школьных конфликтов, нередко оканчивающихся большой бедой и просчётами в воспитании, имеет своим источником неумение учителя общаться с учениками, незнание им основ коллективной общественной психологии". По сути, известный педагог говорил о необходимости для учителя и преподавателя знания социологических и социально-психологических закономерностей коммуникации.

Отношения педагогов и учащихся зависят от коммуникативной дистанции. При минимальной дистанции речь идёт о предметно-опосредованном, физическом контакте. При увеличении дистанции мы выходим на эмоциональный контакт: неформальное общение в семье и малых группах. Это психологический уровень. В социуме, системе образования коммуникация приобретает формальный характер, ибо на социальном уровне больше ценится умение соблюдать объективные нормы и правила. При возрастании коммуникативной дистанции до максимума происходит переход на самый высокий уровень - интеллектуальный. На этой дистанции человек уже не общается с отдельными людьми - он вступает в информационный обмен со всем обществом в целом. В межличностных отношениях это проявляется как

взаимодействие интеллектуальных уровней развития и типов интеллекта субъектов. Здесь проявляется проблема взаимопонимания. [5]

На интеллектуальном и социальном уровне взаимодействия важно знание социотипов учащихся. Типологический подход позволяет обнаружить у учащихся положительные и отрицательные стороны за достаточно короткий срок, заранее узнать ведущие мотивы и стимулы учебно-познавательной деятельности. Знание социотипа учащегося позволяет оценить его объективно, предвидеть его поведение в сложной ситуации и предотвращать в зародыше возможные конфликты. Речь идёт о наиболее оперативном, практичном и эффективном подходе. Незнание общих особенностей учащихся определённого типа обрекает учителя и социального педагога на работу вслепую.

Знание социальной и соционической типологии - научная основа правильного формирования и комплектования групп. Групповые методы неразрывно связаны с индивидуализацией и дифференциацией в обучении и воспитании. Типологические (общие) черты не отменяют индивидуальных особенностей каждого учащегося (особенное и отдельное), которые также являются группообразующим фактором. Таким образом, речь должна идти о диалектической взаимосвязи типологического, индивидуального подходов и групповых форм в обучении.

Социальные факторы, в частности, социальное неравенство, также влияют на восприятие информации и понимание. Обнаружено, что дети из разных социальных слоёв имеют различные языковые коды, или способы передачи речи. Так, речь детей-представителей низшего класса, может быть обозначена как ограниченные коды. Она включает жаргонные языковые выражения. Язык ограниченных кодов в большей степени приемлем для общения в обыденной жизни, чем для обучения или ведения дискуссий на абстрактные темы. Язык, на котором говорят дети-представители среднего класса - состоит из сложных кодов. Учащиеся из среднего класса более склонны к обобщениям и к выражению абстрактных идей. Социальные барьеры коммуникации объясняются принадлежностью партнёров к различным социальным группам, социальным ограничением к доступу информации [4]

Взаимопонимание можно рассматривать как механизм регулирования образовательной деятельности. Ведущее значение в процессе достижения взаимопонимания между субъектами имеет отношение к социальным и иным различиям, которые существуют между ними. Позитивное отношение к различиям между субъектами образования является показателем степени овладения способностью к межсоциальному и межкультурному диалогу. Субъекты управленческой деятельности в педагогической сфере стоят перед необходимостью гармонизации социальных отношений, которая предполагает взаимопонимание и доверие

между индивидуальными и групповыми субъектами, согласованность их интересов.

Личность есть единство социально-типологического и уникального. Взаимопонимание можно представить в виде сложившейся и воспроизводящейся в диалоге взаимной комплементарности различных индивидов. Комплементарность предполагает уважение права другой личности иметь неповторимый внутренний мир. Необходимость понимания возникает лишь в том случае, когда субъекты вступают в коммуникацию. Взаимопонимание – это превращение внутреннего мира другой личности в такой же достоверный для человека, как и его собственный. Духовные миры субъектов педагогического процесса различны. Стремясь проникнуть в сознание учащегося, педагог внедряет свои идеалы и ценности, что может привести к разрушению его личностной уникальности.

Эффективность педагогической коммуникации не тождественна полному пониманию, доверию и согласию. Диалог возможен при наличии различий во взглядах, знаниях, установках участников коммуникации. Не случайно Н.Луман выражал несогласие с теорией коммуникативного действия Ю.Хабермаса. Достижение понимания и согласия делает невозможной саму коммуникацию, поскольку любая коммуникация обусловлена существующими различиями, а не сходством позиций коммуникаторов. Диалог как коммуникативный процесс обеспечивает достижение взаимопонимания не как финальный результат, а как предпосылку к новому диалогу. Смысл коммуникации не только в том, чтобы обнаружить различия в сообщениях, интерпретации, информации, но и в том, чтобы преодолеть эти различия, т.е. прийти к знаниям на новом уровне развития.[7, с. 294]

Взаимопонимание соответствует более высокой стадии развития педагогической системы, стадии её целостности. Взаимопонимание будет лишь в том случае выступать в качестве действенного механизма развития образовательного процесса, если этот процесс приобретёт качественно иной характер, т.е. начнёт саморазвиваться в целостность под воздействием, как внешних факторов, так и внутренних, в частности, потребностей, интересов и способностей участников учебно-воспитательного процесса.

Взаимное понимание, доверие и согласие в сети социальных связей образуют социальный капитал. Как показывают данные ВЦИОМ, большинство россиян испытывает дефицит доверительных, откровенных отношений. В особенности – за пределами собственной семьи и близких родственников. Совсем низок уровень доверия в отношении товарищей по работе, коллег - им полностью доверяют только 9% россиян, ещё 46%-в

какой-то степени, а 19% вообще не склонны доверять. Дефицит доверия обуславливает и низкий уровень взаимопонимания между людьми.

Участники социально-педагогической коммуникации занимают разные позиции и выполняют разные роли: отправитель, посредник и получатель. Руководство учебного заведения и педагоги в большей мере представлены позицией отправителя, а учащиеся - позицией получателя. По укоренившимся в России традициям учащиеся могут лишь слушать и внимать мнению наставников. С точки зрения содержания передаваемой информации педагоги чаще выступают не в качестве её производителей, а в качестве выразителей и распространителей. Студенты и учащиеся обладают малыми возможностями формулировать и выражать собственные интересы. Первая причина заключается в том, что уровень образования, кругозор, жизненный опыт, интеллектуальные способности у данных социальных групп находятся на невысоком уровне. Вторая и более важная причина - слабое развитие коммуникативных технологий в образовании, которые бы стимулировали собственную активность объекта и тем самым превращали бы его в субъект. Восходящие вертикальные и горизонтальные каналы коммуникации в учебных заведениях развиты явно недостаточно.

Условия формирования и эффективного функционирования коммуникаций в системе образования - развитие демократических методов управления, качество духовной среды в организации, наличие свободы дискуссий, критики, творчества и инноваций. Каждый субъект образовательного процесса должен иметь оперативный доступ к полной и объективной информации, возможность обмениваться мнениями внутри своих общностей, право и реальную возможность публично выразить весь диапазон мнений по любой проблеме. Эти условия зачастую нарушаются, что ведёт к манипулированию администрацией, педагогами сознанием работников и учащихся, распространению информации, не соответствующей объективной реальности и интересам организации, а также к разрыву между официальными и неофициальными нормами. В учебных заведениях, общежитиях имеют место случаи «дедовщины», стадные нормы, «закон джунглей» и т.п. Неофициальные нормы активно развиваются там, где официальные нормы противоречат целям, потребностям и интересам группы учащихся. Конфликт между требованиями официальной организации учебного заведения и неофициальной организацией учащихся тем острее, чем большая дистанция отделяет интересы учащихся от интересов администрации и педагогов.

Создание условий для эффективной коммуникации недостаточно для достижения учебно-воспитательных целей. Необходимо сознательное формирование благоприятного социального климата и позитивного общественного мнения. Как правило, речь идёт о методах

психологического и идеологического воздействия на массовое и групповое сознание. Помимо манипулятивного коммуникативного воздействия, существует развивающее воздействие, которое направлено на удовлетворение подлинных интересов субъектов образовательного процесса.

Трансформация общества немыслима без реформы образования. Социокультурное единство общества и системы образования обеспечивается коммуникативными действиями субъектов, коммуникативными сетями, связывающими их воедино, организацией коммуникативного процесса. Директивные и манипулятивные типы коммуникации приводят не к созиданию, а к разрушению социокультурного единства.

Социокультурная интеграция становится возможной в условиях равноправных, горизонтальных коммуникаций, которые способствуют творчеству новых смыслов и значений, новых социальных ролей, новых социальных институтов. Другая основа социальной интеграции-переход от монологизма к диалогизму на всех уровнях социальной организации. Диалог, в отличие от директивы и манипуляции, является формой созидательной коммуникации. И наконец, социальная интеграция трансформирующегося общества обеспечивается такой организацией коммуникативного процесса, которая основана на культуре понимания, доверия и согласия.

Литература:

1. Анулин В.Ф., Кравченко А.И. Социология: Учебник для вузов-Спб.,2010.
2. Антошкин В.Н., Ахмадеев А.А. Социальная психология в педагогике-Уфа, 2000.
3. Антошкин В.Н., Мельцер К.М. Отношения в системе образования - Уфа, 2009.
4. Гидденс Э. Социология-М.,1999.
5. Гуленко В.В. Гуманитарная социология-М.,2009.
6. Ребус Б.М. Психологические основы управления школой - Ставрополь,1990.
7. Шайхисламов Р.Б. Коммуникативное единство социокультурной системы-М., 2006.

Фрагмент II

*Бондаренко В.Н.
Уфа*

Метафизика и трансперсональная психология (на примере исследования взглядов Кена Уилбера)

В современной философии и науке прослеживаются разные позиции в отношении метафизики, перспектив ее развития. Односторонняя неопозитивистская критика метафизики, позитивное отношение к ней в постпозитивизме сменяются постмодернистским подходом к метафизике. В постмодернизме появляются авторы, которые своеобразно увязывают метафизическую тематику с научными и паранаучными исследованиями. Некоторые из них не ведут речь о замене метафизики иронией, а по существу отождествляют ее с «вечной философией», выражая в целом положительное отношение к последней.

Одним из таких авторов является американский исследователь Кен Уилбер – «один из ведущих трансперсональных теоретиков. Его кросс-дисциплинарный синтез охватывает психологические, философские и религиозные представления Востока и Запада, а также представления социологии, антропологии и постмодернистской философии» [1,с.389]. Поэтому на примере изучения его взглядов можно в определенной мере осмыслить проблему «метафизика и трансперсональная психология».

Существуют различные определения метафизики. В данной статье она понимается как подлинное философствование, как суть философии.

Известно, что К.Уилбер главный смысл философии усматривает в вечной философии, поддерживая воззрения американского социального критика Олдоса Хаксли на нее, его популярное изложение идеи вечной философии (например, в произведении Олдоса Хаксли «Вечная философия»). В этой связи целесообразно выяснить, как последний характеризует такую философию. Полагая, что вечная философия возникла более двадцати пяти веков назад, О.Хаксли видит ее проявления, как на Востоке, так и на Западе, связывает эту философию с терминологией и традициями «каждой из великих религий». Рассуждая как типичный мистик, он считает, что суть вечной философии, ее «предельную чистоту», нельзя выразить в словах. «Это чистое состояние вечной философии, - утверждает О.Хаксли, - может быть познано только в акте созерцания, выходящем за пределы слов и самой личности» [10,с.294-295]. Однако он ведет речь о четырех фундаментальных положениях, составляющих, по его мнению, основу отмеченной философии. К таким положениям О.Хаксли относит следующие: «1. Феноменальный мир материи и индивидуализированного сознания – мир предметов, животных, людей и даже богов – есть проявление божественной основы, в которой обретают бытие все отдельные реальности и вне которой их бы просто не существовало. 2. Человек способен узнавать о божественной основе не

только путем умозаключений; он может постигать ее существование также посредством прямой интуиции, превосходящей дискурсивное мышление. Это непосредственное знание объединяет познающего с тем, что он познает. 3. Человек имеет двойственную природу, обладая феноменальным «эго» и непреходящей самостью, или внутренним человеком, духом, божественной искрой в человеческой душе. Человек может, если пожелает, идентифицироваться с духом и соответственно с божественной основой, имеющей тождественную или подобную духу природу. 4. У человеческой жизни на земле одно – единственное предназначение: идентифицироваться со своей вечной самостью и таким образом прийти к объединяющему знанию божественной основы» [10, с.295]. При этом он подчеркивал, что философа, отвергшего метафизику (вечную философию), Будда называл пастухом чужих овец, Магомет – ослом, нагруженным книгами, что христианские, индуистские и даосские учителя тоже весьма выразительно критиковали внешнее «наукоучение» и аналитические рассуждения [см.: 10, с.295].

Соглашаясь в целом с О.Хаксли, К.Уилбер усматривает в вечной философии основу «каждой значительной метафизической традиции», универсальное учение «о природе человека и реальности». Вместе с тем он полагает, что вечной философии соответствует вечная психология – «... универсальное представление о природе человеческого сознания, выражающее те же прозрения, что и вечная философия, но в психологическом ключе» [2, с.46].

Трактуя вечную философию (метафизику, ее основу) в качестве «общего ядра мировых традиций мудрости», К.Уилбер говорит о Великой Цепи Бытия, уточняя, что «... подобное название не совсем правильно. Каждый последующий уровень превосходит и включает в себя или объемлет и заключает в себе, предыдущие, так что на самом деле это – Великое Гнездо Бытия. По этой причине его правильнее называть не иерархией, а холархией – серией вложенных друг в друга сфер» [11, с.52]. Данное Гнездо он представляет в виде рисунка-схемы (см. Рис.1).

Изображая, таким образом, Великое Гнездо Бытия, К.Уилбер приходит к определенным философским (метафизическим) выводам, считая, что существуют доказательства их истинности в межкультурных данных и в непосредственно опыте – в медитации или созерцании. Эти его выводы можно сформулировать следующим образом: 1. «... Человеческое осознание и самоотождествление может охватывать весь спектр сознания – от материи до тела, ума, души и духа». 2. По всей видимости, «... имеет место действительное развитие, или эволюция сознания, в этом необычайном континууме». 3. «На каждом уровне то, что мы считаем своим «я» или самостью, радикально меняется». Живому телу соответствует «тело-эго или телесная самость», самоотождествление сознания с умом ведет к эго, отождествлению сознания с тонким уровнем

соответствует душа, самоотождествление сознания с недвойственной реальностью выражается в Духе – Цели и Основе Великого Гнезда Бытия [11, с.52-53].

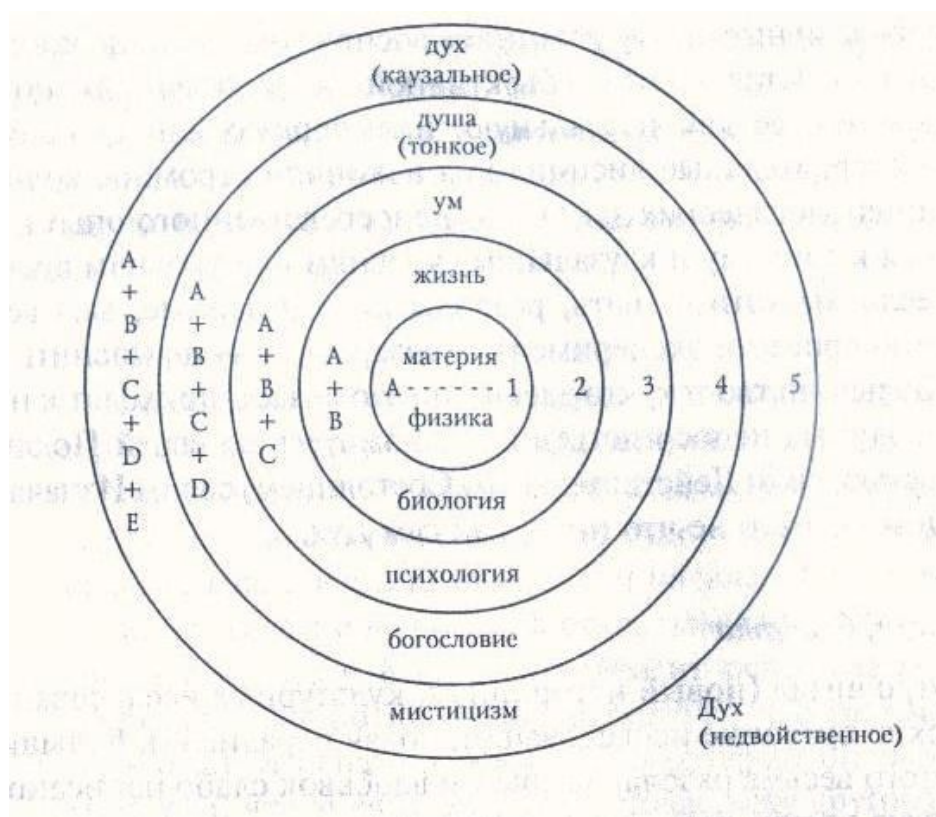

Рис.1. Великое Гнездо Бытия. Дух, представляет собой как высший уровень (каузальный), так и недвойственную Основу всех уровней» [11,с.53].

Исходя из такого своего понимания метафизики (вечной философии), К.Уилбер (согласно рис. 1) по существу ведет речь о трех формах познания человеком мира и себя – научной (физика, биология, психология); религиозной (богословие); мистической (мистицизм), а тем самым и о трех типах мировоззрения (научном, религиозном и мистическом), основой осмысления которых у него является вечная философия (метафизика). Но означает ли это, что он в данном случае под психологией понимает трансперсональную психологию? Отождествляет ли К.Уилбер вечную психологию с трансперсональной? Рассматривает ли он вечную философию (метафизику) в качестве мировоззрения? Начну с ответа на третий вопрос, а от него перейду к ответам на второй и третий вопросы.

К.Уилбер трактует вечную философию (метафизику) как мировоззрение, которое «... пронизывает культуры и эпохи, сохраняя общие существенные черты» [8,с.296]. В этом мировоззрении центральной идеей он считает идею Великой Цепи Бытия, уточняя ее как идею Великого Гнезда Бытия, в котором выделяет два взаимосвязанных

процесса: эволюцию (движение от низшего к высшему) и инволюцию (движение от высшего к низшему) [8, с.296], [4, с.182].

Если сравнить содержание основных произведений К.Уилбера, посвященных вечной психологии и трансперсональной психологии, то можно сказать, что эти понятия он рассматривает в принципе в качестве тождественных [2, с.47-62]; [3, с.169-172]; [4, с.180-187]; [5, с.212-217]; [6, с.220-225]; [7, с.256-263]; [9, с.347-361]. Вместе с тем К.Уилбер в определенном смысле разграничивает вечную психологию и трансперсональную. Так, исследуя главные аспекты вечной психологии, он к ним относит такие, как: уровень ума; трансперсональные зоны (зоны архетипов, например); экзистенциальный уровень; уровень «эго»; уровень тени [2, с.47-50]. Иными словами, трансперсональные зоны, их психологическое изучение К.Уилбер трактует в качестве только одного из аспектов вечной психологии. Следует отметить, что другое различие между последней и трансперсональной психологией он видит в том, что трансперсональная психология является одной из современных форм бытия и развития вечной психологии, имея в виду и собственный вклад в такое развитие. «Я всего лишь расширил вечную психологию, – утверждает К. Уилбер, – предположив, что уровни спектра (уровни спектра сознания. – В.Б.) не только, как она утверждает, существуют, но и имеют собственную патологию (исключая, конечно, уровень Ума)» [2, с.61]. В данном русле он говорит и о важнейших направлениях развития трансперсональной психологии в современных условиях [9, с.347-348]. И наконец, подтверждением некоторого разграничения вечной психологии и трансперсональной в произведениях К.Уилбера является его соотнесение науки (научной психологии в том числе) с трансперсональной психологией. А значит, пора ответить на поставленный выше вопрос: отождествляет ли он в своей схеме Великого Гнезда Бытия (см.: рис 1) психологию (научную психологию) с трансперсональной психологией?

Чтобы ответить на последний вопрос, нужно выяснить, как К.Уилбер осуществляет демаркацию между наукой и трансперсональной психологией. «Скорее всего, – пишет он, – важнейшим из стоящих сегодня перед трансперсональной психологией вопросов является ее отношение к эмпирической науке. Поэтому мне хотелось бы вкратце рассмотреть природу науки, природу трансперсональной психологии и отношение между ними» [7, с.256].

Основу для своего понимания этих аспектов К. Уилбер усматривает в идее Св. Бонавертуры о «трех очах» (око тела; око рассудка; око созерцания) [7, с.256-257]. Сходные идеи он видит во всех значительных школах традиционной психологии, философии и религии». «Три ока» человеческого существа, – отмечает К.Уилбер, – фактически соответствуют трем основным сферам бытия, описанным вечной философией, а именно: грубой (плотской и материальной), тонкой

(ментальной и анимистической) и каузальной (трансцендентной и созерцательной)» [7, с.257]. Природу науки (эмпирической науки) он сводит к абсолютизации ока плоти (чувственного опыта), усматривая в науке методологическую ошибку. «Сциентисты, – делает вывод К.Уилбер, – пытались принудить науку (с ее оком плоти) работать за все три ока сразу. А это не что иное, как категориальная ошибка, и за нее дорого поплатилась не только наука, но и весь мир. «...Единственным критерием истины в действительности стал научный критерий ...». Око плоти начало утверждать, что того, чего оно не может видеть, не существует, тогда, как следовало бы сказать, что того, чего оно не может видеть, оно и не может увидеть» [7, с.259]. Вполне понятно, что такая природа науки (эмпирической науки), согласно уилберовской точки зрения, не позволяет ученым понять истинность, природу трансперсональной психологии.

Методологическое заблуждение в определении сущности последней К.Уилбер видит в попытках тех авторов, которые стремятся представить трансперсональную психологию в качестве высшей науки, науки вообще. По его мнению, эмпирические научные исследования (в том числе и научно-психологические) могут быть только существенными помощниками трансперсональной психологии, «... но они никогда не станут ее ядром, которое соотносится только с оком созерцания». [7, с.260]. В сущности К.Уилбер характеризует и теоретическую психологию, основанную на оке рассудка, разума, ума (см.: рис.1), как важного помощника (но не более того!) трансперсональной психологии. «Трансперсональная психология, – заключает он, – это особое предприятие (не наука), касающееся специфических состояний, которое, будучи трансцендентным, оку плоти и оку разума, может свободно использовать и то и другое в научно-эмпирических и философско-психологических исследованиях. Но она (трансперсональная психология) не может быть понята или определена ни одним из них» [7, с.260-261].

Истолковав, таким образом, природу науки и трансперсональной психологии, К.Уилбер приступает к рассмотрению проблемы отношения между наукой и данной психологией, трактуя ее как проблему доказательства. «Важно осознать, – поясняет он, – что научное знание – это не единственный вид знания; это просто более тонкое око плоти, и за его пределами существует ментальное знание и созерцательное знание» [7, с.261]. По его мнению, не следует опасаться того, что трансперсональная психология не является наукой, а нужно доказать ее значимость, неэмоциональность, верифицируемость, рациональность и осмысленность. Такое доказательство К.Уилбер видит, во-первых, в том, что все знания состоят из трех главных частей (инструментальной, или предписывающей; пояснительной; общественной) [7, с.261]; во-вторых, в специфике знания, присущего трансперсональной психологии [7, с.262-263]. Он полагает, что «трансперсональный психолог может свободно (научно) использовать око

плоти, собирая дополнительные данные; он может свободно пользоваться оком разума, чтобы согласовывать, прояснять, критиковать и синтезировать. Но ни одна из этих сфер не должна смешиваться с другими, и особенно ни одна из них не должна смешиваться со сферой созерцания» [7, с.263]. Таким образом, рассматривая проблему отношения между наукой (в том числе и научной психологией) и трансперсональной психологией, К.Уилбер разграничивает понятия «психология» и «трансперсональная психология», характеризуя первое из них в качестве существенного момента последнего. Все это позволяет ему сделать итоговый вывод: «Трансперсональная психология находится в очень выгодном положении: она может сохранить за собой статус науки, уравновешенной и обладающей вместе с тем полнотой подхода к реальности, способной опираться на око плоти, око разума и око созерцания. «...» История мышления в конечном счете докажет, что сделать больше этого невозможно, а сделать меньше – губительно» [7, с.263].

Рассмотрение проблемы отношения между метафизикой и трансперсональной психологией на примере исследования взглядов К.Уилбера ведет к некоторым итоговым положениям:

1. Союз между метафизикой и трансперсональной психологией является плодотворным и перспективным как для философии, так и для психологии.

2. Такое взаимодействие позволяет вести речь о разных формах опыта и их соотношении в человеческом познании действительности и сознания в целом.

3. В соотношении метафизики и трансперсональной психологии необходимо избегать естественно возникающих тенденций эклектизма.

4. Уилберовское соответствие вечной (трансперсональной) психологии вечной философии (метафизике) в определенной мере затемняет проблему различий между материалистической, идеалистической и нейтральной философией, так как нередко смешивает уровни действительности (реальности) и сознания.

5. А тем самым в существенной мере стирается грань между метафизикой и трансперсональной психологией.

Литература:

1. Пути за пределы «эго». Под ред. Роджера Уолша и Фрэнсис Воон; пер. с англ. М.Папуша, Е.Поле, К.Андреевой. – М.: Открытый мир, 2006. – 392 с.
2. Кен Уилбер. Вечная психология: спектр сознания// Пути за пределы «эго». Под ред. Роджера Уолша и Фрэнсис Воон; пер. с англ. М.Папуша, Е.Поле, К.Андреевой. – М.,2006. – С.46-62.
3. Кен Уилбер. Спектр трансперсонального развития // Там же. – С.169-172.
4. Кен Уилбер. Пред/ трансаблуждение // Там же. – С.180-187.
5. Кен Уилбер. Спектр патологии // Там же. – С.212-217.

6. Кен Уилбер. Спектр терапии // Там же. – С.220-225.
7. Кен Уилбер. Наука и трансперсональная психология // Там же. – С.256-263.
8. Кен Уилбер. Великая цепь бытия // Там же. – С.296-308.
9. Кен Уилбер. Пути за пределы «эго» в ближайшие десятилетия // Там же. – С. 347-361.
10. Олдос Хаксли. Вечная философия // Там же. – С.294-295.
11. Уилбер, К. Один вкус: Дневники Кена Уилбера /К.Уилбер; Пер. с англ. А.Киселева. – М: ООО «Издательство АСТ». – 427 с.

*Герасимов Д.Н.
Уфа*

Ценность: от марксизма к аксиологии

На первый взгляд, вынесенное в название статьи противопоставление некогда единственно имевшей право на существование в советском союзе философской школы и аксиологии представляется, по меньшей мере, непонятным, если даже не абсурдным, нарушающим всякую логику построения правильной мысли. В самом деле, разве аксиология не является всего лишь частным разделом философии, существующим наряду с онтологией, гносеологией, этикой и т.д., и разве у марксизма нет своего учения о ценностях, как можно было бы их противопоставлять, тем более что и школы такой, по-видимому, больше не существует? Однако, как мы увидим в дальнейшем, у данного названия, есть свой смысл, и притом весьма конкретный смысл. Поэтому чем абсурднее будет восприниматься данное название, тем полнее оно будет вскрывать по-настоящему скандальную ситуацию, сложившуюся в отечественной философии как раз в сфере изучения ценности.

Занимаясь проблематикой ценности уже не один год, и зная ее, что называется, изнутри, мы постоянно сталкиваемся с парадоксальной ситуаций – философы, исповедующие аксиологический подход, аксиологический взгляд на ценность, оказываются за чертой образовательных программ, буквально выдавливаются на периферию отечественной философии, в то время как на первый план выходит такой взгляд на ценность, который прямо отрицает всякую аксиологическую специфику, и ставит на место ценности все, что угодно, только не саму ценность. Поэтому иногда делается чрезвычайно трудным, ориентируясь только на образовательный стандарт, предлагаемые к изучению пособия и учебные программы, донести до всех действительно интересующихся, что же такое ценность и как ее понимали, к примеру, классики неокантианства? Как вообще могло так случиться, что при обилии пишущих и говорящих про ценность, при вопиющем засилье ценностной проблематики, мы окончательно утратили всякое понимание, что такое

ценность, и, похоже, вообще больше не хотим задаваться данным вопросом, полностью игнорируя какую-либо его актуальность?

Чтобы понять это, обратимся к истокам. Хорошо известно, что термин «ценность» как понятие вводит в философский оборот немецкий философ Рудольф Герман Лотце в последней трети XIX в., т.е. *до этого времени никакой теории ценностей не существовало* по определению: не было определения и не могло быть проблематики. Разумеется, слово такое существовало и раньше, и оно встречается в построениях многих философов, например у И. Канта. Но даже у Канта оно еще не несет специально аксиологической нагрузки, и не является никаким самостоятельным понятием! За что необходимо сказать спасибо немецкому философу – так это за то, что он *предметно* разводит понятия теоретического и практического разума, и (при всей сохраняющейся двусмысленности) рассматривает их как две совершенно отличные друг от друга способности – без этого никакая аксиология уж точно не могла бы родиться. Так что И. Кант заслуженно стоит у истоков современной аксиологии. Но даже у него нет еще никакой теории ценностей, и нет, к примеру, этических ценностей (хотя мораль и этика для него представляли исключительную ценность!), зато есть ценности *рыночная* и *эстетическая*! Так что же не хватало И. Канту для построения полноценной теории ценностей?

Когда Р.Г. Лотце вводит новое понятие «значимость» (Gelten) для смысловых содержаний и ценностей, то этим он, конечно, еще не создает никакой аксиологии, а только лишь разворачивает предметное поле ее исследований – поэтому сразу же после него начинается непрекращающийся и по сию пору спор о том, что конкретно понимать под «значимостью». Однако Лотце одновременно делает нечто более существенное (и в этом его отличие от Канта) – он проводит четкое *различие между значимостью вещей и их бытием*. И уже Лотце различает (пусть пока только в сознании человека, а не в реальности) три сферы – действительности, истины и ценностей. В дальнейшем это различие станет определяющим для всех, кто решится пойти по пути аксиологического осмысления ценностной проблематики. Особенно у Г. Риккерта, который для того и вводит третье царство «смысла», чтобы посредством него связать *никак между собой не пересекающиеся* царства «ценности» и «бытия» [5, с. 36].

Этот момент настолько существенен, что на нем нужно сделать особый акцент. Пока ценность остается всего лишь свойством вещей, никакой аксиологии еще нет, но вот ценность выходит за пределы бытия – и тотчас рождается аксиология! Только с этого момента и можно говорить о ценностях в рамках какой-либо теории ценностей, и о ценностях вообще. И наоборот, когда ценность редуцируется к бытию или онтологически обосновывается – аксиологическая проблематика исчезает и ценность

аннигилируется! Одним словом, *аксиологический подход сохраняется, пока сохраняется различие между бытием и ценностью, пока онтология не замещает собой аксиологию.*

Скажем обще: можно выделить два самых распространенных и наиболее общих подхода к осмыслению ценности – субстанциальный и атрибутивный. Первый – это собственно аксиологический, о котором говорилось выше и который начинается с утверждения, что ценность есть нечто *отдельное*, обладающее своим собственным уникальным бытием, отличным от бытия всех других вещей и в этом смысле, нечто принципиально новое, не сводимое ни к бытию вообще, ни к умопостигаемой истине бытия, *нечто, выпадающее из бытия*. Так это было у неокантианцев, полагавших особое царство значений или ценностей, отличное от царства бытия, у Ф. Ницше в его учении о «переоценке всех ценностей», в философии жизни М. Шелера и др.

Второй, или атрибутивный, подход по существу отказывается от аксиологического определения ценности, поскольку лишает ценность самостоятельного значения и возвращается к классическим определениям докантовской философии, базирующейся на обыденном словоупотреблении термина ценность – в значении свойства вещей, когда под ценностями «понимаются предметы, явления и их свойства, необходимые обществу и личности в качестве средств удовлетворения потребностей» [3, с. 40]. В рамках данного подхода в качестве ценностей могут выступать любые вещи, материальные и идеальные, в том числе различные предпочтения, установки, нормы и идеалы. Взятые в определенном отношении, все эти вещи будут называться ценностями, не будучи таковыми сами по себе.

Поскольку ценность остается только привходящим свойством вещи, присваиваемым ей на основании оценки, которая всегда идет раньше ценности и замыкается опять же на другие вещи – цель, идеал, норму и т.д., а не на ценность, постольку *вопрос о том, что же такое ценность сама по себе, как вещь, здесь даже не ставится*. Поэтому в рамках данного подхода, к примеру, остается непонятным, чем идеал, называемый ценностью, отличается от самой ценности, и что с ним будет происходить, если он вдруг перестанет цениться – останется идеалом или нет? В силу того, что значимость выводится не из самой ценности как вещи, а из других вещей, отличных от ценности, которых может быть бесчисленное множество и каждая из которых может цениться, определений ценности тоже может существовать бесчисленное множество и никакое из них не может быть снято или опровергнуто. Среди самых популярных – определение ценности как полезности и прямо противоположное ему определение ценности как бесполезности (вся русская классическая литература от Пушкина до Чехова). Полностью игнорируя субстанциальное представление о ценности, атрибутивный подход

фактически разрушает понятие ценности и выводит его за пределы аксиологии. Что легко видеть на примере определения ценности как полезности, где происходит выход из аксиологии в праксиологию, а в случае бесполезности – в религию или даже мистику.

Если в рамках субстанциального подхода выход за пределы онтологии не только возможен, но и необходим, требуя взамен гносеологического доказательства, то в рамках атрибутивного подхода он не возможен в принципе, поскольку, напротив, предполагает онтологическое обоснование ценности. Неслучайно, аксиология как самостоятельное направление философии рождается в юмо-кантовском разведении сфер «сущего» и «должного» – из вопроса на стыке с гносеологией, вопроса о соотношении ценности и истины. Выделение некоего особого момента в актах познания (а не в «бытии»), несводимого к самому познанию – вот с чего начинается современная теория ценностей. Сюда же относится и более широкий вопрос о соотношении ценности и смысла – это тоже, прежде всего вопрос гносеологии (*как и аксиологии*), а не вопрос онтологии. В рамках онтологии он просто не нужен и бесполезен. Атрибутивный же подход и самую истину склонен трактовать онтологически. Ценность же он фактически погружает в бытие, чем делает не нужным существование, как самой ценности, так и самостоятельного раздела философии, занятого ее исследованием.

Что атрибутивный подход является не просто господствующим, но тотально господствующим в современной российской философии, это очевидно. Ибо даже редчайшие в своей единичности попытки преодолеть онтологизм классического мышления, не покидая рамок нынешней российской философской идентичности, оборачиваются, по сути, компромиссным сочетанием двух подходов, примером чего может служить концепция экзистенциальной аксиологии Л.В. Баевой, в которой каждая ценность, с одной стороны, рассматривается как нечто самостоятельное, отличное от всех иных вещей, а с другой – как комплексный феномен, включающий в себя значимость, смысл и переживание [1; 2 и др.].

Но вполне очевидно также и происхождение атрибутивного подхода, его, так сказать, *alma mater* – это советская марксистская философия. Ведь не из русской же религиозно-идеалистической мысли, нарочитый разрыв с которой столь же очевиден, вырастают все нынешние теории ценностей (хотя и это могло бы быть – при всех различиях в силу разделяемой с ним общности классического метафизического мышления)! Тем не менее, именно из старой марксистской методологии диалектического материализма, предлагающей понимать под ценностями «предметы, их свойства и отношения (как материального, так и идеального порядка)» [7, с. 266], или же даже просто «объекты, которые мы оцениваем» [6, с. 62], вырастают все господствующие ныне концепции ценности. Следы и последыши этой методологии можно без труда найти как у современных

корифеев российской философии, вроде Л.А. Микешиной [4, с. 183], так и у бесчисленных их подражателей и продолжателей – явление для Европы и Запада в целом немыслимое, ибо никакой такой «аксиологии» (подобной нашей) у них нет и быть не может.

Конечно, дело не в Марксе и не в советской философии (в конце концов, каждый взгляд имеет право на существование), а в том, что по сути своей внеаксиологический атрибутивный подход, по инерции транслируемый прямоком из советской философии, совершенно в духе этой последней тяготеет к абсолютной монополии в современной российской мысли. И это тем более невероятно, что уже сама по себе претензия атрибутивного подхода на безраздельное владение «образовательным стандартом» в свете вышеизложенного выглядит, как минимум, странно.

Литература:

1. Баева Л.В. Ценности изменяющегося мира: экзистенциальная аксиология истории (монография). – Астрахань: Изд-во АГУ, 2004. – 277 с.
2. Баева Л.В. Экзистенциальная природа ценностей: Дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.13. – Волгоград, 2004. – 348 с. РГБ ОД, 71:06-9/6.
3. Лихачева Г.Т. Движение – как жизненная ценность // Структура ценностей и истин педагогики: материалы Всероссийской конференции молодых ученых 24-25 апреля 2000 г. – Уфа: БашГПИ, 2000. – С. 40-41.
4. Микешина Л.А. Философия науки: Учебное пособие. – М.: Издательство «Прогресс-Традиция», МПСИ, издательство «Флинта», 2005. – 463 с.
5. Риккерт Г. О понятии философии // Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. – М.: Республика, 1998. – 413 с.
6. Утяшева Н.Д. Сущность и интериоризация общечеловеческих ценностей как социально-философская и психолого-педагогическая проблема // Структура ценностей и истин педагогики: материалы Всероссийской конференции молодых ученых 24-25 апреля 2000 г. – Уфа: БашГПИ, 2000. – 79 с.
7. Философия: Часть вторая: Основные проблемы философии: Учеб. пособие для вузов / Под ред. проф. В.И. Кириллова. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М.: Юристъ, 1999. – 304 с.

Ишкинин В.Н.

Уфа

Буддийский путь в преодолении человеческого страдания

Все восприятия человека можно разделить на три типа: положительные (удовольствия), отрицательные (страдания), нейтральные (покой). Как, оказалось, называть смыслом и целью жизни положительные и отрицательные восприятия нельзя, поскольку это противоречит определениям смысла и цели жизни. Но может быть смысл существования человека – в покое, то есть в отсутствии удовольствий и страданий?

В одном из самых знаменитых текстов буддизма «Суттапитака», входящем в «Типитаку», рассмотрены все три варианта жизненной цели или пути. Первый ведет к удовольствиям, второй – к страданиям. Но выбрать, по мнению Будды, необходимо именно срединный путь.

«Есть... два крайних [пути], по которым ушедший от мира не должен следовать. Каковы же эти два [пути]? Тот, следуя которому люди стремятся лишь к удовольствиям и вожделению, низок груб, [он] для обычных людей неблагороден, бесполезен, а тот, который ведет к умерщвлению плоти, приносит страдания и также неблагороден, бесполезен. Татхагата же увидел срединный путь, дающий зрение, дающий знание, по которому следует идти, избегая этих двух крайних [путей], [ибо] он ведет к умиротворенности, к сверхзнанию, к просветлению, к нирване».[2]

Далее формулируются четыре благородные истины о страдании.

«Благородная истина о страдании: рождение – страдание, старость – страдание, болезнь – страдание, смерть – страдание, соединение с неприятным – страдание, разлука с приятным – страдание, неполучение чего-либо желаемого – страдание».

«Благородная истина о происхождении страдания: ... жажда наслаждения, существования, жажда гибели».

«Благородная истина об уничтожении страдания: это полное бесследное уничтожение этой жажды, отказ [от нее], отбрасывание, освобождение, оставление [ее]».

«Благородная истина о пути, ведущем к уничтожению страдания: правильное видение, правильная мысль, правильная речь, правильное действие, правильный образ жизни, правильное усилие, правильное внимание, правильное сосредоточение» («Антология мировой философии. Древний Восток»).

Получается, что Будда дает простой рецепт избавления от страданий – не стремись к удовольствиям. Но разве он призывает к полной бездеятельности? Нет. Необходимо видеть, мыслить, говорить, действовать и т.д. Необходимо без усталости идти по благому восьмеричному пути. Но и это еще не цель жизни. Отсутствие страданий и удовольствий вовсе не самоцель для Будды. Это средство для достижения сверхзнания, просветления, для восприятия Нирваны. Но что такое Нирвана? Может быть, это просто полный покой, отсутствие всяких внешних восприятий, безразличие и равнодушие? Ведь именно так многие понимают Нирвану.

Оказывается, Нирвана – это нечто высшее и разумное, нечто прекрасное и вечное. Нирвана – это не плод воображения, это реальность, к которой может приобщиться каждый человек. Следовательно, там не может быть равнодушия и безразличия.

Вот как сказано о Нирване в другом буддийском тексте «Милиндапаньха»: «Нирвана существует, ... ее можно воспринять разумом;

праведный ученик, идущий по правильному пути, с чистым разумом, с возвышенностью и прямоотой, не имеющий препятствий, свободный от чувственных желаний, видит нирвану» (там же).[2]

То есть спокойствие на пути к Нирване только кажущееся, и даже стремление к покою как к цели препятствует ее достижению. Чтобы приблизиться к просветлению, к сверхзнанию недостаточно избавиться от стремления к удовольствию, недостаточно победить страдания. Необходимо к этому сверхзнанию стремиться.

«Нет размышления у того, кто не знает; нет знания у того, кто не размышляет. У кого же и размышление, и знание, тот действительно близок к нирване».[1]

Платон давно решил эту задачу в диалоге «Филеб». Как и мы, он установил «три рода жизни: жизнь радостную, жизнь печальную и жизнь, лишенную печалей и радостей» [3]. Затем, определив, что отсутствие страдания уже само по себе удовольствие, он приходит к выводу, что человек может испытывать либо страдание, либо удовольствие, либо переход одного в другое.

Проверим, возможно, ли избежать страданий и удовольствий на каких-то уровнях нашего Я? Можно не стремиться к удовольствиям на уровне «физического тела», но мы всегда будем знать, когда тело страдает. Конечно, можно пытаться не обращать внимание на его страдания, но тогда тело просто перестанет нас обслуживать и умрет.

Можно погасить в себе большую часть эмоций, как положительных, так и отрицательных, но можно ли оставаться человеком без эмоций? Без радости, любви, дружбы и т.д. Из определения человека в предыдущих разделах видно, что сомнение и желание – его основные свойства. А где есть сомнение, там всегда есть желание его разрешить, а значит и какая-то эмоция, связанная с таким разрешением.

Можно попробовать погасить в себе жажду познания, можно пытаться быть равнодушным к новой информации, к скуке и бездеятельности. Но можно ли при этом оставаться человеком? Человек не может не познавать, а познание всегда связано с удовольствием и страданием.

Можно быть равнодушным к самому себе, к своим достижениям и личному творчеству. Но разве возможно при этом избавиться от страдания, вызванного ощущением бессмысленности своего существования? Можно не стремиться к самореализации, не любить и не помогать близким людям, быть равнодушным к истине, добру и злу, но ради чего тогда жить?

Можно ни во что не верить. Не верить в смысл своего существования, не верить в людей, их доброту, честность и благородство, можно не замечать красоты и гармонии мира, не любить его, не верить в высший смысл бытия, в единство мира, можно жить как случайная

пылинка, летящая в просторах Вселенной, не нужная ни себе, ни другим. Но хочет ли кто-то из нас подобной жизни?

Избавившись от любого из страданий или ослабив его, человек на короткое время ощущает удовольствие, а иногда и моменты счастья. Но ощущение полного покоя и отсутствия страдания требует одновременно и отсутствия удовольствий. Требуется прекращения всех стремлений и желаний на всех уровнях. Требуется оно и отсутствия любви к любому конкретному объекту Природы.

Можно ли считать смыслом всей своей жизни – отсутствие страданий, забот, переживаний, стремлений, отсутствие любви к конкретным людям? Зададим вопрос по-другому, - Что может гарантировать полное отсутствие страданий, забот и стремлений? Только полное отсутствие жизни.

Если допустить, что смысл жизни – это отсутствие страданий, а отсутствие страданий и полный покой – это отсутствие жизни, следовательно, и смысл жизни – в отсутствии самой жизни.

Внутренняя противоречивость прямо нам указывает на ложность подобных определений. Похожая цепочка рассуждений часто приводит людей к ложному выводу: «Смысл жизни - в скорейшей смерти». Такая цель способна оправдать не только самоубийство, но и любое убийство любого количества людей. Именно такими «благими намерениями вымощена дорога в ад».

Человек может и должен пытаться контролировать, а при необходимости ограничивать страдания и удовольствия на разных уровнях своего Я, но человек не может сделать своей целью отсутствие абсолютно любых страданий и удовольствий. Сама постановка подобной цели внутренне противоречива, так как подразумевает необходимость ее реализации, а значит необходимость сопутствующего удовлетворения или, наоборот, страдания - в случае не достижения цели.

Жизнь без страданий и удовольствий невозможна и с точки зрения необходимой гармонии любого человека с окружающими людьми, с Природой. Если человек не пытается вписаться в единые связи окружающего его мира, мир обязательно отторгнет такого человека, как что-то ненужное, а значит чуждое ему.

Если провести опрос на тему – «Чего бы Вы хотели более всего в жизни? В чем самое большое счастье?», одним из самых популярных ответов будет – «Отсутствие забот, страданий и покой». Но если спросить далее – «Для чего Вам покой? Что Вы будете делать после того, как избавитесь от забот и страданий?», в ответ получим длинный перечень целей, достижению которых люди с удовольствием посвятят освободившееся время.

Следовательно, любой покой как цель – это всегда этап к удовольствию, получаемому человеком от достижения других, более важных для него целей.

Литература

1. Дхаммапада / Перевод с пали, введение и комментарии В.Н.Топорова. Ответственный редактор Ю.Н.Рерих. - М., 1960.
2. Тамгинский И. И. Религии мира. Москва, 1983.
3. Платон. Собр. соч. в 4-х томах. Том 3. М.: "Мысль", 1994.

*Комарова Л.А.
Уфа*

Духовное пространство в свете концептуальных исследований

Чтобы ответить на вопрос, откуда возникает само понятие «духовное пространство» и что под ним понимается, необходимо понять, как человек видит и постигает мир. Сегодня многие говорят о духовном пространстве России, о ее духовном наследии, о возможных путях духовного развития современного общества. Сами понятия «духовный мир» и «духовный опыт» носят в гуманитарных науках скорее интуитивный смысл, чем научно закрепившееся содержание: они продолжают быть и сегодня весьма неопределенными и расплывчатыми, их контуры не очерчены, их содержательное наполнение отсутствует. Ученые пока не изобрели механизм, благодаря которому смогли бы проникнуть в тонкие структуры человеческого интеллекта, духовной жизни, духовного опыта. Необыкновенная популярность психоаналитических теорий, как в начале века, так и сейчас, равно как и широко развившаяся система псевдорелигиозных организаций, обещающих духовное просветление, связаны как раз с желанием и попытками проникнуть в потаенный мир души, узнать ее секреты и научиться воздействовать на эти внутренние силы.

Понятие о духе появляется тогда, когда сущность человека перестает ассоциироваться с его телесностью или психическим миром. Иудаизм, античная философия и христианство привели к различению духа, души и тела человека. С.А. Нижников отмечает, что духовное отношение к жизни стало рождаться там, где человек начал метафизически осмысливать свою жизнь из своего положения в мире, а развитие представлений о духовном пространстве есть в то же время процесс становления самого человека как духовного существа [3, С. 181-182]. Эти внутренние искания и отражены в культурном наследии человечества. Испокон веков внимание человека устремлялось к сущности, находящейся вне нашего непосредственного восприятия, - к миру, который недоступен обыкновенному созерцанию и неподвластен нашим органам чувств. Инобытие, находящееся за границами реального пространства притягивало и завораживало. Поиски духовного мира идут разными путями. Это может быть уровень

теоретического мышления или философии, путь веры и мистического опыта, или путь творчества, направленного на созидание красоты как одной из высших ценностей духовного мира. Процесс духовного творчества в истории культуры разбивается на три потока: религию, философию и искусство. Феномен духовного реализуется в этих трех сферах специфическим образом, опираясь на различные сущностные силы человека, его способности и потенции. Каждая из этих сфер обращается к одному источнику, позволяя человеку свободно взаимодействовать с духовным миром и использовать различные возможности и уровни духовного познания. Невыразимость «того, что находится за гранью», побуждала человека реализовывать и запечатлевать свои предположения, убеждения или даже мистический опыт в символах и образах. Часто предметом видных ученых (Ш. Шакуров, Н.В. Никоненко, А.И. Иванов, А.С. Миронова и др.), обращавшихся к этой проблеме, становится не духовное пространство как таковое, а комплекс представлений о нем, воплощенных в материальном наследии.

Принципы эстетического исследования позволяют соединить различные представления о духовном пространстве, характерные для культуры прошлого времени и современности, поскольку духовное пространство раскрывается в исследовании как символическая и концептуальная данность особого порядка. Интерес эстетики может быть обращен ко всем сферам проявления духовного пространства, поскольку сфера эстетического является связующим звеном между материальным миром культуры и областью идеальных духовных ценностей. Цель эстетики в данном случае состоит не только в том, чтобы расшифровывать взаимосвязь материальных чувственно-зримых форм, но и самого способа мышления с особенностями мировидения человека, заключенными в данном эстетическом идеале, в котором наиболее гармонично и всеобъемлюще выражены духовные устремления человека.

А.Д. Иванов обращает наше внимание на то, что духовное возникает, когда человек начинает строить иной мир, мир умозрения, с присущими ему понятиями и символами. Человек как бы удваивает мир, строя свою духовную сферу как способ человеческого существования. Лишь в результате такого удвоения мира возможно возникновение смысла и ведение разумной, сознательной и целеполагающей деятельности. В искусствоведческих исследованиях и философских концепциях духовное пространство исследуется как одна из категорий, с помощью которых мы познаем мир.

В этом смысле дух не противоположен душе или телу, а принадлежит другой реальности. Но именовать «реальным» то, что нельзя увидеть воочию, было бы неправомерно, поэтому и здесь и далее мы будем говорить о духовном пространстве как о концепте, существующем на ментальном уровне. В этом отношении духовный и эстетический миры

близки друг другу, так как очерчивают круг идеального, того, к чему человек только приближается, но никогда не достигает во всей полноте. Такие эстетические совершенства как Красота и Гармония отражены в философских взглядах как духовные явления. Н.Я. Данилевский высказывал по этому поводу следующий афоризм, в котором утверждал, что красота есть единственная духовная сторона материи, и, следовательно, единственная связь этих двух основных начал мира.

Реальное физическое пространство всегда оставалось и остается объектом нашего интереса, как своеобразная «арена», на которой разворачивается вся наша жизнь. У каждого из нас есть свое собственное представление о жизненном пространстве, какое оно и каким должно быть. Потребность в конструировании своей среды обитания отражается на всем, к чему прикасается человек: все несет на себе отпечаток его мысли и чувства. Эстетическое восприятие жизненного пространства формирует наше миропонимание, поэтому, когда мир и человек рассматриваются в едином ракурсе, а представления о структуре вселенной связаны с представлениями о собственной сущности и назначении, возникает целостный, гармоничный и непротиворечивый взгляд на мир, что отражается на всей деятельности человека.

Духовное пространство, как и иные формы пространства (культурное, социальное), обладает границами, центром и своей иерархией, не зависящие при этом от реальных физических свойств пространства и времени. Существуют определенные ориентиры, конструируемые культурой и традицией, но для каждого конкретного человека духовное пространство будет неодинаково, поскольку личное духовное пространство одного может включать в себя то, что неприемлемо для другого. Следовательно, обращая внимание на разнообразные образы пространства в произведениях искусства, философских и религиозных системах, можно, опираясь на эстетические принципы исследования, выйти к пониманию онтологических характеристик, присущих духовному пространству.

В сугубо материалистическом мировоззрении, когда человек рассматривается как результат эволюции, с духом ассоциируются психические способности человека и некоторые черты характера, такие как, например, воля. В.И. Даль отмечает, что в религиозном миропонимании – это обиталище духов где-то за границами видимого мира, а в отношении человека, наделенного при сотворении Духом, - «иные разумеют душу его», иные же «видят в душе только то, что дает жизнь плоти, а в духе – высшую искру Божества, ум и волю, или же стремление к небесному» [1, С. 134].

Понятие духовного пространства всегда принципиально антропологично, поскольку без связи с человеком теряет всякий смысл. Поэтому, исследуя эстетическое отношение человека к миру, мы

сталкиваемся с пониманием человека как био-психо-духовного существа, жизнь которого делится на три уровня, включающие удовлетворение витальных, социокультурных и духовных потребностей. Потребности в дружбе, любви, общении дополняются целями более высокого порядка – стремлением к пониманию своей роли в жизни и смысла существования.

Особенно многообразны представления о духовной жизни сегодня, когда в духовное пространство включают «все относящееся к душе человека», а под «духовностью» и «духовными ценностями» понимают множество явлений, начиная от этики поведения, сферы интересов, активной культурной жизни и заканчивая эзотерическими воззрениями [4, С. 167]. Духовность как глубинная сила индивидуальности человека, средоточие всех его душевных сил, творческое ядро его личности, побуждает человека внутренне развиваться и искать совершенства как во внешнем, так и в своем внутреннем мире. Если исходить из такого понимания духовности, то под духовным пространством в самом широком смысле будет пониматься особая «система отношений», отличающаяся от других типов отношений своим ценностным содержанием. Духовное пространство в самом узком смысле – это форма организации внутреннего бытия: личность сама создает свое собственное духовное пространство, благодаря существующему в культуре духовному пространству, приобщаясь к которому, она вообще возникает как таковая. Жизнь души может оставаться сокровенной, а может изливаться во внешний мир как творческая сила, и преобразовывать его. Формы взаимодействия с миром многообразны, и все они несут на себе отпечаток духовной жизни, как конкретного человека, так и общества в целом.

Духовное пространство может пониматься как результат деятельности сообщества людей, объединенных посредством их внутренних устремлений. Оно способно аккумулировать в себе силу, преобразующую мир, активность человека, имеющую вектор направленности «вверх» и «вглубь», поскольку человек, соприкасающийся с духовным пространством, стремится проникнуть в суть вещей, понять их сущностный смысл, а не обыденные возможности их каждодневного использования. Непосредственная жизнь души ограничена ее телесными потребностями, заботами о теле, благосостоянии, о достойной социальной роли, и может всегда оставаться на подобном уровне. Однако, общаясь с миром на чувственно-интеллектуальном уровне, мы усматриваем в мире некие закономерности, по которым он существует. Как незаметно глазу действие магнитного поля, как неуловимо движение мысли, так неощутимо и само духовное пространство, которое выражает свое присутствие с помощью символических и семиотических пространств. Мы не лишены предметно-чувственного общения с миром духовных ценностей. Духовное пространство как внешне предложенная миру организация, является реализацией внутреннего мира самого человека:

изливаясь вовне, оно овеществляется и воплощается в материальные формы.

Осмысляя окружающее его пространство и свой внутренний мир, человек заполняет предназначенное ему пространство, как бы «вселяется» в него. Внутренний мир обогащается внешним, внешний – наполняется внутренним. Предназначение человека – выявить и реализовать в себе свой духовный потенциал, вырастить его как зерно, упавшее на добрую почву. Плодами его могут быть дела, реализуемые во внешнем одухотворенном пространстве. Наивысшим творческим актом является самопознание – лишь оно может считаться поистине духовным актом, приводящим к раскрытию и реализации полноты личности и явлению в ней истинной сущности Человека.

Принадлежность личности духовному пространству характеризуется несколькими факторами, главным признаком которых является приоритет «внутреннего» над «внешним», «субъективного» над «объективным».

Человек приобщается к духовному пространству в процессе творческой деятельности, и его отношение к этой сфере жизни определяется тем, как он живет и поступает, как он относится к миру, себе и окружающим людям. Для Н.О. Лосского высшей ступенью красоты является Личность человека: «идеал красоты есть чувственно воплощенная жизнь личности, осуществляющей во всей полноте свою индивидуальность ... осуществление бесконечного в конечном [2, С. 98].

В искусстве, отражающем внутреннюю жизнь души, запечатлевается и духовное пространство. Художественное пространство, как и духовное, позволяет нам выходить за рамки собственной телесной оболочки с помощью художественных смыслов и образов, и, соприкасаться с чувствами и эмоциями других людей, пытаться понять их внутренний мир, вслушиваться в голос их души, воплощенный в произведениях искусства. То, насколько человек эстетически чувствителен и предрасположен к такого рода взаимодействию, показывает его, возможно – реализованный, возможно – нераскрытый духовный потенциал.

Таким образом, приобщение к духовному пространству позволяет выйти на иной, более высокий уровень осознания и ощущения жизни, отличающееся от обыденного мировосприятия своей полнотой и целостностью, тогда как повседневное ограничено и разделено на части, кои мы и познаем силами рассудка.

Литература:

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – Т.1.- СПб., 2006.
2. Лосский Н.О. Мир как осуществление красоты. – М.: Прогресс – Традиция, 2009.
3. Нижников С.А. Духовное познание // Культурология. XX век. Энциклопедия.- СПб., 2007.

4. Шукуров Ш. Современная архитектура и духовное пространство.- М., 2009.

*Михайличенко Д.Г.
Уфа*

Этос философствования в трансформирующемся обществе

Ритм социального времени современности, сопровождающийся постоянными трансформациями институтов, практик и технологий, заставляет человека постоянно искать оптимальные пути объективации и субъективации, формировать различные этосы. Этос человека – это образ жизни, включающим в себя совокупность ценностных установок, институтов, практик и технологий, обуславливающих характер его социального бытия, взаимоотношений с самим собой, обществом и природой. В современной социальной теории понятие «этос» является ключевым для характеристики социального бытия человека, поскольку фиксирует возможность стратегического действия социального субъектов на фоне различных социальных структур. Этос является результатом постоянно осуществляемого сознательного оформления стилистики бытия человека.

Трансформация общества предполагает не только изменение возможностей для развития человека, но и трансформацию угроз. Одна из особенностей современного общественного развития заключается в том, что существуют специфические угрозы, которые могут быть охарактеризованы посредством категории «репрессивность» (от лат. «repressio» – обуздание, подавление). Репрессивность меняется в соответствии с фундаментальными принципами развития современного общества (нарастающая интенсивность протекания социальных процессов, рост взаимозависимостей между различными институтами, практиками, технологиями и регионами мира, изменение различных форм социального контроля, постоянный поиск идентичности современным человеком и др.). Репрессивность, в зависимости от субъекта, может проявляться в нескольких формах: психологической, информационно-психологической, политической, экономической, медийной и т.д.

Феномен, производным от которого является репрессивность, в нашем отечестве нередко ассоциируется с печальными событиями 30-х годов XX столетия (т.н. «сталинские репрессии»), а в социальной философии «права гражданства» обрел в связи с работами представителей франкфуртской школы. Репрессивность заключается не только в карательных мерах, но и в ряде социальных институтов, а также наборе потенциальных и реальных практик, технологий, наличных социальных и природных условиях, подавляющих, или несущих в себе угрозу подавления, процессу развития человека, его свободе, субъективации. Если насилие всегда репрессивно, то репрессии не всегда основываются на

насилии. Репрессивность апеллирует к нормативным принципам, которыми в зависимости от контекста могут выступать свобода, справедливость, ненасилие, пацифизм, патриотизм и др. Как показывает история цивилизаций главным образом в обществах в наибольшей степени соответствующим этим принципам, создавались условия для максимально возможной самореализации социальности человека, его субъективации.

В рамках традиционного общества репрессивность ассоциировалась, прежде всего, с внешними факторами, однако в условиях современного, глобализирующегося общества ситуация меняется: формы проявления репрессивности, ее метастазы генерируются отовсюду. Репрессивность, в отличие от репрессий, может выражаться в форме декларации различных угроз, которые никогда не перейдут в плоскость конкретного применения. Иными словами, репрессивность способна выступать в форме симулякра, фантома, тогда как репрессии – это всегда реальный акт насилия (физического или символического).

Вплетенность репрессивности в социальную ткань обуславливается тем, что человек а priori не может собой управлять на протяжении всей своей жизни. Репрессивность в этой связи есть необходимое условие для развития человека. Далеко не всегда человек, предоставленный самому себе, развивается. Репрессивность необходима для того, чтобы нейтрализовать те проявления индивидуальности и субъектности, которые обществом отвергаются и маркируются как зло, порок, аморальность и т.д. Поэтому можно утверждать, что человек нуждается в том, чтобы им управляли. Иными словами, репрессивность неизбежна и не всегда действует сугубо негативно. Человек развивается не только благодаря, но и вопреки.

Репрессивные структуры современного общества, пытаясь добиться от человека конформного поведения, все чаще прибегают не к прямым императивам, но к различного рода побуждениям, манипуляциям, симуляциям, игре, в которой он подчас не осознает, что является объектом скрытого управления, а сознанию отводится второстепенная роль. Одной из важнейших форм проявления репрессивности являются технологии массовой манипуляции.

Технологии массовой манипуляции – это социальные технологии информационно-психологического, явного и скрытого управления психикой, действиями, поведением человека и группы людей различной численности, посредством формирования у них представлений, вкусов, потребностей и ценностей, оказывающих репрессивное воздействие на объект. Повсеместная распространенность технологий массовой манипуляции преобразует наличные социальные институты, другие технологии, практики, характер социального бытия современного человека, формы его субъективации. Технологии массовой манипуляции в значительной степени заменяют собой физическое принуждение. Без

манипулирования желаниями современного человека невозможны нынешние объемы продаж, без манипулирования политическими фактами трудно представить себе политику, умения политтехнологов в которой зачастую более важны, чем рациональный диалог ее участников.

Технологии массовой манипуляции различным образом воздействуют на социальный мир, но в целом их влияние на современного человека, его интеллектуальную субъективацию репрессивно. Эти технологии не автономны в своем воздействии, но выступают важным средством, действующим наряду с другими инструментами достижения целей (такими как лидерские качества, интеллект или материальные ресурсы). Технологии массовой манипуляции могут быть направлены на все социальное: от представлений одного человека до имиджа государства. Эти технологии редуцируют представления о сложных, многофакторных социальных процессах, в простые представления, лишённые доказательной базы, а их распространение ведет современного человека к иллюзии всезнайства, глубокого понимания широкого спектра социальных отношений (политических, экономических, культурных), происходящих в обществе. Современный человек мнит себя знатоком политики, так как образ одного кандидата импонирует ему гораздо более другого; он разбирается в экономике, ведь во время телевизионной релаксации он периодически «натывается» на прогностические заявления экспертов об экономическом подъеме/спаде; ему не составляет труда понять, стоит ли идти в кинотеатр на очередную новинку, рейтинги и суммарные подсчеты кассовых сборов подскажут верное решение. Современный человек полностью осведомлен о том, как следует заботиться о собственном здоровье, зная благодаря телевизионной рекламе, какой зубной пастой, шампунем и косметикой пользоваться. *Субъективация не требуется современному человеку, подверженному воздействию технологий массовой манипуляции: он считает себя субъектом социального бытия, но таковым не является.* Безусловно, не все из бурлящих технологически сконструированных манипулятивных потоков достигают своих целей, не всем кандидатам, экспертам и рейтингам доверяет современный человек, но объективация, конструирование представлений, мирозерцания человека происходит именно так.

Среди основных экзистенциальных дилемм современности чаще всего называются кризис гражданства, коммерциализация человеческих уз и взаимодействий, распространение консьюмеризма, разложение человеческой солидарности. Технологии массовой манипуляции ставят человека перед ужасающей, если додумать ее до конца, экзистенциальной ситуацией: не только социальная реальность, общественные ценности, но и сам современный человек, его мысли, убеждения и предпочтения во многом представляют собой результат конструирования этих технологий. Современный человек в ходе своей социальной жизни «привыкает» к

различным проявлениям технологий массовой манипуляции и склонен все меньше и меньше замечать их воздействие.

Технологии массовой манипуляции оказываются маркирующим элементом, который высвечивает разрыв между существующими, а priori принимаемыми в качестве верных принципами культуры и их реальной ролью в современном социальном процессе. А priori считается, что современный человек автономен в своем социальном бытии и самостоятельно принимает решения, однако существующие социальные практики и институты демонстрируют, что это далеко не всегда соответствует действительности.

В условиях, когда информационные потоки принимают активное участие в генерировании власти и материальных ценностей очень трудно таким институтам как университеты, телевидение, радио, Интернет, печать, музеи и библиотеки, отказаться от своей властной составляющей, находится вне поля воздействий технологий массовой манипуляции. Современные субъекты властных отношений рассматривают эти институты, финансируют их исходя из соображений полезности в конструировании властных конфигураций, отвечающих их корыстным интересам. Тогда как а priori предполагается, что основной принцип функционирования этих институтов заключается в беспристрастном, объективном распространении информации и знаний.

Технологии массовой манипуляции в современном обществе принимают активное участие в борьбе за производство и навязывание легитимного видения социальных процессов. Утверждая данность через высказывание и образы, оказывая информационно-психическое воздействие на современного человека, они побуждают видеть и верить, воздействуя и конструируя систему ценностных ориентаций и сам мир. Современный человек, погруженный в информационное поле этих технологий, теряет гносеологические ориентиры для интеллектуальной субъективации. Общество, в лице коммерциализированных и пронизанных конъюнктурой властных отношений институтов, затрудняет саму возможность развития человека.

Репрессивность технологий массовой манипуляции заключается еще и в том, что их воздействие не всеми воспринимается в качестве такового, многие склонны не замечать этот феномен. Лишь небольшое число участников социального процесса считает необходимым сопротивляться их воздействию. Репрессивное воздействие технологий массовой манипуляции может быть направлено на все социальное: от представлений одного человека до имиджа государства. Все это приводит к выводу о том, что технологии массовой манипуляции представляют собой важнейший инструмент современного социального контроля. Технологии массовой манипуляции есть следствие эскалации конкуренции, интенсификации различных практик в современном обществе. Условия современности

подготовили именно ненасильственные, высокотехнологичные, информационно-психологические, эффективные и в то же время репрессивные для человека формы соперничества.

Воздействие технологий массовой манипуляции на современного человека актуализирует проблему кризиса индивидуальной субъектности, что означает осознание положения современного человека в мире как переломного, которое не может быть осмыслено в категориях экономической, политической или культурной составляющей социального процесса, но требует обращения к экзистенциальным характеристикам его бытия. Перед современным человеком стоит выбор: подчиниться воздействию технологий массовой манипуляции, конструироваться в соответствии с волей субъектов этих технологий, или сопротивляться им, создавать свой этос, собственное экзистенциальное пространство, свободное от фальсифицированной, одурманивающей, симулякративной реальности. На этом фоне, несколько упрощая действительность, можно выделить два основных этоса современного человека в обществе:

1. «*Vita simplex*» (от лат. «*simplicitas*» – простота, несложность) – это жизнь, не выходящая за пределы непосредственных, наличных связей. Современный человек, этос которого *vita simplex*, спонтанно, преимущественно в формате обыденного сознания, оформляет свою жизнь в соответствии с дорефлексивными предписаниями со стороны структур общества.

2.«*Vita cogitata*» (от лат. «*cogito*» – мыслить, размышлять, думать), представляет собой рефлексивную жизнь, жизнь размышляющих, активно выводящую человека за пределы его непосредственной жизни и делающую его субъективацию онтологически неускоренной. Этот этос предполагает, прежде всего, рефлексивную дистанцию по отношению к собственной социальной ситуации, а также умение целенаправленно менять контексты своего бытия.

Современный человек, следуя *vita simplex*, то есть жизни, не выходящей за пределы установленных стереотипов и дорефлексивных форм экзистенции, неизменно становится объектом репрессивного воздействия технологий массовой манипуляции. Современный человек, существующий в формате этого этоса, склонен не задаваться вопросами о причинно-следственных связях функционирования посланий, которые несут технологии массовой манипуляции, доверяя стереотипам и проявляя склонность к конформизму. Собственные интеллектуальные и креативные потенциалы в таком случае развиваются слабо и ограничиваются пассивным восприятием уже готовых моделей, образцов. Современный человек руководствуется мышлением, но не рефлексией; он не подвергает сомнению свое мышление и поступки; он живет, действует, мыслит, принимая смыслы, которые навязываются обществом [2, С. 54]. Поэтому *vita simplex* есть этос конформизма современного человека.

Альтернативу *vita simplex* представляет собой этос *vita cogitata*, в рамках которого формируется чувство онтологической неукорененности, развиваются принципы диалога различных культур.

Итак, *vita simplex* – это не выходящая за пределы установленных стереотипов и нерелексивных форм экзистенции жизнь, делающая современного человека удобной мишенью для репрессивного воздействия технологий массовой манипуляции, тогда как *vita cogitata*, делающая его субъективацию онтологически неукоренной, способствует его выходу за пределы текущей формы социальности, позволяя по-иному оценить многие, в том числе и репрессивные социальные явления.

Современный человек остро нуждается в рациональных формах коммуникации, предполагающих в максимально возможной степени свободные от приемов манипулятивного воздействия условия с целью нахождения истины. Эта форма общения предполагает в качестве цели не столько убедить оппонента или подловить уловкой, но найти истину. Самой главной проблемой в этой связи может считаться не защита собственного мнения, но реальное положение дел.

Если человек, следующий *vita simplex*, принимает сложившиеся институты, социальные практики, технологии и выстраивает поведение в их поле, то человек, развивающийся в формате *vita cogitata*, сам прокладывает «тропы» бытия, которые позднее могут превратиться в социальные колеи.

Репрессивное воздействие технологий массовой манипуляции может осуществляться только при содействии тех, кто не хочет знать, что подвержен ему. В этой связи осознание, «вскрытие» алгоритмов функционирования тех или иных видов технологий массовой манипуляции представляет собой важнейший элемент *vita cogitata* как этоса социального бытия современного человека. Все это предполагает критическое мышление. В современном обществе критическое мышление часто оказывается скорее возможностью, чем действительностью. Когда современный человек читает, обсуждает, полемизирует и обменивается мнениями с другими людьми, людьми из разных эпох (например, посредством текстов) он уточняет, делает рельефнее собственную позицию, а нередко меняет ее. Человек тем самым создает самого себя, привлекает других к переживанию своего положения и того опыта, который обволакивает наш образ мысли и действий, формирует нашу ментальность и в то же время оставляет возможность выйти из него преобразованным.

Некоторые люди настолько подавлены привычками и обычаями, что не в состоянии использовать критическое мышление в своей личной и общественной жизни. Этому способствует развитая индустрия развлечений, побуждающая современного человека конформистски погрузиться в мир сконструированной профессиональными технологами

фантазии, качественность которых делает излишним собственное творчество, и оставить размышления о репрессивном воздействии технологий массовой манипуляции и способах противодействия им.

Воздействие скайпов и потоков информации, пронизанных технологиями массовой манипуляции, возрастает, если они воспринимаются пассивно, односторонне. Современному человеку следует активно выражать собственное отношение к ним. Причем это вовсе не должно приобретать деструктивные формы в виде движения «глушения массовой культуры» [1, С. 353-389]. Современному человеку не обязательно портить рекламные плакаты, превращая, например, бренд «Apple computers» в нарисованный череп [1, С. 357]. По сути, такой подход, который активно защищает Н. Кляйн, предполагает противопоставление технологиям массовой манипуляции вандализированную контрманипуляцию.

Существует иная альтернатива репрессивному воздействию технологий массовой манипуляции, используемых крупными производителями и политическими деятелями, согласно которой современному человеку необходимо проделывать интеллектуальные, операции над собой. Такая деятельность будет содействовать развитию воображения современного человека и поможет более четко представлять причинно-следственную связь явлений. Например, реклама табака, на которой изображен уверенный в себе курящий молодой человек, позволит поразмышлять о том, что станет с ним после 25-30 лет интенсивного потребления рекламируемого продукта; фильм, прославляющий «крутую» жизнь ночных гонщиков, несущихся по городу на спортивных автомобилях, даст повод для размышления о других, опасных для жизни молодого поколения сторонах такого этоса, а именно о собственной безопасности и безопасности окружающих; политические слоганы, предлагающие голосовать «сердцем» (а не разумом), красивые буклеты и яркие выступления звезд шоу-бизнеса в агитационных турах крупных политиков дадут пищу для размышления о причинах подмены реальной политики театрализованной с множеством ярких образов, оборотная сторона которых остается скрытой; эстетическое восхищение статуэткой из слоновой кости или дорогостоящей шубой позволит современному человеку представить горы «человечно» (а не зверски!) убиенных слонов, детенышей беззащитных морских котиков и нерпы, на уничтожение которых африканскими странами и Канадой вновь и вновь даются лицензии во имя «прогресса и благополучия», прежде всего, welfare state («общества всеобщего благоденствия» – англ.). Каждый человек должен стремиться представить самые страшные и долговременные последствия того или иного технологического шага, не только в связи с экологической ситуацией, но и в связи с репрессивным воздействием технологий массовой манипуляции на его социальное бытие. Все это позволяет

современному человеку преобразовать себя, стать размышляющим потребителем и субъектным участником политики, соблюдая императивы долженствования по отношению к миру флоры и фауны, беззащитность которого перед гуманистической деятельностью модерна ужасает. Развивая воображение и навыки критического мышления, современный человек оказывается способен субъективироваться. Субъективация современного человека в этих условиях с неминуемостью означает нейтрализацию значительной доли репрессивного воздействия технологий массовой манипуляции. Поэтому *vita cogitata* способна привести современного человека к ясному самопониманию на фоне репрессивности общества, исходя из чего в дальнейшем формировать себя в качестве субъекта того или иного морального опыта.

Итак, *vita cogitata* предполагает рефлексивную дистанцию по отношению к собственной социальной ситуации, умение выстраивать различные конфигурации своего социального бытия. Все это предполагает умение философствовать, включать философию как способ проявления свободной, интеллектуальной сферы деятельности в ткань социального. Философское знание, среди прочего востребовано также потому, что пытаются найти ответ на смысложизненный для человека вопрос, как ему быть свободным от общества, находясь в нем. *Vita cogitata* как этос философствования современного человека в трансформирующемся обществе являет собой пример того как научное знание и проявления житейской мудрости может способствовать нейтрализации репрессивности трансформирующегося общества.

Литература:

1. Кляйн Н. No logo. Люди против брендов / Н. Клейн. – М.: Издательство «Добрая книга», 2008. – 624 с.
2. Меликов И.М. Свобода в духовной жизни / И.М. Меликов. – М.: «Елочкин», 2002. – 186 с.

Фрагмент III

Мельников А. Е.
Уфа

Классификация как метод познания

Классификация – фундаментальный метод познания действительности, делящий объекты исследования на определенные классы посредством выделения существенных признаков, на основе выявления их однородности и разновидности. Такое выделение позволяет изучить объекты более глубоко и проникнуть в их сущность путем определения состава, свойств, внутренних и внешних связей. Классификационные методы и процедуры широко применяются в научном исследовании для решения самых различных познавательных задач.

Первые попытки применения познания и знания в контексте классификации, как метода познания, первоначально представляли собой группировки объектов поверхностно, поскольку они основывались не на существенных, а порой на произвольно выбранных свойствах изучаемых объектов. И лишь в дальнейшем, по мере изучения явлений и установления существенных связей между ними, методы классификации все более и более совершенствовались. С другой стороны, следует иметь в виду, что не на всех этапах развития знания классификация решает одни и те же задачи и что в ходе исторического развития знания наблюдается смена видов классификации. К таким видам следует отнести искусственные и естественные классификации.

Одним из первых, кто дал подробную характеристику указанным видам классификации, был Ампер. В своем «Опыте философии науки» он писал: «Мы должны различать два рода классификации, естественную и искусственную. В последней некоторые признаки, произвольно выбранные, служат для определения места каждого предмета; мы отвлекаем все другие признаки, и при этом оказывается, что часто предметы этим способом соединяются или отделяются друг от друга самым странным образом. Напротив, в естественных системах классификации мы берем все существенные признаки предметов, занимающих нас, определяя важность каждого из них; и результаты этого труда мы принимаем только тогда, когда сходятся вместе предметы, представляющие самую близкую аналогию, и группы нескольких порядков, составленных из них, располагаются тем ближе, чем более сходны их признаки. Таким образом, и получается всегда род связи, более или менее выраженной, между каждой группой и той, которая следует за ней»[1]. Об искусственных и естественных классификациях писали крупнейшие ученые, в том числе создатели знаменитых систем классификаций: Линней и Бэр, Бутлеров и Менделеев, Веттштейн и Майр.

В Российской философии рассматриваемая проблема занимает существенную место, например, утверждается, что «искусственная

классификация, в которой расположение понятий в классификационной схеме происходит на основе сходства или различия предметов понятий в несущественных, хотя и собственных, признаках, часто играет роль начального этапа по отношению к естественной классификации и на время заменяет ее, пока не удастся открыть существенных связей объектов. Примером искусственной классификации является ботаническая систематика Линнея, основанная на таких признаках, как число и способ соединения тычинок в цветке растений. Термин искусственной классификации часто употребляется наряду с термином "вспомогательная классификация", обозначающим такое построение классификационной схемы, при котором понятия располагаются по их чисто внешним, но зато легко обозримым признакам. Это облегчает поиск понятий в схеме и обнаружение соответствия предметов. Наиболее распространены вспомогательные классификации на основе алфавитного расположения имен понятий: алфавитные каталоги в библиотеках, расположение фамилий в различных списках и т.д.»[4].

Из приведенного выше определения следует то, что естественная классификация, позволяет выстроить более полную картину взаимосвязей объектов и явлений, открыть ранее неизвестные. Обнаружение и установление таких существенных связей и содержания характеризуются в естественной классификации. Это тип классификации наиболее полно отражает объект познания и его связи с другими объектами.

Опираясь на данные искусственных классификаций и накопленный эмпирический и теоретический опыт в области познания и знания, целесообразно систематизировать и выделить существенные связи и свойства в единую систему методом классифицирования. Стоит заметить также и то, что «полем применения классификационных процедур являются объекты практически всех научных дисциплин, а также и сама система наук в целом» [2]. Это же справедливо и для любой другой области знания и познания, где объяснение причин того сходства, той общности свойств объектов, которые объединяют их в классификационные группы, ориентируется на выявление естественной закономерности. Это, с одной стороны, подытожит результаты предшествующего развития познания и знания, с другой стороны, позволит спрогнозировать начало нового этапа в развитии знания.

Как и любой другой метод, классификацию в рамках данного исследования, прежде всего, следует рассматривать как систему знаний. Это тот тип знаний, который, с одной стороны, близок к теории, с другой стороны, имеет свои особенности. Но есть и общее - например, как и всякая научная теория, классификация не только подытоживает уже достигнутые знания, заключая в себе богатую информацию об исследуемых объектах, но и является отправным пунктом для дальнейших исследований в определенном направлении, нередко открывая новые

области для научных изысканий. Как и научная теория, классификация является основанием для прогнозирования новых результатов. На это, например, обращает внимание А. Л. Субботин, учитывая предсказания Д. И. Менделеева. А. Л. Субботин пишет об этом так: «...на основании его Периодической системы элементов существования новых, ранее неизвестных химических элементов и их свойств (экаалюминия, экабора и экасилиция, названных после их открытия соответственно галлием, скандием и германием), а также предвидение Н. А. Морозовым целой группы инертных газов, долженствующих занять в Периодической системе элементов места между галогенами и щелочными металлами» [3].

Таким образом, можно отметить, что исследование познания и знания открывает перед нами многогранный мир, в котором процесс классифицирования, по всей видимости, призван обобщить наиболее значимые и существенные связи процессов и явлений. Это не должно ограничиваться научной сферой, а должно объединять в себе все сферы человеческого познания и знания.

Литература:

1. Джевонс С. Основы науки. СПб., 1881. С. 632-633.
2. Б. М. Кедрова «Классификация наук», т. 1. М., 1961; т. 2. М., 1965.
3. А.Л. Субботин. Классификация. - М., 2001. С. 78.
4. http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/6219/

*Муллагалиева Л.К.
Уфа*

Становление элементов естественного языка под влиянием искусственных категорий политкорректности

Онтология языка является одной из наиболее важных и актуальных тем мифологического, философского и религиозного осмысления мира и самого человека. На протяжении более чем двух тысяч лет мыслители осуществляли наблюдения, предпринимали попытки систематизации, нормирования и управления процессами в языке. При этом античные исследователи, грамматики, религиозные философы средних веков, мыслители эпохи Возрождения и Нового времени сталкивались с феноменами, которые свидетельствовали о постепенных изменениях в их этнических и национальных языках, которые можно было описывать в качестве «движения» от периода расцвета к упадку и гибели. Не имея возможности универсального философского определения смысла и сущности данного явления, мыслители констатировали и раскрывали отдельные аспекты, которые постепенно складывались в мозаику мнений и подходов.

Лишь с обоснованием Г. В. Ф. Гегелем категории «становление» как процесса перехода из бытия в небытие, и наоборот, были созданы условия для онтологического анализа языковых процессов. Данное философское

понятие показалось мне наиболее подходящим универсальным эквивалентом метафорических номинант *старение, вырождение, разрушение, смерть, гибель, смена, сдвиг, стушевывание* и других слов, употребляемых мыслителями разных исторических эпох при описании нарастания деструктивных компонентов, возникающих в процессе трансформации языкового бытия. Метафизическое употребление категории «становление» в данной статье обусловлено особенностью предметной области и главной целью исследования. Специфика онтологии языка состоит в том, что слово сверхчувственно и обретает бытие в процессе дискурса, коммуникации, диалога. При этом выход из области небытия в период общения между людьми завершается возвращением в небытие монолога, немом молчания или мёртвого текста, не имеющего читательской аудитории. Бытие языка представляет собой область сущего, в которой происходит генезис, функционирование и становление элементов - слов и понятий (категорий, терминов), смыслов и значений. Небытие языка понимается как не-сущее в одних концепциях и инобытие в других.

Мыслители от периода античности до современности разносторонне исследовали многокомпонентный феномен становления бытия языка, предпринимали попытки осмыслить его в контексте своих философских концепций и учений. Преобладающей является точка зрения, согласно которой становление языка – это феномен, имеющий негативные последствия для человека и общества.

Формы протекания становления бытия языка разнообразны: смена понятийного, категориального аппарата, замещение понятий одного языка понятиями другого языка, приводящая к вытеснению одного национального языка другим; дробление языкового бытия и конкуренция между его элементами, угасающее развитие языка, эволюция языкового бытия, когда более совершенные языковые системы вытесняют менее развитые; немота и молчание. Переход языка в небытие обусловлен множеством причин социального, политического, экономического, религиозного, демографического, культурного, идеологического, материального характера.

Негативно трансформирует онтологию языка идеология политкорректности, которая создает искусственный язык, вытесняющий понятийный аппарат естественного языка и обуславливающий его переход в небытие.

Запрет называть вещи своими именами на том основании, что эти имена не нравятся тем, кому общество их присвоило, приводит к тому, что одни элементы бытия замещаются другими. Отказ от императива соответствия названия и смысла называемого явления есть негативное изменение качества бытия языка. Утрата внутренней формы слова,

исчезновение связи между именем вещи и ее смыслом, сущностью есть становление бытия языка в небытие.

Распространение искусственного языка политкорректности ведет к унификации категориального языка, вытеснению из естественного языка всех традиционных этических и моральных категорий и понятий, заменой их на содержательно неопределенные «общечеловеческие ценности».

Воздействие искусственного языка на бытие естественного языка и следствия этого процесса, начиная с 80-х гг. 20 в., находится в центре внимания философов, социологов и лингвистов. Так, 15.11.2010 г. в Институте философии РАН состоялось четвертое заседание семинара Центра аналитической антропологии «Общество меньшинств: политкорректность в современном мире». Участники дискуссии, признавая влияние языка политкорректности на бытие языка и общества, разделились на два лагеря: одни критически оценивают принципы политкорректности, другие – видят в них позитивное начало. Так, по выражению А. Гусейнова: «Политкорректность – это равенство перед законом, а не просто признание в уважении. Апология различий так же уязвима, как и апология равенства. Вопрос в том, можно ли все различия переносить в публичное политическое пространство, которое и создано для обеспечения консенсуса (демократии)»[12]. Значит, современный исследователь положительно оценивает политкорректность, полагая, что целью этой идеологии является равенство субъектов. Однако такой подход не выдерживает критики: если в бытии нет неравенства, нет истины и не-истины, нет добра и зла, значит, нет мерила бытия; ценностные основания сущего размываются, что негативно воздействует на бытие субъекта.

Идея политкорректности делает субъекта прагматичным. По выражению Л. Г. Ионина: «Истолкование неравных как равных... стало сегодня ценностью в себе. Неважно, каков человек – в отношении к нему мы не имеем права показать, что воспринимаем его в его особости и уникальности. Он для нас должен быть человеком вообще, абстрактным человеческим существом – голова, две руки, две ноги... Истинные его особенности и характеристики относительны, правовой и политический статус абсолютен. Вообще дух политкорректности выразим в простой формуле: *истина относительна*. Политкорректность не предполагает стремления к истине. Истина ее просто не интересует» [6]. Из этого следует, что правила политкорректности детерминируют становление субъекта от уникальной личности к безличному абстрактному человеческому существу, статус которого в политическом и правовом бытии вытесняет истинность.

Мыслители связывают политкорректность со становлением, упадком западной цивилизации и нередко используют для осмысления ее негативных качеств метафорические номинанты. Так, по Г. С. Померанцу: «Политкорректность – один из симптомов усталости Запада, поведение

ангела церкви Лаодикийской, который не холоден и не горяч (а потому будет извергнут из вечных уст)» [13]. Согласно Л. Г. Ионину, «политкорректность – главное орудие деградации цивилизации Запада» [12].

Исследователи отмечают дуалистичную природу феномена политкорректности: с одной стороны, сущность этого понятия ставит его в ряд с важнейшими идеалами гуманизма и гражданского общества: толерантностью, свободой, равенством между субъектами; с другой стороны, политкорректность есть идеология манипулирования сознанием масс, лицемерия, средство обмана. По выражению В. А. Подороги: «Политкорректность – это эволюционно-культурное понятие... политкорректность – это признание Другого и наших с ним различий, это уважение границ между людьми (национально-этнических, политических, религиозных и пр.), это отстаивание универсального принципа человеческого равенства, о котором мечтали все просветители. Но, с другой стороны, обнаруживается паразитарный характер политкорректности, ее искусственность и очевидная двусмысленность, чем, кстати, не перестают пользоваться правительства, общественные структуры, религиозные и политические лидеры, бизнес-корпорации, университетское сообщество и так далее» [14]. Итак, философ отмечает, что у истоков политкорректности стоят интересы элиты, т.е. она служит классовому расслоению общества, выполняет функции референции к богатству и статусу верхушки в политическом и экономическом бытии. Власть имущий, богатый, сильный субъект снисходительно позволяет слабому номинально быть равным с ним. Однако это не реальное равенство, а декларативное, лишь в бытии языка – так слово подменяет реальность.

При этом работ, посвященных влиянию искусственного языка политкорректности на онтологию языка, в отечественной философии пока нет. В связи с этим осмысление становление бытия естественного языка под воздействием искусственного языка имеет особую значимость и новизну.

Лингвистические манипуляции над бытием языка должны, по мысли идеологов политкорректности, без решения общественных проблем отправить в небытие саму возможность конфликтов. Нововведения искусственного языка политкорректности вытесняют целые языковые формы из употребления, так в бытии английского языка прежние слова *salesman* («продавец») или *saleswoman* («продащица») замещены словом *salesperson* (тот, кто занимается продажей). Следовательно, проблема женского равноправия решается в бытии языка, а не в политическом, экономическом пространстве. Появление лакун и элементов искусственного языка устраняют саму возможность постановки острого полемического вопроса.

О перегибах американской политкорректности написано немало критических и ироничных статей, главным результатом которых становится осознание того, что искусственный язык политкорректности разрушает духовные ценности бытия, опустошая содержание важнейших концептов.

Апофеозом американской политкорректности стало появившееся в конце декабря 2010 г. на сайте американского внешнеполитического ведомства сообщение о том, что с 1.02.2011 г. в бланках типовых заявлений на первичное оформление паспорта и регистрацию детей, рожденных американцами за рубежом, будут изменены две графы, содержащие информацию о родителях. В частности, согласно пресс-релизу, «в целях нейтрального описания половой принадлежности родителей и признания, равных прав различных типов семей», слова «мать» и «отец» должны были быть заменены на слова «родитель номер 1» и «родитель номер 2».

Споры в СМИ и возражения конгрессменов-республиканцев, направивших запросы в Госдепартамент, вынудили руководство ведомства задуматься над поиском «соломонова решения». В середине января руководство (госсекретарь США Хиллари Клинтон) дало указание ответственным за этот вопрос лицам изменить содержание бланков так, что бы из них не исключались слова «мать» и «отец». Очевидно, что в бланках будут присутствовать пункты «мать или родитель номер 1» и «отец или родитель номер 2», - так, чтобы не ущемить права традиционных семей [4].

Такая вульгарная трактовка политкорректности не просто ставит под сомнение традиционные ценности, значение материнства и отцовства, но дискредитирует законы природы и общества. Вытеснение из бытия языка слов-концептов «мать» и «отец», укорененных в духовной культуре человечества, и замена их на нейтральные, пустые наименования «родитель номер 1 и 2» есть попытка свести традиционные социокультурные ценности к механистической нумерации. Нивелируется реальность отцовства и материнства, разрушается аксиологический аспект бытия языка.

Подобные перегибы политкорректности заставляют субъектов задуматься о сущности современной демократии, когда равенство возводится в абсолюте, а декларативность вытесняет реальное положение дел.

Сейчас страны, недавно приобщившиеся к демократии, в том числе и Россия, активно заимствуют правила политкорректности, однако усвоение западных ценностей на российский манер значительно трансформирует исходное явление. Так для обозначения отечественного феномена М. Н. Эпштейн ввел понятие «политконкретность». Термин «политконкретность» в 2007 г. стал победителем в номинации «Антислово

года». По инициативе философа в России с 2006 года проводятся выборы «Слова года», которые имеют давнюю историю в США, Германии, Японии. В США этим занимается Американское диалектологическое общество, в Германии – Общество немецкого языка, в Японии - комиссия, выпускающая ежегодник «Фундаментальные знания современного языка». «Слово года» - это вербальный портрет года, словесный знак всего того, что было наиболее значимым для граждан страны, это то, что отражает ценностные ориентации российского общества.

Если **Слово года** в наибольшей степени концентрирует в себе его проблематику, заботу и интерес, то **Антислово** - подмену и извращение понятий. Антислово обозначает самое фальшивое, аморальное, пропагандистское понятие. М. Н. Эпштейн пишет, что «речь идет не о навязшей в ушах американской *политкорректности*, а о явлении сугубо российском и весьма злободневном... лингвист Ольга Глазунова так определяет его значение: «*Политконкретность - это когда в политике все заранее предопределено, как, например, с выборами в Думу и с выбором будущего президента. Путин выступил за Единую Россию, она получила большинство, выдвинул преемника - за него все и проголосуют*»... Кто они, **политконкретные**? Те, кто весьма конкретно себя заявил, «позиционировал» в рамках господствующей политики» [17].

Ученые единодушно признают, что принципы политкорректности значительно трансформируют качества бытия языка. Осознание этого заставляет философов вспомнить оруэлловский *NewSpeak*, новояз. Так, раскрывая концепцию политкорректности, К. С. Шаров пишет: «Это некий новояз - язык Эзопов нашей эпохи, склонной переименовывать все вещи и явления. Для чего? Чтобы не прослыть негодяем, оскорбляющим кого-то или ущемляющим чьи-то права. Раса, этнос, пол, вероисповедание, сексуальная ориентация, политические взгляды, возраст, интеллектуальные способности, физическая конституция, психотип, характер, темперамент индивида и иные его атрибуты вовлеклись в сферу господства политкорректности» [16, с. 31]. Следовательно, политкорректность затрагивает все сферы бытия субъекта, в связи с этим актуальность обращение к этому феномену как причине становления бытия языка не вызывает сомнений.

Политкорректность есть рычаг трансформации политического бытия через изменение языкового бытия. Это средство вытеснения многообразия мнений одним – политкорректным. Характеризуя механизм становления бытия языка под влиянием принципов политкорректности, Л. Г. Ионин отмечает: «Путем насильственной замены неpolitкорректных слов на политкорректные осуществляется насильственный перевод мнений и высказываний из одной системы мысли в другую, более того, из одной картины мира – в другую. Например, если в ходе выступления оратор употребит термин «чужой» по отношению к прибывшему в страну лицу

иной национальности, иной веры или иного цвета кожи, то политкорректная аудитория может прервать его восклицаниями: «Не чужой! Другой!» [6].

Из этого следует, что аудитория, остро реагирующая на неполиткорректные слова, есть дополнительный рычаг цензуры. Мнение политкорректного меньшинства, направленное против большинства, становится фактором становления языка последнего – перехода в небытие молчания. Субъекты, пребывающие в безмолвии, хотя и представляют собой численное большинство, подавлены ортодоксальным политкорректным меньшинством. Процесс формирования молчаливого большинства в результате диктатуры меньшинства немецкая исследовательница Э. Ноэль-Нойман назвала «спиралью молчания». По ее выражению: «Основанием для молчания являлась боязнь оказаться в изоляции, и эта боязнь выступает как та движущая сила, которая запускает спираль молчания» [11, с. 14].

Говорить и молчать, согласно рассуждениям Э. Ноэль-Нойман, есть категории не только естественного языка, но и искусственного языка. Знак – это тоже дискурс, бытие языка. Мыслитель пишет: «Носить значок, прикрепить символику на автомашину есть своего рода высказывание; не делать этого, даже если имеются собственные убеждения, означает отмалчивание. Демонстративно манипулировать газетой определенного направления... означает говорить; прятать ее в карман или прикрывать другой, менее красноречивой газетой... равнозначно молчанию. Говорить — это значит распространять листовки, расклеивать плакаты, пачкать и срывать плакаты. В 60-е годы длинные волосы у мужчин говорили сами за себя — это был знак, как в свое время носить джинсы — в странах Восточного блока» [11, с. 106].

Теория немецкой исследовательницы связывает молчание и становление аксиологического аспекта бытия. Э. Ноэль-Нойман утверждает: «Спираль молчания — это реакция на публичное одобрение и порицание «изменчивого небосвода ценностей» [11, с. 106]. Таким образом, молчание как переход бытия языка в небытие есть маркер изменений ценностных оснований бытия.

Становление бытия языка в молчание происходит и тогда, когда субъект не находит языковых средств выражения своего «Я»; в бытии языка нет понятий, способных выразить его мысль. Исследовательница пишет, что «человек, не находя для описания своей позиции каких-то общепринятых формулировок, замыкается в молчании, остается «немым» [11, с. 273].

В размышлениях о феномене молчания Э. Ноэль-Нойман опирается на философское наследие своих предшественников. Обращение к Платону позволяет ученому подчеркнуть мысль о том, что молчание есть реакция на невозможность изменить «неписанные законы» социального и правового

бытия. Автор полагает, что «связь между общественным мнением и вынужденным молчанием у Платона была действительно выражена... Платон не только указывает на то, что влияние общественного мнения порождает и поддерживает неписанные законы, но и уточняет, как оно воздействует на людей: общественное мнение заставляет замолчать несогласные с ним мнения, потому что никто не отваживается даже «выдохнуть» позицию, противоречащую неписаным законам» [11, с. 300]. Очевидно, что спираль молчания не соответствует идеалам демократии, в связи с этим элита должна была так обосновать диктатуру меньшинства, чтобы наименование этого явления позволило завуалировать его сущность, придать положительный смысл.

Согласно Э. Ноэль-Нойман: «Спираль молчания завершается либо закрытием темы, когда никто больше не говорит о ней, когда все решено, либо на тему налагается *табу*, например в случае неразрешенного конфликта ценностей. Это означает, что тему нельзя больше обсуждать прилюдно, ее похоронили, предали молчанию. Но можно быть уверенным: под каждым табу скрывается, клокочет вулкан — конфликт, который может снова разразиться. В начале 90-х годов в США вместо понятия «табу» утвердилось выражение с более положительной окраской — «политически корректный», что означает: на определенную тему, связанную с ценностями, можно говорить лишь определенным способом, и не иначе» [11, с. 333-334].

Таким образом, термин политкорректность есть попытка прикрыть сущность негативного явления вытеснения многообразия мнений и культивирования только одного мнения — меньшинства, элиты. Язык элиты вытесняет язык молчащего большинства. Аргументы политической и экономической верхушки в этом процессе традиционно самые благие: создание терпимого общества, интеграция в цивилизованный мир, приобщение к общечеловеческим ценностям. Идеология политкорректности позволяют элите табуировать определенные темы экономического, социального бытия, имеющие особую актуальность. Правила политкорректности дают возможность намеренно умалчивать или «приглаживать» многие исторические события, смягчать остроту социальных проблем - все то, что может задеть самолюбие различных этнических, религиозных и расовых групп. Однако на деле происходит так, что так называемые «общечеловеческие ценности», зачастую сомнительные, вытесняют традиционные ценности в небытие. Табу рождает лакуны, или пустоты, в бытии языка. Заполняющие их понятия зачастую заимствованы из бытия других языков, что усиливает зависимость исконного, национального бытия языка от бытия других языков. Так процесс становления бытия в небытие ускоряется.

Попытки элиты взять язык под контроль и регламентировать правильное обозначение элементов бытия наряду с табуированием

некоторых понятий имеет давнюю историю. Тоталитарные режимы, стремясь захватить контроль над всеми сферами бытия, в первую очередь ставили себе цель сформировать «правильную» картину мира в сознании субъектов, в достижении которой главная роль принадлежала трансформации бытия языка. Философ А. Ашкеров, рассматривая политкорректность как язык полицейского государства, пишет о том, что «в своих собственных терминах политкорректность – является альтернативной свободой слова, равносильной проявлению молчания. Или цензура, превращённая в проявление свободы слова. Или умалчивание, которое уравнивается в правах с говорением. Политкорректный язык оказывается при этом языком шпионажа, вышедшего за рамки отношений резидентур» [1].

Роль языка в политическом бытии всегда было в центре внимания философов. Основоположники диалектического материализма - К. Маркс и Ф. Энгельс - в совместной работе писали: «Впрочем, в любом современном развитом языке естественно возникшая речь возвысилась до национального языка отчасти благодаря историческому развитию языка из готового материала, как в романских и германских языках, отчасти благодаря скрещиванию и смешению наций, как в английском языке, отчасти благодаря концентрации диалектов в единый национальный язык, обусловленной экономической и политической концентрацией. Само собой разумеется, что в свое время индивиды целиком возьмут под свой контроль и этот продукт рода» [8, с. 427].

Итак, теоретики диалектического материализма утверждали, что язык должен быть взят под контроль субъектов – так станет возможным преобразование всех сфер бытия общества. Изменение языкового бытия, таким образом, есть ключ к трансформации политического, экономического и социального бытия.

Советское государство разработало свой искусственный язык, призванный воздействовать на политическое бытие государства и воспитывать гражданскую сознательность субъектов. Переименование городов, которое выдавалось за заботу об историко-культурном наследии, всегда сопровождало очередную смену курса или вождя и было продиктовано желанием элиты подчинить язык реалиям политического бытия. Выхолащивание реального содержания понятий (от семья как «семья» к семья – ячейка общества), опустошение смысла концептов и низведение их к функции политических закланий, лозунгов («Партия есть ум, честь и совесть...») есть свидетельство попыток советской политической элиты заменить естественный русский язык искусственным языком. Новояз советской эпохи как результат «языкового строительства» был обратной стороной глобальных трансформаций бытия страны.

На современном этапе политкорректность вышла за пределы политики и стала принципом всех сфер бытия субъекта. Особенно заметно

влияние искусственного языка на бытие естественного языка в социальной сфере. Так, в русском языке понятие «люди с ограниченными возможностями» заменило понятие «инвалиды». Примечательно, что в США запрещено называть инвалидов «disabled», то есть буквально «лишенные способностей», их надо называть «имеющие другие способности». Отсутствие действенной социальной политики по защите инвалидов в нашей стране маскируется изменением словесного обозначения понятия: если инвалиды поменяют свое имя, то гражданам не будет так бросаться в глаза их бедственное положение. При этом к субъектам «с ограниченными возможностями» в России можно отнести большинство населения.

Исследователи аспектов становления бытия русского языка под влиянием искусственного языка современной демократии для обозначения таких «перевертышей» используют понятия «нравственный обман», «словесное оборотничество» - эти категории точно отражают сущность происходящих изменений в бытии языка. А. Мельков считает, что необходимо бороться с нравственным обманом, который утверждается в национальном языковом бытии под видом ничем не оправданной фиксации элементов иноязычного происхождения. Это приводит к тому, что «в нашем обществе маскируются многие нравственные пороки. Через этот новояз будто скрывают свой подлинный облик, выдаются за положительные, прежде носившие в русском языке конкретную отрицательную окраску, понятия и явления. Популярны сейчас слова, как «киллер», «гей», «рэкетир», «путана», звучат вполне современно, и их окружает искусственный ореол романтики и вождя свободной. Но если подобрать эквиваленты этим понятиям в русском литературном языке, то это будут «убийца», «содомит», «вымогатель», «блудница», то есть исследователь получит конкретное лексическое значение слов, далекое от высоких нравственных идеалов цивилизованного общества. На лицо попытка легализации порока в бытии российского общества при помощи манипуляций с родным языком и родной речью, что является противоправным посягательством на культурные права граждан и их достоинство по национальному признаку» [10].

Итак, язык политкорректности трансформирует ценностный аспект бытия русского языка: негативные понятия затушевываются и приобретают привлекательность, и, наоборот, положительные понятия, необходимые для гармоничного воспроизводства общества, подвергаются осмеянию.

Появление в искусственном языке слов, призванных завуалировать подлинную сущность предметов и явлений, есть способ легализации пороков, прикрытия подлинного смысла отвратительных явлений бытия. Запрет именовать дебила дебилом, а вместо этого употреблять выражение «субъект с альтернативной одаренностью» нивелирует саму значимость

человеческого мышления, таланта и одаренности. Из этого следует, что укоренение искусственного языка не имеет никакого отношения к декларируемым правам человека и построению гармоничного общества, а есть проявление вульгарной безнравственной демократии, претендующей на изменение бытия субъектов через трансформации в бытии языка.

Отечественные исследователи единодушны в оценке влияния искусственного языка политкорректности на бытие русского языка. Согласно академику Е. П. Челышеву, совершенно неприемлемо пришедшее из американского варианта английского языка слово «киллер», в котором размыта негативная оценка, содержащаяся в русском слове «убийца». Сказать человеку «Ты убийца» - это вынести ему суровый приговор, а назвать его киллером - это как бы просто определить его профессию: «Я - дилер, ты - киллер, оба вроде делом занимаемся» [2]. Те же идеи высказывает Н. В. Новиков: «Погоня за новым, «красивым», звучным, а иногда и непонятным для «непосвященных» названием приводит к тому, что крестьянин-единоличник (говоря «простым» языком - арендатор) хочет быть только фермером, бандит-вымогатель называется не иначе, как рэкетир (можно еще звучнее - рэкетмен), а женщина легкого поведения и совсем уж необычно красиво и загадочно - путана» [3]. Следовательно, заимствование элементов бытия других языков, в данном случае, английского языка является проводником чуждой идеологии – принципов политкорректности.

В чем опасность политической/социальной корректности для сохранения традиционных ценностей и бытия языка? Национальное слово всегда конкретно в эмоционально-оценочном значении, а иноязычное «меняет его с минуса на плюс, создавая некую языковую «малину». Банды героизируются под «мафию», воры-вымогатели становятся романтическими «рэкетирами», хриstopродавцы-убийцы оборачиваются выгодными и доходными «киллерами». Беспрецедентная в мирной истории страны разруха возводится в туманно-загадочный «дефолт». Косноязычные говоруны используют варваризмы для нагнетания информационного тумана. Вот по радио нас призывают «минимизировать негативные последствия». Это в связи с подступом НАТО к порогу нашего дома, объявляя сам этот подступ, не менее кокетливо, «контрпродуктивным» [5].

Показательна афиша вышедшего на российские экраны в июне 2010 г. американского фильма «Киллеры», изображающая привлекательных смеющихся молодых людей, которые играючи вертят руках оружие. Создается впечатление, что киллеры – это обаятельные и веселые люди, и в их занятии нет ничего опасного и дурного. Таким образом, нравственный обман как подлинная сущность политкорректного языка угрожает духовному здоровью нации.

Заимствования кажутся субъектам языкового бытия более престижными, чем слова родного языка, что вытесняет последние на периферию. «Менеджер по клинингу» называет более широкое понятие и звучит более привлекательно, чем «уборщица». Если первое обозначает профессиональные, подкрепленные последними новинками техники услуги, то второе связано лишь с мытьем пола и рождает неприятные ассоциации с печальным состоянием отечественных общественных туалетов. Носители языка не всегда вдаются в тонкости значений этих понятий и используют первое как замену второго. Неприглядность социального бытия («уборщица») вызывает у говорящих на языке желание повысить ценность профессии, проявить социальную корректность и затушевать с помощью иностранного слова («менеджер по клинингу»), туманного и загадочного, неприятные ассоциации и повысить престиж.

«Бизнес» звучит солиднее, чем «предпринимательство». За фразой «у него свой бизнес» могут скрываться самые разнообразные реалии материального бытия: и многомиллионное благосостояние; и мастерская по ремонту обуви; и мелкое мошенничество; и работа в сетевом маркетинге; и посредничество сомнительного свойства. Однако сейчас политкорректно говорить «у него свой бизнес», а не «он спекулянт, перепродает товар». Политкорректны выражения «оптимизация штата», а не «увольнение сотрудников», «принуждение к миру», а не «война» и т.д. Такие «перевертыши» есть яркое свидетельство укрепления позиций искусственного языка на отечественной почве.

Из сказанного следует, что обратная сторона политкорректности – придание безобидных качеств отвратительным явлениям. Осуждение принципов политкорректности недавно прозвучало из уст высшего лица нашего государства. Растущая в Российской Федерации террористическая угроза вновь требует взять язык под контроль. 11.02.2011 г. Д. А. Медведев на заседании президиума Госсовета по проблемам межнациональных отношений, прошедшего в Уфе, призвал СМИ внимательнее следить за используемыми эпитетами и определениями, «не называть черное белым». Политический лидер подчеркнул, что, «к сожалению, в некоторые СМИ проник язык вражды» и некоторые СМИ, «может быть, не придавая этому значения, используют его, не задумываясь о последствиях, о том, как это ранит людей, которые относятся к тому или иному этносу». Согласно Д. А. Медведеву, «вообще языку надо уделять повышенное внимание». «Я иногда смотрю наши программы, там периодических проскальзывают эпитеты, которые принципиально неприемлемы, даются определения, которые чужды национально-государственному и административно-территориальному делению, используются клише из практики деятелей сепаратизма и экстремизма. Например, сообщается, что «задержан эмир такого-то джамаата». Какой эмир? Какой джамаат? Мы же с вами понимаем, что это не борцы за веру, а убийцы и бандиты...» [9]. Язык

политкорректности, или словесное оборотничество, – сильнейшее орудие в руках террористов, средство оправдания их преступлений. Словесный ряд «эмиры», «борцы за веру» используются террористами для героизации их деятельности, вовлечения новых сторонников. Таким образом, бытие языка есть арена политической борьбы, где для достижения целей субъекты наделяют одни понятия и слова большей значимостью, а другие – подвергают становлению в небытие.

Искусственный язык политкорректности создает некую виртуальную реальность, где противоречия устранены за счет вытеснения имен, их порождающих и способных вызвать социальную напряженность. Аналогии происходящих в бытии языка трансформаций с виртуальной реальностью вполне правомерны по той причине, что субъект переходит от реального, естественного языка к искусственному языку, создающего иллюзию благополучия. Эти выводы согласуются с результатами исследований Е. О. Труфановой, обратившей внимание на изменение качеств субъекта в сети Интернет, которая является прообразом виртуальной реальности. Мыслитель полагает, что сетевая идентичность является аспектом эскапизма как такой характеристики деятельности субъекта, когда он «убегает» от реального, повседневного мира в мир грез, фантазий, иллюзий. Наряду с религией, просмотром телевидения и кино, в качестве эскапизма выступают компьютерные игры и общение в Интернете [15, с. 16].

Сеть Интернет есть новая площадка становления естественного языка под воздействием искусственного языка. Субъекты сетевого общения часто прибегают к понятию *мы*, однако коллективной идентичности не возникает. По этому поводу А. Ашкеров отмечает: «Политкорректное «сетевое общество» каждого делает пропагандистом, не делая при этом гражданином. Этот эффект проявляется в постоянном «мыкании»: «мы бы», «нам бы», «куда нам» и проч. Однако речь идёт о таком «мы», которое позволяет оставаться анонимным и не создаёт никакой новой субъектности. Это дополняется сегодня принципиальной деградацией «мы»: не будучи воплощением деятельности коллективного воображения и репрезентации оно соотносится с готовыми формами массовой культуры» [1]. Очевидно, что идеология политкорректности, проникая в глобальную паутину, скорее разъединяет людей. Эти выводы согласуются с итогами научных изысканий О. А. Леонтович, которая утверждает: «Жизнь в киберпространстве – это в высшей степени индивидуализированный опыт: невозможно «бродить по просторам» Интернета вдвоем или группой. Обеспечивая доступ к огромным информационным ресурсам, облегчая общение... Интернет в то же время имеет разъединяющий эффект и приводит к дальнейшему углублению индивидуализма... работа в Интернете – это антисоциальная

деятельность... Утрачена возможность обмена опытом и впечатлениями, человеческая близость, чувство плеча» [7, с. 225].

Отсутствие «чувства плеча» приводит к становлению в языке субъектов сети понятия *мы*, его содержание трансформируется: от смыслов «чувство коллективизма», «товарищи, единомышленники, соотечественники» и т.п. происходит сдвиг к значению «мы как массовая культура, мы как все». Мы равные, мы как все – эти идеи политкорректности находят в сети свое яркое воплощение. Таким образом, становление бытия языка проявляется в нивелировании сущности концептов, низведении их до пустых понятий, заполнении содержания понятий пустыми декларациями.

Резюмируя основные положения статьи, необходимо отметить, что язык политкорректности негативно воздействует на бытие естественного языка. Искусственный язык требует, чтобы субъект отказался от своего собственного языка и мышления и стал думать с помощью готовых языковых форм, шаблонов. Многообразие языков субъектов подвергается становлению в небытие под натиском виртуального бытия единого искусственного языка.

Расширение пространства искусственного языка свидетельствует о колонизации бытия языка: субъекты добровольно соглашаются мыслить и выражаться как все. Такая обезличенная коммуникация создает ситуацию духовного молчания, небытия в бытии, когда субъекты номинально обладают свободой слова, однако выразить собственные суждения не вправе.

Искусственный язык политкорректности вытесняет исконные элементы бытия языка и заменяет их заимствованными, что усиливает зависимость бытия национального языка от бытия чужого языка. Формы перехода естественного языка в небытие в результате натиска искусственного языка многообразны: это смена понятийного аппарата, вытеснение слов на периферию языка иностранными терминами, снижение значимости элементов языка (от концепта до пустого понятия), молчание как небытие в бытии.

Литература:

1. Ашкеров А. С царём в голове. Спор о политкорректности. URL: <http://www.pergam-club.ru/book/6600> (дата обращения 2.02.2011).
2. Гетманский И. Азбука литературного творчества или от пробы пера до мастера слова. URL: <http://forum.eksmo.ru/viewtopic.php?f=112&t=19522> (дата обращения: 20.02.2010)
3. Голуб И. Б. Стилистика русского языка. URL: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook028/01/index.html?part-012.htm> (дата обращения: 20.02.2010)
4. Госдеп США по поводу отмены слов «мать» и «отец». Информационное Агентство **CNN-NEWS** по материалам: **NEWSru.com**. URL: <http://www.cnnnews.tv/2011/02/02/usa/> (дата обращения 10.02.2011).

5. Дмитровский А. З. Русский язык на пороге XXI в: URL: <http://www.voznesenie.orthodoxy.ru/speech.HTM> (дата обращения 11.05.2010).
6. Ионин Л.Г. Общество меньшинств: политкорректность в современном мире. Деятельность Центра аналитической антропологии. URL: <http://www.podoroga.com/caadelo4.html> (дата обращения 02.02.2011).
7. Леонтович О.А. Русские и американцы: парадоксы межкультурного общения: Монография. – М.: Гнозис, 2005. С. 225
8. Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2. М.: Государственное издательство политической литературы. 1955, Т.3. С.427.
9. Д. Медведев призвал СМИ внимательнее следить за используемыми эпитетами и определениями. URL: <http://www.rbc.ru/fnews.open/20110211194610.shtml> (дата обращения 12.02.2011).
10. Мельков А. О мерах по совершенствованию российского законодательства в области защиты русского языка. Выступление на Совете по государственной культурной политике при Председателе Совета Федерации «Сохранение и развитие языковой культуры: нормативно-правовой аспект» (16 октября 2009 г.). URL: <http://www.mamif.org/sf09.htm> (дата обращения 11.05. 2010).
11. Ноэль-Нойман Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания: Пер. с нем./Общ. ред. и предисл. Мансурова Н.С. — М.: Прогресс-Академия, Весь Мир, 1996. —352 с.
12. Политкорректность - диктатура меньшинств. URL: <http://www.filosofas.ru/folosof-9.html> (дата обращения 11. 01.2011).
13. ПОЛИТКОРРЕКТНОСТЬ – ОДИН ИЗ СИМПТОМОВ УСТАЛОСТИ ЗАПАДА. Григорий Померанц о нравственном облике исторической личности. Интервью с Григорием Соломоновичем Померанцем «НГ-Exlibris», № 28 от 30 июля 2009 г. URL: http://www.alexnilogov.narod.ru/sofr_rus_fil/pomeranz_politkorrektnost.html (дата обращения 11. 01.2011).
14. России нужна не политкорректность, а терпимость. **Спор о политкорректности.** Интервью заведующего сектором аналитической антропологии Института философии РАН В. А. Подороги Русскому журналу. URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Rossii-nuzhna-ne-politkorrektnost-a-terpimost> (дата обращения 2.02.2011).
15. Труфанова Е.О. Человек в лабиринте идентичностей// Вопросы философии. – 2010. - № 2. – С. 16.
16. Шаров К.С. На темной стороне политкорректности: гендерно-нейтральный новояз//Вопросы философии. – 2010. -№ 3. – С. 30-43.
17. Эпштейн М. Н. ВПЕРВЫЕ В РОССИИ ВЫБРАНЫ СЛОВО И АНТИСЛОВО ГОДА. URL: <http://www.grammar.ru/RUS/?id=1.39> (дата обращения 01.02.2011).

Категория «синтагма» в структурализме и постмодернизме

XX век в истории человеческой цивилизации стал периодом демократизации культуры и образования в том смысле, что в данные сферы, связанные с процессами познания и духовного созидания, вовлекаются широкие массы населения. Эти процессы сопровождаются активизацией технического развития, прогрессом в области информационных технологий, повышении скорости средств обработки и передачи информации на основе стандартных процедур. Всё это в совокупности создаёт онтологический базис для появления массового социокультурного познания. Данный феномен состоит и в количественном показателе, так как «за один час перед телевизором человек получает больше образов, чем в доиндустриальном обществе он получал за всю жизнь» [24], и в качественном показателе, связанным с усреднённостью, на которое ориентированы средства массовой информации. Немаловажную роль в образовании и распространении структуралистской и постмодернистской исследовательских программ сыграло разочарование философского сообщества в разуме и рациональности под влиянием мировых войн, неудачных социальных преобразований, политических экспериментов, экономических кризисов и отрицательных последствий прогрессизма.

Эти факторы в совокупности разрушали исследовательское сообщество, ранее, безусловно, разделявшее рациональные идеи объективизма или субъективизма. На этой базе формируются гносеологические установки структурализма и постмодернизма, представители которых осуществляют переосмысление догматизма, линейности, панлогизма, прогрессизма, технологизма и субъект-объектного познания на основе синтеза исследовательских программ иррационализма, ницшеанства, переработки марксизма, фрейдизма и структурализма. Как пишет П. Козловски: «Второй основной закон термодинамики, согласно которому все наши системы конечны, а тенденции упадка, декаданса оказываются более вероятными, чем тенденции стабильности, становятся доминирующим принципом постмодерна, подобно тому, как первый закон термодинамики (закон сохранения) был доминирующим принципом Нового времени, как бы ни были эти законы – с точки зрения физики – связаны между собой» [10, с. 23]. Иными словами, гносеологические принципы структурализма и постмодернизма формировались и оформлялись в XX в. на рационалистическом и иррационалистическом базисе через противоположность и противоречие гносеологическим принципам

рационализма в целом.

Как известно, структурализм - философское течение, возникшее во Франции в начале XX в. Развивая гносеологический аспект лингвистического учения Ф. Соссюра, представители данного направления основное внимание сконцентрировали на научном обосновании структуры и смены синтагм. В этом смысле французские структуралисты были значительно ближе к позитивизму и сциентизму.

Одним из основоположников данного течения являлся К. Леви-Стросс. Гносеологический аспект концепции данного исследователя опирается на понятие «структура», под которым подразумевается наличие неких всеобщих взаимосвязанных в систему элементов, присутствующих в языке, мышлении и культуре мозаичного человечества. Данная категория употреблялась философом в качестве метафорического номинатива, тождественного по смыслу категории «синтагма». По мнению К. Леви-Стросса, элементы структуры доступны для познания и не являются «вещами в себе»: «Без сомнения, никому не удалось ...описать сущностные черты системы верований и практик, представить ее костяк и заставить играть механизм его сочленений. Его (Е. Эванса-Притчарда – С. Романов) метод лучше, чем любой другой, опровергает ложное утверждение о том, что невозможно вникнуть в структуры, не поступаясь историей» [14]. Иными словами, исследователь полагал, что структура мышления (а именно исследованием взаимосвязи до логического мышления и уровня развития общества народов Африки занимался Е. Эванс-Притчард) соответствует уровню социального и культурного развития общества.

Их взаимовлияние объясняет исторические особенности развития познавательной деятельности субъекта, ориентированного на установление баланса единством и разнообразием. Осуществляя соотнесение мышления, мифологии и ритуалов как феноменов, находящихся в одном ряду и в одной степени общности, К. Леви-Стросс пришёл к убеждению, что наиболее подходящим средством исследования является выявление сочетаемости. По выражению исследователя: «Мы ведомы лингвистами: они хорошо осознают, ... что в состоянии обнаружить языковые универсалии. Но лингвисты при этом знают, что логическая система, образованная такими универсалиями, будет гораздо беднее, чем любая частная грамматика, и никогда не сможет ее заместить. Они также знают, что изучать язык вообще и отдельные существовавшие либо донныне существующие языки - дело бесконечное и что конечный набор правил никогда не исчерпает общих свойств этих языков. Когда универсалии будут постигнуты, они выступают в качестве открытых структур: всегда можно будет пополнить, расширить либо скорректировать прежние

определения» [15]. Иными словами, по мнению исследователя, формально-логические и диалектические построения схематичны и не способны отразить логику самой жизни, обусловленную открытостью многообразия универсалий и феноменов.

В связи с этим К. Леви-Стросс предлагал использовать метод «инвертации». Суть данного метода сводилась к анализу горизонтальной сочетаемости феноменов языка, культуры, быта и др. аспектов существования, проживающих по соседству народов X и Y для реконструкции их происхождения. Синтагматичность составляла горизонтальную линию – «универсалию», совпадающую в обоих племенах. Отклонение от неё отдельных феноменов – инвертация, в рамках однонаправленного развития соседних племён X и Y рассматривалась в качестве аномалии, требовавшей дополнительного соотнесения с племенем Z. В зависимости от совпадения аномалии, делался вывод о заимствовании элемента жизнедеятельности или происхождении. Как писал исследователь: «Когда версия мифа содержит деталь, кажущуюся аномальной, следует спросить себя, не противоречит ли эта версия другой, которая обычно отстоит от нее не так далеко. Термины отклоняющаяся и нормальная здесь следует понимать относительно. Версия, выбранная для соотнесения, будет называться «прямой», и относительно нее другие окажутся «инвертированными»... В данном случае «прямую» версию легко локализовать. Она обнаруживается среди чилкотин, живущих в части, удаленной от моря, к востоку от гор побережья. Но они были хорошо знакомы с белла-белла и часто навещали их по ту сторону гор. Несомненно, их языки различались, язык чилкотин принадлежит семейству атапасков. Во всем остальном чилкотин были сходны с племенами побережья, от которых они заимствовали многие черты своей социальной организации» [15].

Благодаря диалектической связи между сочетающимися предметами, исследователь имеет возможность осуществлять мысленный переход от менее изученной предметной области А к более исследованной предметной области Б, парадигматический анализ видоизменения в которой позволит выявить общие закономерности вертикальной трансформации. По выражению К. Леви-Стросса: «Я всего лишь очертил диалектическую связь между двумя мифами соседних племен... Однако этого достаточно, чтобы продемонстрировать, что существуют правила, позволяющие трансформировать один миф в другой, и что эти сложные правила все же вняты... Мы не изобретаем их по ходу анализа. Они, так сказать, выделены из мифов» [15].

Правильная классификация, согласно К. Леви-Строссу, имеет «матричную» структуру, в рамках которой предметная область

соотнесения разделена на вертикальные и горизонтальные оси. При систематизации эмпирических сведений в рамках системы координат расширение области данных происходит по горизонтали и вертикали. Данный процесс исследователь назвал «референцией». По выражению К. Леви-Стросса: «Опосредствующий классификатор (и, с этой точки зрения, наиболее рентабельный и наиболее часто используемый) - уровень видов может расширять свою сеть вверх, то есть в направлении к элементам, категориям, и сжимать ее вниз, в направлении к именам собственным... каждая система определяется посредством референции к двум осям, горизонтальной и вертикальной, которые соответствуют до определенного момента сосюрсовскому различению между синтагматическими и ассоциативными отношениями» [13, с. 230].

Образующиеся посредством ассоциативных отношений системы понятий, по мнению К. Леви-Стросса, выходят за пределы философских и научных категорий. Это связано с тем, что метафоризация и метонимия в мышлении не соответствует ограниченному категориальному аппарату, основанному на латыни. Его использование приводит к утрате смыслового содержания. Таким образом, формируются пустые номинативы, не имеющие гносеологической ценности. По выражению мыслителя: «Связь между именем собственным и названием вида не случайна. Она держится на том факте, что выражение типа *Brassica gara* оказывается двояко «вне дискурса»: поскольку оно происходит из научного языка и ввиду того, что составлено из латинских слов. Поэтому оно с трудом входит в синтагматическую цепочку; на первый план выступает его парадигматический характер. К тому же, как раз по причине парадигматической роли имен собственных в системе знаков, внешней для системы языка, включение их в синтагматическую цепочку ощутимо ломает ее непрерывность» [13, с. 273].

Помимо метафор и метонимии, К. Леви-Стросс выделил в особую группу - символы. В системе синтагматических и парадигматических отношений они занимают особое место. Необходимость переосмысления этого элемента и феномена познания было обусловлено тем, что данное явление более проблематичный предмет сравнения и соотнесения. Символические системы, по мнению К. Леви-Стросса, крайне сложны для идентификации по сравнению с метафорами и метонимиями, связанными традитивно (посредством переноса) с конкретными понятийными образами и классами однородных предметов. По выражению исследователя: «Переход от сознательного к бессознательному сопровождается восхождением от частного к общему. Следовательно, в этнологии, как и в лингвистике, не обобщение основывается на сравнении, а, напротив, сравнение на

обобщении. Если, как мы полагаем, бессознательная умственная деятельность состоит в наделении содержания формой и если эти формы в основном одинаковы для всех типов мышления, древнего и современного, первобытного и цивилизованного... - как это блестяще раскрывается при исследовании символической функции в том виде, как она выражается в языке» [16, с. 31]. Иными словами, исследователь пришёл к выводу о том, что синтагматические принципы познания ориентированы на анализ символов, из которых состоит знаковая информационная система общества.

Рассматривая символы в качестве универсалий, которые переносятся в процессе коммуникации и присутствуют в мышлении и речи в качестве концептов, К. Леви-Стросс пришёл к выводу о том, что ассоциативные «символы могут быть гомогенными (степень сходства, однородности – С. Романов): так, мы встречаемся с противопоставлением лета и зимы, земли и воды,... Однако иногда наблюдается отличная символика, где противопоставление выражается логически гетерогенными терминами: устойчивость и изменчивость, состояние (или действие) и процесс, бытие и становление, синхрония и диахрония, простое и двойственное, однозначный и двусмысленный; все эти формы оппозиций можно, видимо, свести к противопоставлению непрерывности и прерывистости» [16, с. 160]. Иными словами, ассоциативность гомогенных и гетерогенных символов приводит к образованию сходств и различий.

Развитие синтагматического анализа обнаруживается в концепции М. Фуко. По его мнению, целью структурализма являлось «выявление логики порождения, строения и функционирования сложных объектов человеческой духовной культуры» [20]. При этом основное внимание исследователей должно было быть сконцентрировано на анализе отношений между элементами синхронных синтагматических структур. Выступая с критикой парадигматического метода изучения «диахронных изменений, инвариантов преобразований», М. Фуко исходил из того, что познание должно осуществляться в категориях сходства. В связи с этим исследователь выделил четыре основных фигуры подобия.

Первая фигура, согласно М. Фуко, образуется в результате установления синтагматической близости предметов из различных предметных областей. Как писал исследователь: «Пригнанными» являются такие вещи, которые, сближаясь, оказываются в соседстве друг с другом. Они соприкасаются краями, их грани соединяются друг с другом, и конец одной вещи обозначает начало другой. Благодаря этому происходит передача движения, воздействий, страстей, да и свойств от вещи к вещи. Таким образом, на сочленениях вещей возникают черты сходства» [21, с. 55]. Иными словами, по мнению

М. Фуко, не существует изолированных предметных областей. Даже самые удалённые друг от друга вещи могут находиться в горизонтальном взаимодействии и оказывать взаимовлияние. При этом ключевым фактором их взаимодействия при тождественности хронологии существования является географическое пространство. По выражению исследователя: «Пригнанность (*convenientia*) - это сходство, связанное с пространством, отношением «ближнего к ближнему», выражающее соединение и слаженность вещей. Именно поэтому она в меньшей степени принадлежит самим вещам, чем миру, в котором они находятся. Мир - это всеобщая «пригнанность» вещей» [21, с. 55]. Иными словами, М. Фуко отрицал существование не совместимых или несоизмеримых предметов, не поддающихся синтагматическому сближению и взаимодействию.

Второй фигурой сходства исследователь считал агональность предметов познания. Исследователь связывал данный феномен с тем, что, утратив соседство и непосредственное взаимодействие, вещи самостоятельно образуют сходные свойства и признаки, в которых соперничают между собой. Важнейшей особенностью данной фигуры является то, что предметы не взаимодействуют непосредственно. Их могут разделять огромные географические пространства, но, несмотря на это, они приобретают сходные свойства и признаки, в которых могут соперничать друг с другом. Как писал М. Фуко: «Соперничество (*aemulatio*), вид соответствия, свободного от ограничений, налагаемых местом, неподвижного и действующего на расстоянии. Здесь имеется в виду... звенья цепи, разлетевшиеся далеко друг от друга, воспроизводили бы свои замкнутые очертания согласно сходству, без всякого контакта между собой. В соперничестве есть что-то от отражения в зеркале: посредством соперничества вещи, рассеянные в мире, вступают между собой в переключку. Издавна человеческое лицо соперничает с небом... Благодаря этому отношению соперничества вещи, находящиеся в разных концах Вселенной, могут уподобляться друг другу без их сцепления и сближения» [21, с. 56]. При удвоении сходных свойств и признаков, считал М. Фуко, мир преодолевает большие географические пространства. Данный феномен, по мнению исследователя, основан на эффекте репликации похожести в форме отражения.

В качестве третьей фигуры схожести М. Фуко выделял аналогию как сочетание пригнанности и соперничества. В отличие от античного, средневекового и позитивистского понимания данной категории (анalogии), исследователь указывал на обратимость и поливалентность как универсальность и разнообразие возможностей, возникающих при её использовании. Как писал М. Фуко: «Эта обратимость, как и эта поливалентность, дает аналогии широкое поле применения.

Посредством аналогии могут сближаться любые фигуры мира. Тем не менее, в этом изборожденном во всех направлениях пространстве существует особая точка. Она насыщена аналогиями (причем каждая из них может найти здесь одну из своих точек опоры), и, проходя через нее, отношения обращаются, не изменяясь» [21, с. 58]. В результате аналогии элементы различных предметных областей преодолевают географические пространства и обретают сходные признаки вне зависимости от воли и предпочтений познающего субъекта.

В качестве четвёртой фигуры М. Фуко называл симпатию и антипатию. Данным понятием исследователь метафорически обозначал причины взаимопритяжения предметов из различных областей. Как полагал мыслитель: «Симпатия - начало подвижности: она притягивает тяжелые тела к тяжести земли, а легкие тела увлекает в невесомый эфир; она направляет корни растений к воде, заставляет поворачиваться вслед за солнцем большой желтый цветок подсолнуха. Более того, связывая вещи видимым внешним движением, симпатия втайне вызывает в них движение внутреннее - перемещение качеств, сменяющих друг друга» [21, с. 60]. Рассматривая «симпатию» в качестве первопричины всякого движения в направлении сближения и взаимопроникновения, М. Фуко указывал на отсутствие фатальности данного феномена. По выражению мыслителя: «Никакой путь не предопределен заранее, никакое расстояние не предположено, никакая последовательность не предписана. Симпатия свободно действует в глубинах мира» [21, с. 60].

Антипатия как феномен противоположный и уравнивающий симпатию, не позволяет превратить реальность в хаотический синтез, единство или тождество. В гносеологическом аспекте она необходима для сохранения предмета познания. Как писал М. Фуко: «Симпатия скомпенсирована парной ей фигурой - антипатией. Антипатия сохраняет вещи в их изоляции друг от друга и препятствует их уподоблению; она замыкает каждый вид в его стойком отличии и в его стремлении к самосохранению» [21, с. 61].

Таким образом, система познавательной деятельности в рамках синтагмы, согласно М. Фуко, не имеет строго определённых методов и основана на горизонтальном продуктивном соотношении и сравнении предметов и процессов, принадлежащих к разным предметным областям. Строго говоря, само понятие «разные предметные области», лежащее в основе парадигматического анализа в рамках формальной и диалектической логики, отрицается в категориях «пригнанность, соперничество, аналогия и симпатия». Данные фигуры бытия позволяют осуществлять познание на основе подобия, совместимости, сравнимости, соизмеримости и совпадения.

Примерно аналогичную точку зрения развивал Ж. Лакан. В рамках психоаналитического подхода исследователь исходил из феномена обозначаемого понятием «перенос», или транзакция, как процесс, связывающий реальное, воображаемое и символическое. Как писал философ: «Кто из нас не знает по опыту, что как только анализ вступает на путь переноса - и это как раз лучший признак, что он на этот путь действительно вступил - каждый сон пациента интерпретируется как провокация, скрытое признание или отвлекающий маневр во взаимоотношениях с аналитическим дискурсом, и что в ходе анализа сны все больше и больше сводятся в своих функциях к элементам реализующегося в нем диалога?» [11, с. 38].

Исходя из диалогического intersубъективного характера познавательной деятельности, исследователь пришёл к выводу, что не только субъект в процессе познания переносит свои представления и предпочтения на предмет, последний, приспособляясь к внешнему воздействию, изменяет характер своего воздействия на гносеологического субъекта, так возникает «контрперенос». В связи с этим появляется ложное восприятие объекта, предвзятость и, как следствие, заблуждение. Как писал исследователь: «Тайна эта разъясняется в феноменологии субъекта по мере того, как субъект конституируется в процессе поиска истины. Достаточно обратиться к традиционным данным, которые буддизм - да и не он один - может нам предоставить, чтобы узнать в этой форме переноса свойственное всякому существованию заблуждение, принимающее, как тот же буддизм подтвердит, три облика: любви, ненависти, невежества. Поэтому эквивалентность их в том, что первоначально именуется положительным переносом, мы будем считать возникающим в анализе встречным эффектом, где каждый из них объясняется в экзистенциальном аспекте двумя другими (если третий, как это обычно бывает, ввиду его близости к субъекту, не опускается)» [11, с. 78].

На этом основании Ж. Лакан утверждал, что анализ содержания таких сложных предметов как символы, метафоры и метонимии, не может осуществляться через исследование смысла, заключённых в них самих, на что ориентирует парадигматическая исследовательская программа. В связи с этим на передний план в концепции данного исследователя выдвигается горизонтальное синтагматическое соотношение. По выражению исследователя: «Соотноситься с самим собою означающее, как известно, не может - означающее имеет то свойство, что неспособно, не порождая ошибок в логике, означать самое себя. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к тем антиномиям, которые возникли немедленно, как только попытались математики дать своему предмету последовательное формально-

логическое обоснование... А происходит, как легче всего заметить, то, что одно означающее заступает место другого означающего, создавая, тем самым, эффект метафоры» [12, с. 267].

Анализируя в данном контексте гносеологический потенциал символов и метафор, Ж. Лакан указывал на то, что синтагматическое познание не сводится лишь к анализу соотношения внешней формы и содержания, исследование которой происходит в рамках диалектики. Оно ориентировано на осмысление распада существа, на бытие и подобие. Как писал мыслитель: «Порядок вещей не сводится к диалектическим отношениям между поверхностью, с одной стороны, и тем, что лежит за нею, с другой. Мы исходим из факта наличия чего-то такого, что вносит в бытие существа раскол, раздвоение, расщепление, к которому существо это, уже в природном мире, вынуждено приспособляться» [12, с. 118]. В этом смысле Ж. Лакан выступал с критикой метода З. Фрейда как парадигматического образца, указывая на то, что в процессе психоаналитической практики основоположник психоанализа неоднократно произвольно рассматривал пациентов в качестве объектов исследования и, тем самым, навязывал им определённые идеи, к которым они приспособлялись.

При этом информация в области бессознательного рассматривается Ж. Лаканом в качестве «своеобразного языка», символически организованного и структурированного на тех же принципах, что и естественные языки. Исследователь в нем выделял сферу означающих и означаемых, понятия и высказывания, парадигмы и синтагмы, законы метафорического переноса и метонимического смещения и т. д.

Критические высказывания по отношению к парадигматическому методу познания высказывал и Р. Барт. По его мнению, формализация статуса образца за каким-либо проведением или высказыванием обусловлена, неспособностью гносеологического субъекта, воспринять собственную индивидуальность. По этой причине в эпистемологии возникает эффект конкретизации и интерпретации, сущность которых состоит в стремлении присвоения произведения-образца через наделение его каким-нибудь одним интенциональным смыслом - согласия или не согласия. Как писал исследователь: «Теперь символическая ситуация изменилась на противоположную: молодая женщина попадает в активное поле... Эта новая парадигма, придающая молодой женщине кастрирующую функцию, мало-помалу наберет силу вплоть до того, что вовлечет в свою структуру и самого рассказчика, который утратит преимущество перед молодой женщиной (...) и, инвертировав свою символическую роль, вскоре окажется в пассивной позиции подчиненного субъекта» [1, с. 79-80]. Таким образом, в

рамках антитезы на психологических основаниях возникает новая парадигма эпохи.

Раскрывая смысл категории «парадигма», Р. Барт указывал на то, что её парадигматическая предметная область состоит из конечного числа элементов, связанных между собой. Их связь обусловлена отношением соподчинения, генетического родства или общности признаков. По выражению Р. Барта: «Парадигма - это по возможности минимальное множество объектов (единиц), откуда мы запрашиваем такой объект или единицу, которые хотим наделить актуальным смыслом. Парадигматический объект характеризуется тем, что он связан с другими объектами своего класса отношением сходства или несходства: две единицы одной парадигмы должны иметь некоторое сходство для того, чтобы могло стать совершенно очевидным различие между ними» [5].

Исходным основанием для критического отношения Р. Барта к парадигмам была специфическая трактовка самой гносеологии. Исследователь исходил из того, что целью познания в рамках структурализма «является воссоздание объекта таким образом, чтобы в подобной реконструкции обнаружились правила функционирования (функции) этого объекта» [5]. Иными словами, Р. Барт отождествлял гносеологию с моделированием, отражающим сущность и структуру предмета, ускользающих от поверхностного понимания. Моделирование в его трактовке представляет собой последовательный анализ и синтез. Как писал мыслитель: «Модель предмета выявляет нечто такое, что оставалось невидимым, или, если угодно, не интеллигибельным, в самом моделируемом предмете... Модель - это интеллект, приплюсованный к предмету, и такой добавок имеет антропологическую значимость в том смысле, что он оказывается самим человеком, его историей, его ситуацией, его свободой и даже тем сопротивлением, которое природа оказывает его разуму» [5].

При этом модели отождествляются Р. Бартом с синтагмами. Исследователь полагал, что их возникновение связано с репликацией и разделением на сходные части. По выражению мыслителя: «Я мог любоваться пляской живых существ! Пляска мертвецов (№ 8) некогда представляла собой стереотип, застывшую синтагму. Здесь эта синтагма разделяется надвое и дает начало новой синтагме (пляска живых существ)... в пляске мертвецов смысл обладает нераздельным единством, ибо является продуктом некоего кодифицированного знания - истории Искусств... в пляске живых существ каждое слово, сохраняя свое словарное значение, просто примыкает к соседнему слову. Такая несогласованность, напоминающая своего рода страбизм, как раз и порождает игру слов, построенную по модели Антитезы (формы, символическое значение которой нам уже известно): общий

ствол (пляска) разделяется на две противопоставленные синтагмы (мертвецы/живые существа)» [1, с. 49]. Иными словами, образование новой синтагмы из имеющейся происходит через метонимию, тем самым достигается преодоление парадигматического отношения.

Важным аспектом гносеологической исследовательской программы постмодернизма XX в. является преодоление ограниченности парадигматической программы философии. Последняя опиралась на доказательность (эмпирическую и логическую), истинность (абсолютную и относительную), атеизм, эволюционизм и т. д. в рамках вертикальной систематизации элементов бытия. При этом мир разделялся на несравнимые и несоизмеримые предметные области, противопоставляемые друг другу.

Гносеологическая концепция постмодернизма в последние годы начала рассматриваться как качественно новая ступень развития познания. В исследовательском сообществе обнаружилась тенденция осмысления бытия в соотнесении с ценностями и нормами предыдущих эпох под девизом «Конец запретам». В связи с этим принципы, формы и методы гносеологии, отвергнутые ранее как ненаучные, противоречащие логике и здравому смыслу начали подвергаться ревизии. Объясняя данную тенденцию, современный американский ученый-теолог Томас К. Оден писал: «Человек постмодернистской эпохи уже ощутил на себе все «прелести» модернизма. Поэтому он начинает искать истину вне эпохи модернизма, не удовлетворяясь, естественно, и шкалой ценностей, предложенных новым временем. Увязнув в зыбких песках модернизма, постмодернистское сознание пытается выбраться на твёрдую почву» [18, с. 58].

Важным в данном случае является не то, что Томас К. Оден ориентирует исследователей на религиозное мировоззрение, а то, что преодоление ограниченности парадигматического подхода модернизма от эпохи Нового времени до современности видится в реконструкции, переосмыслении и реабилитации отвергнутых достижений предыдущих поколений философов. Как пишет П. Козловски: «Абсолютное господство разума и прогресса оказывается неудавшейся программой модерна, постмодерн проявляет духовные и религиозные признаки» [10, с. 31]. Современные способы познания наряду с мифом, мистикой и эзотерикой оказывают огромное влияние на новую формирующуюся синтагму познания, которая характеризуется в современных условиях открытостью и многозначностью.

В этом смысле наиболее показательным является творчество У. Эко. По его мнению, парадигматика должна быть привязана к синтагматике. В противном случае процесс познания как творчества превращается в наборы предметных областей, не связанных друг с

другом. Будучи оторванными от внешней среды, они оказываются совершенно не жизнеспособными. Как писал исследователь: «Если считать конститутивные знаки словами... то складывается парадоксальная ситуация, при которой архитектор, располагая парадигмой, не знает, как привязать ее к оси синтагматики. Имеется некий словарь и, стало быть, логика, но грамматику и синтаксис надо еще создать. И очень похоже на то, что архитектура сама по себе не в состоянии снабдить его искомыми правилами» [23, с. 27-28]. Иными словами, в процессе формирующейся в рамках закрытого исследовательского сообщества исследовательской программы образуется категориальный аппарат, не имеющий смысловой горизонтальной связи с понятийным набором в других областях. Установление подобных горизонтальных синтагматических отношений У. Эко связывает с коммуникативными конвенциями. По выражению мыслителя: «Семиология изучает коды как феномены культуры и - независимо от той верифицируемой реальности, к которой эти знаки относятся, - призвана исследовать то, как внутри некоего социального организма устанавливаются правила соответствия означающих и означаемых (...), а также правила артикуляции элементов на парадигматической оси. Из этого не следует, что референта «вообще нет», но только то, что им занимаются другие науки (физика, биология и др.), в то время как изучение знаковых систем может и должно осуществляться в универсуме культурных конвенций, регулирующих коммуникативный обмен» [23, с. 246]. Данный процесс философ связывал с установлением структурных аналогий, подобных тем, которые проводил Уотс между дзэном и деятельностью Л. Витгенштейна [23, с. 258].

Ошибочность парадигматической абсолютизации, выявленных закономерностей бытия и познания У. Эко связывает с тем, что исследователю в полном объеме не доступен предмет во всей совокупности его взаимосвязей. По этой причине возникает феномен фрагментарности человеческого знания об элементарных вещах, окружающих гносеологического субъекта. По выражению мыслителя: «Неполное познание системы является существенным компонентом её описания, и что данные, которые мы получили в различных экспериментальных условиях, не могут содержаться в едином образе, но должны рассматриваться как взаимодополняющие в том смысле, что только вся полнота явлений исчерпывает возможность информации об объектах» [22, с. 53]. Иными словами, отрицая универсальность результатов конкретного исследования и рассмотрения какой-либо концепции в качестве парадигматического образца, всесторонне объясняющего предмет или тем более область, философ указывает на то, что на современном этапе гносеологическая

синтагма формируется из взаимодополняющих частных и единичных знаний.

В этом смысле она представляет собой «открытый процесс», противопоставляемый закрытой парадигме, или системе. Как пишет У. Эко: «Само познание обладает всеми признаками того, что мы называли бы открытым процессом. Субъект проходит через ряд предположений и попыток, направляемых опытом, которые приводят не к статичным и изначальным формам,... а к подвижным обратимым структурам» [22, с. 152-152]. Таким образом, гносеологическую ценность приобретают не только «правильные» направления познания, но и ложные, от которых познающий субъект в любой момент может вернуться к исходным основаниям. В этом состоит принцип прямой и обратной аналогии, в рамках которой отрицаются готовые истины и интерпретации или, в категориях Л. Фидлера, «великие сказания» [19, с. 462].

Примерно аналогичную точку зрения высказал Ж.-Ф. Лиотар. По его мнению, человеческие знания изначально производились и производятся как товар, для того чтобы осуществлять торговлю или обмен. По этой причине «старый принцип, по которому получение знания неотделимо от формирования (...) разума и даже от самой личности, устаревает и будет выходить из употребления. Такое отношение поставщиков и пользователей знания к самому знанию стремится, и будет стремиться перенять форму отношения, которое производители и потребители товаров имеют с этими последними, т. е. стоимостную форму» [17, с. 18]. Иными словами, мыслитель отрицает идеалы рациональности, в рамках которых истинное знание образуется в результате самоотречения исследователей, деятельности ради общего блага, познания как формы бытия познающего субъекта или самоцели.

Данное положение Ж.-Ф. Лиотара опирается на критику парадигмы развития научного знания. Исследователь указывает на то, что банальность любой гипотезы остаётся такой до тех пор, пока она не ставит под сомнение господствующую парадигму научного и технического прогресса. По выражению философа: «Гипотеза банальна. Но она такова только в той мере, в какой не подвергает пересмотру общую парадигму прогресса наук и технологий, который вызывает, казалось бы, совершенно естественно, экономический рост и развитие социо-политической мощи. Можно при этом допускать, как нечто само собой разумеющееся, что научное и техническое знание накапливается, и, кроме того, спорить о форме такого накопления: одни его воображают упорядоченным, непрерывным и равномерным, другие - периодическим, прорывным и конфликтным» [17, с. 26]. Иначе говоря, исследователь связывал научные и философские парадигмы с легитимацией социально-политических установок,

исходящих от элиты. Критикуя концепцию парадигмального накопления знания, Ж.-Ф. Лиотар утверждал, что идея прогресса опирается на консенсус как символ законности и порядка. Как писал исследователь: «Имя героя - народ, - знак легитимности его консенсуса, способ нормативной регуляции обсуждения. Из этого неизбежно вытекает идея прогресса: он представляет собой ничто иное, как движение, в котором якобы аккумулируется знание, но это движение распространяется на новый социо-политический субъект. Народ спорит сам с собой о том, что справедливо, а что нет, точно так же, как сообщество ученых о том, что истинно, а что ложно. Первый накапливает гражданские законы так же, как второе - научные; первый совершенствует правила своего консенсуса через посредство конституционных положений так же, как второе пересматривает их в свете своих знаний, производя при этом новые «парадигмы» [17, с. 77]. Таким образом, социально-политические воззрения и экономические интересы проникают в науку. Классические идеалы, ориентировавшие на выявление единой и абсолютной истины, выработку однозначных образцов познания, постепенно уступают своё место многозначности, гипотетичности, неоднозначности и индетерминизма.

Данные принципы познания оказываются допустимыми и вписываются в современную картину мира. Вместо догм, теория познания предлагает многообразие решений, карнавальность, разнообразие выбора, которые обеспечиваются уровнем развития информационных технологий. Иными словами, постмодернизм ассоциируется с широким кругом явлений в различных областях культуры XX в. в искусстве, философии, науке, политике, что придаёт его определению обширность, многогранность, эклектичность. Однако в целом такая полифония определений влечёт за собой этимологическую неопределённость. Подчеркивая проблемность данного понятия, О. Б. Вайнштейн с долей иронии писал, что «под вывеской постмодернизма можно не только ставить спектакли и писать стихи, но и печь блины, носить экстравагантные костюмы, заниматься любовью и ссориться, а также зачислять себе в предшественники любых понравившихся авторов из пантеона мировой культуры» [6, с. 3].

По этой причине на передний план синтагматического познания выступает исследование вопроса: как это сделано или как это образовалось? В качестве противовеса классическим проблемам: как, почему и зачем? Внимание исследователей переключается с исследования бытия на проблемы символа, знака, языка и структуропорождающей деятельности, перехода от знания к пониманию, то есть от познания мира к «понимающему микроанализу» его многочисленных явлений, трактуемому как единство чувственного

и рационального и учитывающему контекстуальные трансформации. Как писал Ж.-Ф. Лиотар: «Представление, которое можно вынести из этих (и многих других) исследований, состоит в том, что преимущество непрерывной производной функции как парадигмы познания и прогноза находится на пути к исчезновению» [17, с. 142-143]. При этом происходит отказ от поиска универсального, всеобщего начала и увлечение игрой частностями, растворение субъекта в коллективе, отождествление самосознания субъекта с суммой текстов.

Примерно аналогичной точки зрения придерживался Ж. Делез. По его мнению, язык является средством описания действительности, слова не заслоняют действительность, а репрезентируют её. При этом символы и образы, т. е. информация, представляют собой единственную реальность, с которой мы имеем дело. По этой причине «место познания занимает некое ироническое состязание, искусство столкновения, лежащее вне знания и мнения» [8, с. 335]. Познающий субъект разглядывает окружающую действительность через своеобразную «дымку» слов, наоборот, язык - это единственная реальность, которая ему доступна. В этом состоит прямая и обратная аналогия отношений между языком и познанием. По выражению Ж. Делеза: «Светский знак возникает в качестве заместителя действия или мысли. Он занимает место действия или мысли... узурпирует мнимую ценность своего смысла» [9, с. 31].

Именно с подобной подменой знаковой системой интеллектуализма Ж. Делез связывал безумное развитие прогресса. По его мнению, общество образуется вокруг норм, имеющих силу закона. Появление этих нормативов значительно опережает освоение природы. По этой причине «закон обладает силой еще до того, как известен объект его приложения, и даже притом, что этот объект, возможно, никогда не будет познан. Именно такое не равновесие делает возможными революции. Дело вовсе не в том, что революции вызываются техническим прогрессом. Их возможность определена этим межсерийным зазором - зазором, провоцирующим перестройку экономического и политического целого в соответствии с положением дел в тех или иных областях технического прогресса» [8, с. 75]. Иными словами, согласно Ж. Делезу, революционная смена исследовательских программ, с одной стороны, возникает в результате оторванности технического прогресса от социального, в опережающем развитии машин по отношению к человеку.

С другой стороны, само мировоззрение общества несёт в себе идею периодических революций, которые реализуются в периоды напряжённости. Как писал исследователь: «Революционность живет в зазоре, который отделяет технический прогресс от социального целого и который вписывает сюда свою мечту о перманентной

революции. А значит, эта мечта и есть само действие, сама реальность; это реальная угроза всякому установившемуся порядку. Она принимает за осуществимое наяву все то, о чем грезит» [8, с. 75]. И так, «революция» рассматривалась Ж. Делезом в качестве концепта общества, то есть понятия и феномена мышления, имеющего большое социальное и культурное значение и управляющего процессами.

При этом сама революция как концепт, определяющая смену парадигм развития познания и общества, существует в системе не парадигмальных, а синтагматических отношений. Как полагал Ж. Делез, концепты не могут быть упорядочены по вертикали, так как они строго индивидуальны. Согласно мыслителю: «Концепт имеет характер не парадигматический, а синтагматический, не проективный, а конвективный, не иерархический, а окольно-проселочный, не референтный, а консистентный. Отсюда с необходимостью следует, что философия, наука и искусство не организуются более как разные уровни одной и той же проекции и даже не различаются как порождения общей матрицы, но полагаются и восстанавливаются непосредственно во взаимной независимости друг от друга, в разделении труда, требующем между ними отношений сочленения» [7, с. 119]. Данное отношение предполагает, что у них есть области пересечения, которые Ж. Делез называл «мостами». Они характеризуют внутреннее содержание и служат для сочленения между разными концептами.

Оригинальное смысловое развитие категории «синтагма» обнаруживается в концепции Ж. Бодрийяра. По его мнению, стимулом для возникновения и развития синтагматического подхода являлось ниспровержение парадигматического подхода, который исследователь отождествлял с диалектикой и прогрессизмом. По выражению мыслителя: «Конец диалектики означающего/означаемого, делавшей возможным накопление знания и смысла, линейную синтагму кумулятивного дискурса... Конец линейного измерения дискурса. Конец линейного измерения товара. Конец классической эры знака». Конец эры производства. Всеми этому кладет конец не Революция. Это делает сам капитал. Именно он отменяет детерминированность общества способом производства. Именно он замещает рыночную форму структурной формой ценности. А уже ею регулируется вся нынешняя стратегия системы» [3, с. 55]. Иными словами, смена исследовательских программ, переход от парадигматического подхода к синтагматическому и постсинтагматическому обусловлена экономическими факторами разрушения системы прогрессивного развития на основе деятельности познающего субъекта.

Тотальность предписаний, по которым живёт современный человек, приводит к исчезновению личности, превращению человека

в элемент трудового процесса и социальной сети. Особенностью их функционирования является отсутствие какой-либо определённой направленности или разметки. Как писал Ж. Бодрийяр: «Это подвижная, поливалентная, прерывистая структура интеграции, безразличная к какой бы то ни было цели, даже и к труду в его классическом операторном понимании, занятая лишь тем, чтобы поместить каждого в социальную сеть, где ничто не направлено ни к чему, кроме имманентности самой этой операциональной разметки, которая безразлично служит как парадигмой, склоняющей всех индивидов относительно одного общего корня, так и синтагмой, соединяющей их посредством бесконечной комбинаторики» [3, с. 63].

Главная реальность бытия познания состоит в репликации образцов, приводящей к бессмысленности всякой деятельности. Массовость того, что ранее именовалось идеалами, уничтожает не только парадигмальность, но и синтагматичность благодаря бесконечному образованию подобий. Подробность на основе серийности не предполагает совместности. Согласно Ж. Бодрийяру: «Здесь отменяется не только синтагматическое измерение, по заодно и парадигматическое, потому что вместо видоизменения форм или даже внутреннего самоотражения имеет место простая соположенность одинакового, и флексивность, и рефлексивность равны нулю. Как сестры-близнецы на эротической фотографии: плотская реальность их тел обращается в ничто их подобием» [3, с. 151].

В связи с этим возникает деконструкция реальности (в значении разложения), которая становится наиболее очевидной в рамках парадигматического развития познания. Его факторами становятся закрытость, линейность и серийность. Как полагал исследователь: «Деконструкция реальности на ее детали - замкнутое в себе парадигматическое склонение объекта по падежам, сплюснутость, линейность и серийность частичных объектов» [3, с. 151]. Несмотря на то, что мельчайшие парадигмы продолжают возникать, их смысловое значение и статус уже утрачен. Ключевое значение приобретает не развитие, на которое были ориентированы парадигмы, а неререфлексируемое функционирование. По выражению Ж. Бодрийяра: «Циркуляция стилей и форм, смена моды заменяют проблему оправдания и обоснования, которая раньше соотносила изменения в искусстве с изменениями социально-культурных парадигм, ломкой мировоззрения и самопонимания человека» [2, с. 24]. Данный процесс связан с тем, что парадигмы превратились в своеобразные «эмблемы серии» [4, с. 103], в которых качественность идёт через количественность. Отличия, возникающие в серии, не противоречат общему, а существуют в рамках единообразия общей эмблемы.

Гносеологическая «смерть» парадигм сопровождается

аналогичным процессом и в области синтагм, превращающихся в тавтологию и дискурс (в значении «пустая болтовня»). При этом утрачивается смысл высказываний и их познания. Как писал Ж. Бодрийяр: «Синтагмы не объясняют, не предлагают смыслов, они, следовательно, не истинны и не ложны. Они их заменяют без разговоров индикативом, который является повторяющимся императивом. И эта тавтология дискурса, как в магическом слове, направлена на ввод тавтологического повторения через событие» [5].

За всем этим стоит процесс превращения науки, философии и всех других видов деятельности в средство торговли и обмена в мире вещей и потребностей. Этот процесс настолько динамичен, что в нём невозможно определить то, в чём общество действительно нуждается. Потребление становится новой парадигмой общества, определяющей, в том числе и познание. По выражению мыслителя: «Мир вещей и потребностей, таким образом, подобен распространившейся истерии. Как все органы и функции тела становятся при превращении гигантской парадигмой, которая отклоняет симптом, так объекты в потреблении становятся обширной парадигмой» [5]. Так формируется псевдобытие, определяющее псевдопознание самого этого неподлинного бытия.

В связи с этим возникает замкнутый круг. Его сущность состоит в том, что общество начинает ориентироваться на модели-образцы, которые воспроизводятся и дробятся на серии. Восприятие данного явления как легитимного приводит к тому, что само общество становится парадигмальным. Согласно Ж. Бодрийяру: «Когда серийность, действуя как таблица склонения или спряжения, делает все строение общества парадигматичным... движение, которым, казалось бы, охвачена вся система, развивающаяся по кривой технического прогресса, не мешает ей оставаться фиксированной и внутренне устойчивой. Все течет, все меняется у нас на глазах, все обретает новый облик, и, однако, перемен ни в чем нет. Подобное общество, увлекаемое технологическим прогрессом, совершает грандиозные перевороты, но все они сводятся к повороту вокруг своей оси. Рост производства в нем не выливается ни в какую структурную переменную» [4, с. 170]. Иными словами, общество и познание имитируют развитие, а на самом деле топчутся на одном и том же месте. В связи с этим научные революции становятся имитациями, не приносящими ожидаемого результата.

Таким образом, подводя итоги, можно заключить, что генезис категории «синтагма» как лингвистического, а затем гносеологического понятия происходил совместно с термином «парадигма». Синтагма представляет собой особую систему знаний, подход и концепцию, построенную из разнородных по своему

происхождению подсистем, объединяемых для решения определенного комплекса задач, весьма сложных, неоднородных и не поддающихся решению на основе какой-либо одной или нескольких научных дисциплин.

Образование синтагм происходит не путем сближения различных дисциплин, а путем выделения из них определенных блоков результатов, достижений, методов, которые затем как бы нанизываются на определенный проблемный спектр и используются для решения специфического, нестандартного комплекса задач. Этот комплекс и необходимые для его решения знания могут получить свое особое название. Необходимые для образования синтагмы знания чрезвычайно разнородны и в рамках традиционных подходов, с точки зрения парадигматического подхода, не могли бы быть соизмеримы и совместимы, взаимодействовать и объединяться вместе. Синтагмы представляют собой системы знаний с открытой архитектурой, не привязанной к каким-либо базовым принципам. Познание в рамках синтагматического подхода осуществляется в горизонтальной плоскости.

Логика исследования подчинена логике жизни. Фрагментарность знания о предмете в рамках системного осмысления компенсируется пополняемостью и совместимостью. Концепции, складывающиеся как синтагмы, приобретают все большее значение и им, вероятно, будет принадлежать центральное место в обозримом будущем. Проблемный метод организации знаний, при котором разнородные знания, методы и сообщества специалистов группируются не по дисциплинам и окостеневшим парадигмам, а по динамичным, быстро сменяющимся и преобразующимся синтагмам, станет, по всей видимости, новой доминирующей формой развития познания.

Литература:

1. Барт Р. S/Z. - М.: Эдиториал УРСС, 2001. - 232 с.
2. Бодрийяр Ж. Америка. - СПб.: Владимир Даль, 2000. - 210 с.
3. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. - М.: «Добросвет», 2000. - 387 с.
4. Бодрийяр Ж. Система вещей. - М.: РУДОМИНО, 2001. - 220 с.
5. Бодрийяр Ж. Общество потребления. М. Республика, 2006. URL : <http://lib.rus.ec/b/153916/read> (дата обращения: 19.10.2010).
6. Вайнштейн О. Б. Постмодернизм: история или язык? // Вопросы философии. - 1993. - № 3. - С. 3-7.
7. Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? - СПб.: Алетейя, 1998. - 160 с.
8. Делез Ж. Логика смысла. Фуко М. THEATRUM PHILOSOPHICUM. - М.: Раритет, 1998. - 480 с.
9. Делез Ж. Марсель Пруст и знаки. - СПб.: Алетейя, 1999. - 190 с.

10. Козловски П. Культура постмодерна: Общественно-культурные последствия технического развития. - М.: Республика, 1997. – 238 с.
11. Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. Доклад на Римском Конгрессе, прочитанный в Институте психологии Римского университета 26 и 27 сентября 1953 г. - М.: Гнозис, 1995. – 100 с.
12. Лакан Ж. Четыре основных понятия психоанализа (Семинары: Книга XI (1964)). - М.: Гнозис, 2004. – 304 с.
13. Леви-Стросс К. Первобытное мышление. - М.: Республика, 1994. – 384 с.
14. Леви-Стросс К. Отношения симметрии между ритуалами и мифами соседних народов. URL : <http://www.philosophy.ru/library/lc/myth.html> (дата обращения 12.05.2010)
15. Леви-Стросс К. Структурализм и экология URL : <http://www.philosophy.ru/library/lc/eco.html> (дата обращения 2.05.2010)
16. Леви-Стросс К. Структурная антропология. - М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. – 512 с.
17. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. - М.: Алетейя, 1998. – 160 с.
18. Оден Т. К. После модернизма. Что впереди? - Минск : Родник, 2003. - 239 с.
19. Фидлер Л. Пересекайте границы, засыпайте рвы // Современная западная культурология: самоубийство дискурса. - М.: Гнозис, 1993. - С. 462–518
20. Фуко М. Слова и вещи. URL : <http://lib.ru/CULTURE/FUKO/weshi.txt> (дата обращения 10.08.2010)
21. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. - СПб.: А-сад, 1994. – 406 с.
22. Эко У. Открытое произведение: Форма и неопределённость в современной поэтике. - СПб.: Академический проект, 2004. - 384 с.
23. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. – 432 с.
24. Fiske J. Postmodernism and Television, in Curran, Jams and Gurevitch, Michael // Media and Society. London: Edward Arnold, 1991. - 354 p.

*Хазиев В.С.
Хазиева Е.В.
Уфа*

Философия науки, научная философия и философия как наука **§ 1. Эмпирическая и теоретическая история философии.**

Философия – это наука или нечто другое? Если не наука, то, что она есть по существу и чем она является? Есть множество различных вариантов ответа на любой из этих вопросов и подвопросов. Например, отрицающие статус философии как науки, предлагают такие варианты:

"тип деятельности", "форма (или тип) мировоззрения наряду с мифологией, религией, искусством", "философия – это философия" и т.д.

В какую бы эпоху не шли эти дискуссии, спорящие понимали под "философией" соответствующий своему историческому времени уровень ее развития. "Философия вообще" почему-то отождествлялась с тем ее состоянием, которого она достигла ко времени жизни участников дискуссии. Хотя при этом ссылались на высказывания предшественников, однако упорно продолжали рассматривать философию как нечто константное, выпавшее из исторического процесса, раз и навсегда данное [1].

Есть эмпирическая "история философии", где по хронологии выстроены в ряд даты, имена, названия произведений. А есть (должна быть!) теоретическая "история философии", где речь идет о том, что происходит с "философией вообще" как социальным феноменом на векторе времени с момента возникновения и до сегодняшнего дня. То есть речь о том, как изменяется философствование само как философствование. Если очевидны изменения материального и духовного содержания истории человечества, если "все течет и все меняется", то нелепо было бы считать, что в философии меняются только варианты философских концепций, а сама философия (или само философствование как социально-культурное явление) остается неизменной в течение почти трехтысячелетней своей истории. Даже наука за короткий срок своего существования (300-400 лет) успела стать "классической", "неклассической", "постнеклассической". Неужели философия осталась все той же философией, что была тысячелетия назад?!. Еще раз подчеркну: речь не о конкретных концепциях или группе однородных, смежных, схожих и т.д. учениях (материализм, идеализм, деизм, пантеизм, исихазм, экзистенциализм, прагматизм, позитивизм и т.д. и т.д.), которые как бы есть разновидности философствования на одной и той же плоскости. Речь идет об изменении статуса философии (философствования) на вертикальном векторе истории: изменилась ли философия как философия за истекшие века сама, а не о том, обогатилась ли философия новыми концепциями. Здесь речь не о содержании предмета философствования, а о самом философствовании. Теоретическая "история философии" – это метаистория философии, или логика истории философии (логическая история философии). Как увидеть в чередѣ философских дат, имен и произведений, не просто ряд накапливаемых новаций, а некую историческую логику развития философии как социального института? Что стало с философией – одним из элементов культуры человечества – за ее почти трехтысячелетнюю историю? Изменилась ли она только **ЭКСТЕНСИВНО** (количественно стала богаче) или же изменилась **и ИНТЕНСИВНО** (стала качественно иной)?

История философии, на наш взгляд, не только ряд новых и новых философских концепций, а историческое изменение (становление,

развитие) самой философии безотносительно к частным, единичным, оригинальным, конкретным учениям отдельных великих мыслителей.

Можно ли говорить об историческом изменении характера философствования, качественном изменении самой философии как философии? История философии сводится лишь к количественному накоплению философских учений или есть и качественно изменение самого философствования как таковой?

Когда мы в дальнейшем изложении будем говорить о становлении философии как науки и будем ссылаться на "историю философии", то будем иметь в виду именно метаисторию философии, т.е. метафизическую историю философии, теоретическую историю философии, а не депо замечательных философских концепций, выстроенных в хронологический ряд. Эмпирическая констелляция фактурных материалов – это тоже история, за которой силой абстрактного мышления нужно уловить субстанциональную историю, или теоретическую историю философии. В последнем случае речь идет о развитии не эмпирического, фактурного содержания философии, а ее сущности. Такова наша начальная методологическая диспозиция анализа того, что произошло с философией за период ее существования. Такова проблема.

§ 2. Э. Гуссерль о философии как науке.

Э.Гуссерль пишет: "С самого момента своего возникновения философия выступила с притязанием быть строгой наукой... Это притязание выступало то с большей, то с меньшей энергией, но никогда не исчезало..."

Ни в одну эпоху своего развития философия не могла соответствовать притязанию быть строгой наукой. Так обстоит дело и с последней эпохой... Правда, господствующей чертой новой философии является стремление вместо наивного следования философскому влечению, наоборот, конституироваться в строгую науку, пройдя сквозь горнило критической рефлексии и углубляя все дальше и дальше исследования о методе... Между тем философия, даже в особом, только теперь дифференцирующемся смысле, лишена, как и прежде, характера строгой науки"[2]. Все это можно было сказать намного проще: философия всегда пыталась и пытается стать наукой, но тщетно. Все ее усилия пока впустую. И далее Гуссерль предлагает свой вариант понимания, что значит, философии быть наукой. "Для этого и надо обратиться к огромной неизведанной сфере чистых феноменов сознания и сосредоточить свое внимание на смысловой связи сознания и предметов мира" [3]. И далее продолжает: "Я не говорю, что философия – несовершенная наука, я говорю просто, что она еще вовсе не наука, что в качестве науки она еще не начиналась, и за масштаб беру при этом хотя бы самую маленькую долю объективного обоснованного научного содержания" [4].

Путь превращения философии в науку Гуссерль видит в поиске нового предмета философии. И предлагает в качестве такового "чистые феномены сознания, где обнаружатся смысловые связи сознания и предметов мира". Разумеется, что наука начинается с предмета. С предмета начинается пространство познания, которое углубляет, расширяет, просветляет, а порой не только уточняет, но и меняет этот предмет.

Безусловно, позитивным является мысль Э. Гуссерля о том, что философия так же, как и все социальные феномены, претерпевает (должна) исторические изменения. И изменения эти связаны с деятельностью людей, в данном случае философов. Вторая положительная, на наш взгляд, мысль, отмеченная Гуссерлем, – философия изменяется в направлении, ведущей ее к тому, чтобы стать наукой. Третья верная мысль, имплицитно присутствующая в рассуждениях Гуссерля – различение понятий "философия как наука" и "научная философия". Гуссерль создает свою философию, которая, по его мнению, будет наукой наряду с другими науками, причем непохожая на них, а не пытается подгонять, загонять, подчистить, приспособить философию под стандарты (поиск эмпирических фактов, их гносеологическая обработка, экспериментальная проверка и т.д.) естественных и гуманитарных наук своего времени, как это стремились делать позитивисты. Гуссерль сознательно занимает антипозитивистскую позицию и строит свою философию как антитезу позитивистской программе превращения философии в науку. Четвертая мысль Гуссерля, которая нам импонирует больше всего, четкая позиция, что философия как наука служит (должна) фундаментом естественных и гуманитарных наук, которые, чтобы быть наукой сами должны опираться на философию как науку. Частично согласны мы и с положением Гуссерля, что философия "в качестве науки... еще не начиналась", даже после замечательных трудов самого Гуссерля. По нашему мнению, Гуссерль, намеревавшийся помочь философии стать наукой, создал еще одну оригинальную философскую концепцию, т.е. принес в эмпирическую историю философии новый элемент, удлинил эту историю на один шаг, на один "кирпичик".

Остальные мысли великого мыслителя об этом процессе превращения философии в науку не просто не приемлемы для нас, а с нашей точки зрения совершенно ошибочны. Во-первых, хотя история философии создается усилиями философов, она, история философии, имеет свою объективную логику развития. Философия становится (должна) наукой не потому, что философы так решили и, дружно взявшись за дело, превратили любимую философию в науку, а такова историческая логика ее развития согласно сущности, предмету и статусу философии в обществе (культуре). Во-вторых, философия становится наукой не потому, что появляется концепция, которая обращает внимание "на чистые феномены сознания" и сосредотачивается "на смысловых связях сознания

и предметов мира", добавление которой к прежней эмпирической истории философии делает философию наукой, а потому, что вместе с историческим обогащением культуры человечества "дозревает" то содержание самой философии, которое в период ее возникновения было лишь слабым ростком. Философия с самого начала своего существования содержала потенцию стать наукой, но не в том смысле, которое вкладывают в понятие "наука" естественные и гуманитарные науки, возникшие в лоне философии в Новое время. О чем подробно и конкретно будет речь ниже.

§ 3. Об одной часто забываемой специфике философии.

Философия возникает как особый тип постижения мира, особый тип деятельности. Особенность ее была в призыве познавать не только "фюзисную" (эмпирическую) сторону мироздания и его элементов в природе, обществе и телесно-духовной жизни человека, но и "метафюзисную" (теоретическую). Познавать не только чувственно доступную, но и умопостигаемую сторону бытия. Второй частью особенности философии, которую зачастую почему-то игнорируют, был призыв постигать мир не только рационально (сознательно, рассудочно, интеллектуально, разумно, когнитивно, ментально – какие могут быть еще другие синонимичные термины!), но и всеми иррациональными способами. Например, эзотерическая традиция, восходящая корнями, вероятно, к пифагорейцам и Эмпедоклу, имеет такую же долгую историю, как и вся философская традиция. Почти трехтысячелетняя эмпирическая история философии свидетельствует, что обе стороны особенности философского постижения мира – рациональная и иррациональная – активно разрабатывались и развивались [5]. Присутствие иррациональной составляющей на начальных этапах развития философии большинством историков философии, особенно в нашей стране, рассматривается как отголоски и пережиток не до конца преодоленного мифологического мировоззрения. В такой трактовке, бесспорно, есть доля правды. Иррациональный момент так же, как и рациональный, должен иметь свои предпосылки и корни. Одним из таких корней и может считаться мифологическое мировоззрение, предшествовавшее философии.

И к рубежу XXI века тележка философии, слегка нагруженная три тысячи лет назад, пришла даже не в виде нагруженного доверху воза или возища, а длиннющего эшелона, в составе которого огромные перегруженные вагоны с натурфилософией, материализмом, натурализмом, идеализмом, спиритуализмом, дуализмом, пантеизмом, деизмом, монизмом, эклектицизмом, скептицизмом, номинализмом, реализмом, эмпиризмом, исихазмом, рационализмом, экзистенциализмом, прагматизмом, иррационализмом, эмпириокритицизмом, космизмом, персонализмом, постмодернизмом и т.д. и т.д.

И чего только нет! Даже поименно перечислить всех великих и не очень великих философов, вероятно, практически невозможно. Кого только нет в этом диапазоне! От умалишенных по доброй воле и до гениев!

Но главное, на что я хотел бы обратить внимание, – это то, что за эти века не только накопилось огромное количество самых разных, порой диаметрально противоречащих друг другу, философских концепций, но незаметно, имплицитно, под мозаикой эмпирического многообразия, существенно изменилась сама философия (философствование). Об этом и идет у нас речь, когда мы говорим о теоретической истории философии.

§ 4. Два определения и понимания науки.

Философия – это наука или нечто другое? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно сначала дать дефиницию, что такое наука, а потом начать сравнивать философию с этим формально-логическим определением. Если характеристики философию совпадут с принятым определением науки, то, следовательно, философия есть наука. Даже если большинство признаков совпадут, то можно тоже считать философию наукой, ну пусть с некоторыми оговорками. Схема ясна. И, видимо, более лучшего подхода и нет. Но есть риск. Помня, что любое формальное определение всегда недостаточное и в определенной степени условное, можно опасаться того, что придирки к дефиниции могут увести анализ и дискуссию в дебри бесконечных мелких элементов и деталей, скрыв суть вопроса и ответа на него.

Поэтому композиционной хитростью изложения мог бы быть отказ от формально-логической дефиниции в пользу описательных пояснений и разъяснений.

Но, волков бояться – в лес не ходить, критиков бояться – вообще молчать и ничего не писать и не говорить. Поэтому попробуем сбалансировано использовать оба способа: и формально-логические определения, и описания.

Начнем с формальной дефиниции науки, больше соответствующей трактовке науки современным естествознанием и гуманитарными науками. **Наука – это социальный институт по творческому производству, накоплению, переработке, хранению и распространению истинных знаний о мире (материальном и духовном) людьми или их коллективами.** Ясно, что данное определение недостаточное. Но с чего-то нужно начинать. В дальнейшем оно будет корректироваться, и конкретизироваться, уточняться и обогащаться. Можно, конечно, сейчас глубоко погрузиться в выяснение того, что есть творчество, и уйти и забыть о текущем, рассматриваемом вопросе. Также не просты и другие категории определения науки, и особенно – "истина". Но все потом, сейчас они лишь детали. Важные, даже существенные, нужные, но детали. Поэтому оставим их в стороне, как лежащих на периферии, на обочине нашего главного, магистрального рассуждения о том, является ли

философия наукой. Если "да", то, что это за наука и где ее место в системе (или толпе?) наук, понимаемых в вышесказанном смысле?

Представители современной науки среди основных критериев научности выделяют: признание вне человека существующего мира, его познаваемость, совокупность научных методов (наблюдение, измерение, сравнение, обобщение, абстрагирование, идеализация, аналогии, анализ и синтез, индукция и дедукция, моделирование, хронологические и логические методы и т.д.), экспериментальная проверяемость, объективность, необходимость и причинность связей познаваемого, устойчивость, повторяемость, безличность (не субъективность) и т.д. В силу того, что многие категории философии этим стандартам и критериям не соответствуют, возникают сомнения в научном статусе философии.

Кто-то из великих мыслителей сказал, что правильно сформулированная проблема, облегчает ее решение. В нашем случае, как нам представляется, сама проблема понята и сформулирована неверно. Вышеприведенное определение науки, в лучшем случае, можно было бы назвать "узким" пониманием науки, чтобы сразу не употреблять строгие категории "ошибочное" или "ложное". Как мы увидим далее, то, что подразумевают современные естественные и гуманитарные науки под термином "наука", это вовсе не наука в полном, истинном и точном значении этого понятия. Скорее всего, тут речь идет о технологии рационального постижения (освоения) мира. То, что понимается современной наукой под "наукой" – это лишь техническая (технологическая) процедура познания мира, а не наука. Наука в точном смысле как социальный феномен обязательно должна включать и содержать в себе как самую сокровенную суть человека во всей полноте его бытия (телесного, сенсорного, экстрасенсорного, интеллектуального, подсознательного, бессознательного и, если таковые есть, божественного и сатанинского). Не дошедшая до человека и не включившего в себя человека как основную фундаментальную часть наука не есть наука; абстрагировавшаяся от человека наука не есть наука; не учитывающая бытие человека наука не есть наука; не включающая в себя ценности человеческого бытия наука не есть наука. Каждый шаг науки должен быть неразрывно связан с проблемой земного и вечного счастья человека. Бесполезная, тем более, опасная и вредная для человека наука не есть наука, а есть лишь процедура выявления объективных, необходимых, причинно-следственных, устойчивых, повторяющихся, экспериментально проверяемых связей объективных и субъективных предметов познания. **Наука как форма проявления абсолюта через человека (можно сказать иначе: "наука как форма реализации человека в масштабах абсолюта")** есть нечто совсем иное, чем то, что представляют себе современные узкопрофессиональные ученые.

Резюмируем сказанное. Мы будем говорить о науке в двух смыслах: "узком" и "истинном". Узкое понимание науки – это ее трактовка современными естественными и гуманитарными науками. Истинное понимание науки – это ее трактовка с позиции теоретической философии [6].

§ 5. Наука в узком смысле и ее отношения с философией.

Когда-то говорили о том, что философия – это наука всех наук, вкладывая в это выражение два смысла.

Во-первых, что философия – это мать всех наук, что научно-рациональное мышление выросло и отделилось от первой стороны особенности философии как типа деятельности: рационального постижения мира. Отметим сразу один момент. В этой позиции, с которой мало кто спорит, есть один малозаметный на первый взгляд подтекст, остающийся почти всегда нерелексируемым, то есть неосознаваемым, не оговариваемым. Философия как тип деятельности по рациональному и иррациональному постижению мира лишь тогда порождает и может породить научно-рациональное постижение мира, когда сама достигнет определенного уровня зрелости. Философии надо было самой развиваться, расти, усиливаться, совершенствоваться, чтобы стать способной породить научную (в современном смысле слова "наука") рациональность. Проще сказать, философии надо было самой достигнуть определенного уровня зрелости, чтобы стать матерью такого социального феномена как наука в узком и широком смысле этого слова. Человек, не достигший уровня половой зрелости, не может стать отцом или матерью, хотя каждый от рождения имеет пол. Так и в нашем случае. Хотя философия с момента своего рождения есть тип деятельности по рациональному и иррациональному постижению мира, нужно ей дозреть, достичь определенного уровня зрелости, чтобы мочь родить науку в узком и истинном смысле. Знаем, что у философии на то, что породить науку в узком смысле ушло более двух тысяч лет, если считать от Фалеса до Бэкона и Декарта.

Во-вторых, философия остается для науки нянькой, которая водит ее за руку. И чем быстрее растет и набирает силу дитё, тем быстрее и сильнее кажется ей обузой эта опека матери. Тем чаще вызывает раздражение у науки вмешательство в ее дела матери-философии. Вмешательство, которое все чаще, как кажется науке (представителям науки, ученым), некомпетентное и неверное, сплошь и рядом второстепенное, малополезное, а порой даже (примеры времен гонений на кибернетику и генетику) откровенно вредное. Отношения в семье всегда бывают не простые, а порой даже конфликтные. Ничего удивительного во взаимных упреках и в непонимании друг друга между философией и наукой в этом отношении нет.

И философии в этой ситуации остается делать то же, что делают все родители – обиженно бубнить с грустью о "неблагодарных детях", понимая краешком сознания, что надо признать того очевидного факта, что ребенок, то есть наука, в этой сфере, где он специализируется, где он и "спец" и "профи", превзошел (и намного!) свою прародительницу, давшее ей эти самые гены "рационального постижения мира". Но только и только в этой части – в рациональном постижении мира. Это не просто факт, а факт исторически очевидный. Признавая это, следует признать и не забыть и другое. Ребенок стал таким не сразу. Когда, он был еще мал и слаб, он еще хватался за руки матери-философии. Триста, двести и даже сто лет назад названия работ ученых пестрели заголовками типа "философские начала", "натуральная философия", "философия зоологии", "философия оптики" и т.д. Сами исследования минералов, растений, животных, звезд и прочих объектов познания называли философией, то есть считалось философским занятием, философствованием, философским типом деятельности.

Но что делать! Ничто не вечно. Все течет, все меняется. Слабый при рождении ребенок растет, крепнет, набирается сил и уже не хочет, чтобы его за руку водили родители. Он хочет самостоятельности. И ладно бы только это... Он начинает грубить и оскорблять, как он считает, отживших свое и одряхлевших родителей, которые, с его точки зрения, уже ни на что не пригодны. Наука заявляет, что она теперь "сама себе философия". Даже, если философия когда-то и имела отношение к ее появлению, то теперь все кардинально изменилось. Старая философия никому не нужна со своим допотопным "рациональным и иррациональным постижением мира". Что она, наука, стыдясь наступившего научного (в научной и якобы зрелой трактовки науки) бессилия философии, создаст новую философию, теперь уже истинно научную в современном смысле понимания сути науки как социального института и элемента культуры. Создаст философию по своему образу и подобию.

Отвлечемся на философскую метафору. В этом замысле науки уже видна противоестественная суть этого намерения. Дети не могут родить себе родителей, даже если они им совсем не нравятся. Так уж устроен мир. Могут чего угодно соорудить, сконструировать, создать и т.д., но родить родителей дети не могут. Это не только противоестественно, но и невозможно. Оказывать самое разнообразное обратное влияние на родителей – да, но создать – никогда! Исторические потугу создать "чисто научную", у которой уже не будет "метафизических" довесков, абстракций и выдумок, окончились безуспешно. Что-то получилось. Возможно, для науки в узком смысле даже очень полезное, но это вовсе не философия. Философии, состоящей из "атомарных высказываний", доступных эмпирическому и экспериментальному подтверждению, подобно тому, как это осуществляется в естественных и во множестве социально-

гуманитарных наука, не получилось. Проект был ясен, хотя и жесток. Помню, как когда-то моя младшая трехлетняя дочь говорила про свою девяностолетнюю и самозабвенно ее любившую прабабушку: "Она некрасивая, как баба-Яга, я ее не люблю!" Дети бывают не только неблагодарны, но порой глупые до невозможности и жестоки. Хорошо еще, что дочь, когда подросла и окрепла умишком благодаря трогательной заботе и усилиям "бабушки старенькой", как все мы ее звали, не вознамерилась, подобно глупой науке, переделать прародительницу по своему образу и подобию, что было бы равносильно попытке убийству.

§ 6. Рождение философии науки.

Чем закончилась такая позитивистская "реконструкция" философии, мы уже знаем. Убить не убили, но изуродовали почти до неузнаваемости. Косметологи науки в философии не преуспели, хотя внесли немалый вклад в развитие самой науки в узком ее смысле, в том числе ее специальной области – "методологии науки", где начали прощупывать глубинные связи генетических и субстанциональных (сущностных) корней науки с философией. И что-то очень важное, подсознательное и интуитивно улавливаемое мерещилось и брезжило в этих поисках построить строго научную (в узком смысле) философию. У плохих родителей могут вырасти хорошие дети. Из ложных посылок иногда получаются истинные следствия. Из обреченного изначально на неудачу попытки превратить философию в науку в узком смысле, выхолостив из философии все, кроме рационального постижения (освоения) мира, появился побочный продукт. Неожиданно, но не случайно. Философия, над которой кощунственно экспериментировала наука, подсказала науке, на что надо обратить внимание, чтобы понять свою ошибку. Так родилась "философия науки". Очень интересная дисциплина, призванная объяснить науке, что она есть в данный момент, и что она должна была быть по рождению и должна быть по истине в будущем.

§ 7. Философия минус наука равняется – что?

Что же исторически вышло в недрах философии из второго аспекта особенности философии – иррационального постижения мира? Чем стала сама философия как философия (как тип рационального и иррационального постижения мира)?

Что породила первая сторона, мы видели – науку в узком процессуальном смысле, которая, став предельно рациональной, доведя до предела рациональное постижение мира, стала критиковать философскую рациональность как недостаточную, половинчатую, не до конца рациональную и т.д. и т.д. Как раз это событие и представляет для нас в данной статье главный интерес.

Что же стало со вторым аспектом философии – иррациональным постижением мира – мы пока (удивляясь этой традиции игнорировать в определениях философии этот аспект ее сути) оставим в стороне. Но

вернемся к этому интересному вопросу чуть позже обязательно и покажем на примере работы Холтона обязательную необходимость учитывать эту сторону сути философии. Пока наметим лишь схему. Если, как считает А.Ф.Лосев, люди могут понять мир лишь как свои реальные общественные отношения [7], поэтому мифологическое мировоззрение было отражением родовых отношений, а философское мировоззрение при рождении было отражением рабовладельческих (точнее, государственно-полисных) отношений, то применительно к нашей теме, это методология подсказывает вариант ответа. В Новое время возникают (зарождаются) товаро-денежные отношения как основные доминантные отношения общества. Товар и деньги представляют собой, если верить К. Марксу, форму отчужденных сущностных сил человека. Товар и деньги превращаются в некую самостоятельную систему, якобы совершенно независимую от человека и его бытия ("сущностных сил"). Этот социальный механизм эпохи наложил свой аналогичный отпечаток и на отношения науки в узком смысле и философии. Наука, выделившись из философии, стала считать себя самостоятельной системой, не имеющей отношения к породившей ее философии. Вместе с ушедшим на фоне всеобщего товарно-денежного фетишизма на второй план человеком, на фоне науке ушла на второй план и вторая сторона специфики предмета философии – иррациональное постижение (освоение) мира. Точнее, это сфера тоже выпала из философии в отдельную общественную систему (институт) – религию, которая, как и наука, объявила себя самостоятельной и тоже претендовала на "переделку" философии, как устаревшей, несовершенной и т.д. Попытки создать строго религиозную философию известны, поэтому нет необходимости более детально нам на этом сейчас останавливаться. Человек со своими иррациональными аспектами бытия ушел из поля зрения науки и попал в сферу религии.

Религия и наука взяли и абсолютизировали каждая одну из сторон специфики философского постижения (освоения) мира. И каждая развивала свою сторону быстрее, эффективнее, глубже, фундаментальнее, не обращая внимания на то, что происходит с другой стороной. Им это было безразлично. Разорванный (отчужденный) социальный мир, разорвал и философию, и человека.

§ 8. Мнимый разрыв философии и науки (развестись, чтобы сойтись).

Мы выяснили, что через двадцать столетий с момента возникновения, философия, накопившая не только огромное количество разнообразных концепций, но и качественно изменившаяся сама как рациональный и иррациональный тип деятельности по постижению мира, стала способной породить науку, на первых порах ее существования очень и очень похожую на философию. Точнее, этот ребенок философии был

похож не на всю философию, а только на одну сторону ее особенности – "на рациональное постижение мира".

Ген, переданный философией науке, оказался очень динамичным, экспансивным, доминантным. Наука не просто стала на ноги, она стала навязывать свои стандарты братьям и сестрам, т.е. другим наукам и типам деятельности. И ладно бы "научная педагогика", "научная психология", "научный атеизм", "научная медицина", "научный коммунизм", "научная кулинария", "научный дизайн" и т.д. – все-таки в чем-то близкие типы деятельности в части рациональной оставляющей. Но ведь уже говорят и о "научной музыке", "научной живописи", "научной архитектуре", "научной теологии" (почему же нет, если есть "научный атеизм"?!); "научные свахи" вовсю работают, обещая счастливую любовь и семью, – все это мелькает не только в газетах, но и в серьезных (научных) изданиях. Дело дошло до безобразия: а именно – до "научной философии", где прилагательное "научная" трактуется в узко научном, специально-профессиональном смысле, как полное выхолащивание из философии всей не только иррациональной, но и всей метафизической составляющей. Похоже на предложение приделать телеге фюзеляж и крылья, чтобы считать ее средством передвижения по воздуху, или убрать с телеги все старое "тележное", чтобы она стала подводной лодкой.

Сказанное выше требует двух уточнений. Во-первых, необходимо выяснить саму субстанцию науки, т.е. ее сущность. Наука ведь тоже исторична. Она меняется, как и все в этом мире, в том числе и философия. Наука также меняется количественно, эмпирически как накопление новых теорий (знаний). Но она меняется и качественно, внутренне, метаисторически как элемент культуры, как социальный институт. Наука не только делает свою историю, но и пишет (рефлексирует) ее. Наука пытается научно классифицировать исторические этапы своего развития. Можно считать уже устоявшейся деление истории науки на классический, неклассический и постнеклассический этапы. Такое деление как раз и есть взгляд на историю науки с метаисторической позиции, или метаисторического ракурса, явно отличающийся от рассмотрения истории науки как последовательного хронологического ряда научных открытий и дат жизни ученых. Без натяжек видно, что наука развивается в направлении превращения в... философию. Это превращение можно рассматривать и как "исправление искривлений в истории развития науки", и как "возврат истинной изначальной сути", и как "истинную зрелость", и как "гуманизацию науки", и как "включение в процедуру рационального постижение мира человека и его не только рациональных, но и иррациональных сторон бытия и ценностей", и как "конвергенцию философии и науки на новом этапе их развития".

Прежняя попытка создать "научную философию" была попыткой внешнего, эмпирического, количественного характера и порядка. О

внутренней стороне сближения (может, даже стоит говорить именно о "конвергенции") науки и философии, речи при таком подходе нет. А нас сейчас интересует именно этот момент.

Во-вторых, философия, породив в XVI-XVII вв. науку, не исчезла и не умерла как тип деятельности по рациональному и иррациональному постижению мира. Она продолжала жить и развиваться как во внешнем (количественном, хронологическом, эмпирическом плане) плане как ряд имен и теорий, так и в теоретическом (метафизическом, метаисторическом, субстанциональном) плане. Философия, дозрев до состояния, когда смогла породить науку, не перестала существовать. Более того, (мы настойчиво отстаиваем, и будем аргументировать эту точку зрения) этот уровень не является вершиной в развитии философии, после которой начинается ее старение, упадок, деградация. Философия – не реликт элемента культуры, не исторический анахронизм, не рудимент прошлого могущества человеческого познания, не атавизм, ожидающий своего полного отмирания! Философия находится на взлете, на подъеме, в состоянии прогрессивного развития, набирает силу, приобретает черты зрелости, еще весьма далекие от пика, тем более от упадка, нисхождения и деградации. Новое время, разделившие философию и науку, является, на наш взгляд, лишь линией старта философии и науки к новому слиянию, но уже в новом состоянии обеих, на новом уровне развития обеих, на новом этапе их общей истории, которая, хотя и уходила на второй план, но никогда не разрывалась. Их общая история скреплена абсолютом, его развитием. Об этом и будет речь далее.

§9. Постановка вопроса о субстанциональной (сущностной) истории философии.

Рассмотрим теоретический аспект истории философии (метаисторию философии) с момента порождения ею науки, т.е. с XVI-XVII вв. Если историю философии с XVI-XVII вв. во внешнем плане мы знаем достаточно хорошо: знаем имена, даты, произведения, то субстанциональная история философии до сего дня остается "terra incognita". Но ведь качественная (субстанциональная) история философии, начавшаяся с первых же ее шагов, хоть медленнее, чем эмпирическая история, но продолжалась и продолжается.

Философия жила и изменялась до возникновения науки. Это и объясняет, почему наука отделилась от философии именно в Новое время, а не раньше. Нужно было философии "дозреть" до такого социального (культурного) уровня внутреннего совершенства, чтобы мочь породить науку как чисто рациональное постижение (освоение) мира. Философия продолжает изменяться и развиваться также рядом с изменяющейся наукой, как родители продолжают жить рядом с растущими детьми.

Философия продолжала свою судьбу не только рядом со стартовавшей наукой. Вообще мир меняется. И прежде всего социальный

во всем аспекте его материальной и духовной культуры. Философия развивается в составе общечеловеческой культуры, в составе истории человечества, в составе развития земной социальной материи, в составе бытия вообще, в составе абсолюта.

Наш главный вопрос прост. Что случилось с философией за эти последние триста-четырееста лет, после того, как она родила науку, в плане ее субстанциональной истории? Изменилась ли философия как философия, как особый тип деятельности по рациональному и иррациональному постижению (освоению) мира общественным человеком?

Наш ответ будет прост и сложен одновременно.

Философия становилась наукой в истинно человеческом (гуманитарном, социальном, культурном) смысле понятия "наука". А параллельно наука тоже накапливала и развивала в себе философскую составляющую, чтобы стать истинной наукой в человеческом, социальном, культурном, гуманистическом смысле.

Поясним подробнее сказанное, но предварительно одна ремарка.

§ 10. Дж. Холтон об "антинауке"

В мае 1991 г. в Массачусетском Технологическом Институте (Кембридж, США) состоялась конференция "Антинаучные и антитехнические тенденции в США и СССР", посвященных общей теме "Наука и техника с человеческим лицом".

Среди участников были российские философы и ученые В.Степин, В. Лекторский, С. Капица и другие.

Доклад профессора Гарвардского Университета Дж. Холтона – "Что такое "антинаука"?" – был посвящен демаркации науки и антинауки и защите интересов и ценностей научного рационализма. *"Нас призывают полагаться на всякое без разбору знание, лишь бы только оно обещало лекарство от общественных болезней и возврат общества в здоровое состояние. А ведь вернуться к здоровому обществу мы, дети просвещенного, но кровавого века, считаем своими обязанностью и правом, — к обществу, в котором восторжествовали бы идеалы рациональности, прогресса, в котором не было бы места суевериям, средневековым пережиткам веры в чудеса, знамения, колдовство, мистерии, где люди не творили бы себе ложных кумиров и где широко применялись бы достижения науки"* [8], – этот прекрасный пассаж о роли научного просвещения Холтон неожиданно завершил признанием, что *"говоря по совести, я не знаю дороги в подобный рай"*. Казалось бы, ответ уже дан: нужно широко применять достижения науки, и рай, где люди будут телесно и духовно здоровыми, а общество справедливым, наступит рано или поздно [9]. Главное – нужно правильно определить направление, а остальное уже, как говорится, "дело техники", тем более, прошу прощения за невольный каламбур, что, "техне", во-первых, ремесло, во-вторых, искусство и, в-третьих, это наука" [10]. Эта двойственность позиции Холтона просматривается во всем его выступлении.

С одной стороны, *"множество самых разных смыслов и явлений"*, объединенных общей направленностью *"против того, что можно назвать "просвещение"*, – это антинаука, которая закрывает дорогу в социальный рай *"здорового общества"* и поэтому должна быть преодолена; и, с другой стороны, постоянные сомнения профессора в возможностях науки [11]. Среди представителей антинауки, кроме *"альтернативной науки"*, *"патологической науки"*, и *"псевдонауки"*, по Холтону, оказываются и собраты по науке: *"сциентизм (чрезмерный энтузиазм веры в силу науки, выражающийся в навязывании внеучным областям культуры "научных" моделей и рецептов; непомерные претензии технократов, слепо уповающих на всемогущие и чудотворство науки и техники, как это, например, проявилось в пропаганде проекта "звездных войн")"*. Холтон еще предостерегает, чтобы не путали простые пропагандистские и рекламные трюки популярных журналов с антинаукой. Они не тянут *"на весомую квалификацию "антинаука"*.

Отметим, признание Холтона, что существуют *"внеучные области культуры"*, которые, надо полагать, человеку и обществу тоже нужны, хотя они и внеучные. Не исключено, что обществу и человеку порой, может статься, внеучные элементы культуры даже нужны больше (то есть ценнее), чем научные истины. Этот момент для наших суждений важный. Поэтому – запомним.

Почвой для распространения и выживания антинаучных представлений служит, по мнению Холтона, *"всеобщая научная безграмотность населения"*.

Да, да, мы помним, просветители XVII- XVIII веков тоже считали, что все социальные беды от невежества, даже видели в этом одну из основных причин возникновения и живучести религии. Холтона пугает, с одной стороны, результаты научных открытий в руках невежественных политиков, что может привести к необратимым глобальным катастрофам, с другой стороны, любое послабление доверия к научному познанию, когда научно невежественные обыватели, а их по данным профессора, подавляющее большинство даже в такой просвещенной стране как США, могут, с облегчением и удовольствием вернуться к допотопному (архаичному или средневековому) миропониманию, как, к слову сказать, это происходит в современной России. Людям важнее хлеб насущный, а не научные истины. Вспоминает американский профессор *"Легенду о великом инквизиторе"* Ф.М. Достоевского. С удивлением и огорчением Холтон констатирует, что в *"Америке конца XX века отнюдь не наука, а религия, как и во времена пилигримов XVII века, остается, судя по всему, наиболее влиятельной силой как в частной, так и в общенациональной жизни"*. С точки зрения ученого, который верит, что все хорошее у человека и общества может быть только от науки, конечно огорчительно, что в США *"около одной трети взрослого населения (из которого большая часть принадлежит*

к евангелическим сектам) подтверждает, что верит в воскрешение; более половины — верят в возможность повседневных чудес благодаря молитве; 60% — заявляют, что верят в буквальное существование Ада для проклятых. Финансовые дотации, выделенные в 1990 году на поддержку религиозных организаций, составили круглую сумму в 54 млрд. долларов"..

Любопытно. Правительство США, которое шага не сделает, чтобы не проконсультироваться с учеными, и корректно реагирует на общественное мнение граждан, выделяет такие средства на поддержание "антинаучных" представлений своих граждан. Если людям антинаучные представления нужны и даже ценнее научных истин, то, возможно, человеку и обществу для чего-то это нужно... Но Холтон видит в этом только уступку невежеству, на которой прорастает антинаучное миропонимание. При этом, как это не странно для профессора, *"большинство простых американцев вообще не испытывает никакого внутреннего разлада или неудобства от конфликта между этими разнородными (научными и антинаучными – В.Х.) силами"*.

Интересен в докладе пассаж, когда Холтон говорит, что он не знает никого из даже самых ярых "антиученых", кто бы ни считал себя ученым или отрицал, что он занимается наукой, которая определена в "Американском этимологическом словаре английского языка" следующим образом: *"Наблюдение, классификация, описание; экспериментальное исследование и теоретическое объяснение естественных явлений"*.

Холтон сводит все, что не вписывается в его понимание "классической западной науки", в феномен антинауки. Он говорит в докладе: *"Феномен антинауки ни в коем случае не представляет собой неполной, ущербной или невежественной версии "правильного" научного мировоззрения, которое, как считает большинство ученых, выражает суть нашей цивилизации на данном этапе исторического развития. Ничего подобного. На самом деле, — если оставить в стороне банальные, сравнительно безвредные и невежественные претензии и суеверия, — в своей наиболее глубокой и изоциренной форме, так называемая антинаука, представляет собой, говоря прямо и без обиняков, заявку на ясное, четкое, конструктивное и функциональное, потенциально всеохватывающее альтернативное миропонимание, в рамках которого декларируется возможность "науки", весьма отличной от той, которая известна нам сегодня; утверждает, что историческое значение этого альтернативного миропонимания заключается ни в чем ином, как в том, чтобы отвергнуть, развенчать, преодолеть классическую западную науку в широком смысле этого понятия. Причем преодоление и отрицание распространяется как на онтологические, так и на гносеологические основы и принципы науки, и прежде всего на ее традиционные, неотъемлемо и органично присущие*

ей экспансионистские амбиции определять и указывать смысл и направление прогресса человеческого общества. Иначе говоря, мы сталкиваемся здесь с давним, упорным и неуступчивым внутрикультурным противоборством, разрядки которого вряд ли можно ожидать в обозримом будущем".

Замечательные слова. Действительно, буквально с первых шагов науки, у нее были противники самых разных мастей. Чем более наступательно и жестко наука заявляла о своем преимущественном праве судить о власти, производстве и вере, *"утверждаемом за счет прежних претендентов на монопольную истину и первенство в культуре и вопреки им"*, тем ожесточеннее боролись с ней ее противники. Холтон справедливо говорит, что *"свою роль наука утверждала перекройкой всей системы донаучных, традиционалистских представлений о мире. На протяжении уже трех столетий научный разум ставит себе в заслугу проект построения неопровержимой, всеохватывающей, целостной картины мироздания, основанной на принципах и методах рационального познания. В этом наука с самого начала видела свою миссию, свой Святой Грааль. Нечего и говорить, что столь далеко идущие "имперские" амбиции провоцировали традиционно доминировавшие в западной культуре формы духовной деятельности, вызвали их ответное отчаянное сопротивление в борьбе за сохранение своего места под солнцем"*. Здесь все правильно, за исключением одного момента, который Холтон прямо не формулирует, но подразумевает. Все, что вненаучно, или не научно, или даже антинаучно, не обязательно враждебно обществу, человеку, прогрессу и всему исторически позитивному. И в науке есть не мало враждебного человеку и обществу, как и во всей вненаучной, части культуры человечества. Холтон считает ошибкой мнение Дж. Фрэзере, что человечество от мифа через религию пришло к науке: *"мы по-прежнему существуем как бы в кипящей смеси из всех трех названных духовных комплексов, каждый из которых не прекращает попыток подорвать репутацию всех остальных, оспорить их законность в качестве фундамента нашей культуры"*. После этих слов, как нам, кажется, вполне резонно должен возникнуть вопрос: *"Если ожесточенная борьба в течение столетий не приводит к победе ни одну из сторон, то, может, они каждый по-своему зачем-то нужны людям?"*. Может, общественный человек, есть та точка, где совершенно различные по своей сути концепции миропонимания не только уживаются без конфликта, но каждый по-своему чем-то помогает человеку жить. вполне законный вопрос, что они, может быть, не враждебные и абсолютно взаимоисключающие позиции, а лишь разные моменты (или элементы) более широкой целостности, более обширной системы, более фундаментального феномена космического бытия социальной материи.

Различные и враги, и оппоненты науки были всегда – Холтон в этом прав. Всякое было. Как подчеркивает Холтон в своем докладе, *"романтики XIX в. пропагандировали так называемую "визионерскую физику" в противовес классической механике того времени, считая вслед за поэтом У. Блейком, что Ньютон, Локк и Бэкон суть не что иное, как "инфернальная троица", проводники сатанинского влияния на человечество. Наряду с этими взглядами прошлое столетие стало свидетелем расцвета месмеризма, френологии, спиритического столоверчения и даже попыток гальванического сотворения жизни. К концу прошлого столетия в Европе возникло и стало шириться движение, провозгласившее "банкротство науки". Еще и сегодня существует множество всякого рода групп и объединений, пытающихся противостоять тому, что они называют гегемонией науки в нашей культуре. Эти группы не образуют внутренне единого организованного движения и, по сути, мало интересуются делами друг друга. Часть из них фокусирует внимание на эпистемологических проблемах и принципах науки, часть — на технологической реализации результатов научного познания, третьи уповают на возврат к романтизированной домодернистской версии науки и познавательной деятельности. Но всех их объединяет то, что каждая из них на свой лад и толк отстаивает, ни много ни мало, тезис о конце науки в том ее виде и смысле, который сегодня общеизвестен. Это обстоятельство и превращает все хаотическое и рассеянное их множество в некий стихийный консорциум, связанный единством цели".* Холтон не прав лишь в одном нюансе. *"Тезис о конце науки в том ее виде и смысле, который сегодня общеизвестен"* не означает смерть науки как таковой, а смерть лишь *"в том ее виде и смысле, который сегодня общеизвестен"*. Неисторичный подход Холтона к пониманию феномена науки очевидный. От того, что человек, превращаясь в юношу, "умирает" как подросток, а становясь взрослым, "умирает" как юноша и т. д., вовсе ничего трагического не происходит. Да, гегемония науки в культуре – это опасно. Более того, враждебно человечеству. "Имперские" амбиции научного рационализма перековать всю культуру на свой лад – из того же хора сциентистов, которых Холтон сам причислил к области "антинауки". Банкротство науки не в том, что нужно негилистически, догматично, огульно требовать полного удаления "классической западной науки в широком смысле" (Холтон) из культуры, а в требовании включить ее в более современное, ставшее более богатым по своему человеческому (гуманистическому) содержанию понятию "наука". Наука и заслужила это положение в философии общества, и дозрела до этой позиции и роли в социальной материи в абсолюте. Для того чтобы понять, что представляет собой соединение двух молекул водорода и одна молекула кислорода, нужно

взглянуть на это соединение в составе воды как жидкости, взглянуть как на элемент воды. Тогда только станет ясно, что это соединение есть, по сути, вода, а не просто физическое соединение двух химических элементов. Подобно этому, чтобы понять, что такое наука, нужно взглянуть на нее через философию, точнее, через субстанциональную (сущностную) историю философии как феномена не только общества, но и абсолюта. Только в неразрывном единстве истории философии и истории науки можно увидеть их историческую целостную трансформацию. Того, как наука никогда не переставала быть философией, а философия – наукой.

"Научоборческие течения" (термин Холтона) должны объединиться не для убийства науки в ее "классическом западном смысле", что было бы и глупо, и невозможно, и никому не нужно. Научоборческие течения должны объединить усилия, чтобы вывести науку на ее новый уровень развития. Точнее, помочь переосмыслить науке свое место и роль в философии, культуре, обществе, абсолюте, которых она сама, в ходе своей истории, в процессе исторического развития объективно уже достигла. Осталось только это ей понять. А необходимость такого переосмысления наметилась давно. Сошлемся еще раз на доклад Холтона. Он приводит слова из письма Ф.Д. Рузвельта президенту Массачусетского технологического института К.Т. Комптону: *"Рузвельт писал о том, что ответственность, лежащая на плечи работников науки и техники, подразумевает как учет "социальных процессов", так и "совершенствование взаимодействия с окружающей средой". Необходимо, продолжил Рузвельт свою мысль, выработать механизмы, "компенсирующие остроту негативных последствий развития науки". Именно об этом и речь. Наука сегодня не может быть социальным институтом по получению истинных знаний о природе, обществе и человеке ради истинных знаний, а должна стать, точнее, уже становится социальным институтом по получению истинных научно-рациональных знаний ради телесного и духовного здоровья человека, ради прогресса гуманизма в обществе, а не для решения (зачастую силовым способом) экономических, политических, конфессиональных и других проблем. То, что "ради", сегодня обязательным образом неотъемлемо должно входить в содержание понятий "наука" и "ученый". История уже поставила человечество перед этой ситуацией. Науке и ученым осталось это лишь понять и прочувствовать. Другого пути нет. Все, что реально или потенциально враждебно человеку, должно иметь свои ограничители в субстанции науки и деятельности ученого изначально. Сохранение прежнего понимания статуса, места и роли "классической западной науки в широком смысле" (Холтон) сегодня опасно социальной материи и враждебно человеку и человечеству в глобальном масштабе [12]. Итак, антинаука – это не отказ от науки, а лишь отказ от "имперских" амбиций*

прежнего рационально-научного познания на роль носителя абсолютных истин везде и обо всем. Да, есть еще много таких позиций миропонимания, некоторые из которых, диаметрально противоположны научно-рациональному миропониманию. Но это вовсе не означает, что они вовсе не нужны обществу и человеку. Если человечество их "терпит", значит, они зачем-то ему нужны. Одна гипотеза гласит: человек не сводится лишь к своему разуму и знаниям, каких бы библейских размеров они не достигали, кроме них ему для того, чтобы прожить свою временную (земную) жизнь и, возможно, кто в это верить, и вечную, нужно много такого, что за пределами научной рациональности. Например, такие компоненты человеческого бытия как совесть, стыд, честь, достоинство, милосердие, любовь, дружба, долг, верность, сострадание, патриотизм, толерантность, чувство красоты, доброта и т.д. и т.д. Если их нет в составе науки, то тогда наука сводится к простым (обезличенным и обезчеловеченным) техническим процедурам и расчетам как расчет диагностики трещины в газо- и нефтепроводе.

§ 11. Смысл дифференциации философии в аспекте ее субстанциональной истории.

За последние четыреста лет философия очень сильно трансформировалась. Оставаясь инвариантной, т.е. типом деятельности по рациональному и иррациональному постижению мира, она, философия, созрев для рождения науки, продолжала далее "созревать" и после родов, продолжая одновременно и процесс дифференциации. Еще во времена Гегеля "рациональная психология" была одним из разделов философского постижения мира. Сегодня мы имеем не просто самостоятельную науку психологию, а широкий спектр различных ее ответвлений: криминальная психология, социальная психология, педагогическая психология и множество других теоретических и прикладных "психологий" доказали свое право на самостоятельное существование. Философия в этом аспекте похожа уже на многодетную мать. Но важно не это. Важно другое. А именно то, что философия, рождающая множество других самостоятельных типов деятельности (в том числе и научных), продолжает сама свое историческое развитие, накапливая, усиливая, развивая, совершенствуя, трансформируя свою исходную субстанцию – рациональное и иррациональное постижение мира. Отметим простой и очевидный, поэтому трудно заметный, момент. "Рациональное и иррациональное освоение мира социальным человеком", каким оно было на старте философии почти три тысячи лет назад, и "рациональное и иррациональное освоение мира социальным человеком" сегодня – при всем и полном совпадении названия по качеству (по субстанции), как говорится, вещи совсем разные. Сегодня философия, имеющая такую богатую отдельную эмпирическую историю, а также богатую историю

своих отпочковавшихся от нее детей (наук и типов деятельности), дифференцировавшаяся, безусловно, и очевидно, качественно иной социальный феномен, чем тот, который был во времена натурфилософов античности. Философия, оставаясь самим собой, изменилась, стала не просто богаче различными концепциями, она стала взрослее, строже, более фундаментальной в плане инструмента абсолюта по внесению в мир истины, красоты и добра. Она стала наукой о бытии и небытии абсолюта в человеке и о бытии и небытии человека в абсолюте, включая в себя, в терминах Гегеля, "в снятом виде" все достижения своих отпочковавшихся в разное время множества детей (наук и типов деятельности).

§ 12. Суть субстанциональной истории философии.

Вероятно, с этого момента начнется самый дискуссионный момент излагаемого материала.

Формальное утверждение на первый взгляд достаточно простое, но, как увидим сразу же, требующее пересмотра целого массива прежних представлений, в том числе и определения (понимания) науки. Забегая вперед, отметим: то понимание современной наукой, что такое наука, не совсем есть "наука" в том значении, с каким философия ее породила. Философия породила науку с потенцией накопления не только ряда концепций (истинных знаний), но и с потенцией субстанционального развития. Если в первой части наука самодостаточная, во второй она обречена, оставаться неразрывно связанной пуповиной с "рациональным и иррациональным" освоением мира общественным человеком, т.е. философией, а через нее с рациональным и иррациональным бытием и небытием человека, общества, универсума и абсолюта. Субстанциональная история науки вне и независимо от философии не может быть в силу не только генетической связи, но, прежде всего, в силу того, что освоение мира общественным человеком целостный процесс, сколько бы внутри себя этот процесс не дифференцировался на множество мозаичных осколков. Все, что породила философия, продолжает "жить и развиваться" внутри нее. Представление науки о полной самостоятельности и независимости от философии в этом аспекте лишь иллюзия. Еще раз подчеркнем: субстанциональная история науки, ее историческое развитие, протекает неразрывно с субстанциональной историей философии, в ее недрах, как составная часть субстанционального развития такого социально-культурного феномена как "рациональное и иррациональное постижение (освоение) общественным человеком мира".

Мы так и затягиваем с ответом на поставленный выше вопрос. А что произошло с философией в субстанциональном аспекте за эти почти три тысяча лет или хотя бы со времен Ф.Бэкона и Р. Декарта такого, что можно было бы увидеть и понять?

Ответ: породив науку, философия сама продолжала трансформироваться (развиваться, совершенствоваться и т.д.) в сторону превращения из типа деятельности... в науку.

Да, но то, как понимает философия, что такое наука, не совпадает, с тем, что считает наука "наукой". Вот именно здесь та мысль, что выносится автором, на суд коллег. Философия, породив науку, сама продолжала развиваться, чтобы стать наукой, чтобы параллельно показывать своему дите (науке), что значит быть наукой на самом деле, по истине, по "генотипу", по рождению, по космическому, онтологическому, гносеологическому, социально-культурному статусу. Стареющая рядом со своим ребенком мать учит на собственном примере, что значит быть человеком. Становящаяся наукой философия призвана, сегодня, показывать современному естествознанию и социально-гуманитарному знанию, что значит быть наукой, призвана на собственном примере показывать, что значит быть наукой, демонстрировать, чем отличается процедура накопления ряда истинных знаний о природе, обществе и духовной жизни, от такого космического феномена (онтологического, гносеологического, социально-культурного, психологического) как наука.

Еще раз объяснимся. Философия развивается с порога Нового времени, чтобы стать наукой, но не той, что философия когда-то породила и не той "научной философией", которую хотела соорудить наука в лице позитивизма, а совсем другой – истинной наукой. Наука, порожденная философией полтысячи лет назад, оказалась очень способной к эмпирическому (возможно, нужно было бы подобрать другой новый термин, чтобы не возникали ассоциации с привычным пониманием слова "эмпирический") историческому развитию, но совершенно "недоношенным ребенком" в аспекте метафизического, субстанционального развития. Наука, развивая сама в себе одну сторону своего бытия (накопление знаний), оказалась совершенно неспособной к самостоятельному субстанциональному развитию, т.е. такому развитию, которое было заложено с самого начала в ее философских генах. Наука к сегодняшнему дню доказала свою неспособность к трезвой оценке своего социально-культурного статуса и своей истинной исторической миссии. Здесь, как мы выше уже сказала, особой ее вины и нет. Мать-философия в силу целого ряда причин оказалась не очень внимательной, не уследила, да и растущий малыш неправильно понял свою суть, цели и задачи, да и возможности тоже переоценил и неправильно сориентировал. Так возникла современная ситуация с гипертрофированным и искаженным пониманием возможностей и перспектив науки. Здесь кроется фундамент взаимного непонимания и конфликта между современной наукой и современной философией.

Философия, продолжая жить рядом с наукой, видела, как несомненное достоинство науки по рациональному постижению

(освоению) мира общественным человеком, становится однобоким, ущербным, обезличенным, абстрактным и не просто безкультурным, а порой совершенно диким и опасным для человека, для культуры, для Земли, для космоса. Бесконтрольная, вышедшая из-под опеки матери-философии наука стала превращаться в агрессивного и бездушного монстра. Без философии наука осталась, без гуманитарной крыши. Наука со "съехавшей крышей" может представлять для людей такую же опасность, как и некоторые люди, у которых "крыша поехала". И помочь бедному дитятку может в этой ситуации только родная и любящая его родительница – философия, которая к сегодняшнему дню тоже уже не та, что была в XVI-XVII вв. Вместе со своими детьми и благодаря ним, она изменилась и окрепла как социальный феномен, готовый ныне принят под свое крыло своих разбежавшихся на время и резвящихся на свободе деток.

§ 13. "Бездомная" наука

Скажем несколько слов о статусе самой философии. Мы сторонники той философской концепции, которая считает, что наша Вселенная есть пространственно-временная конкретизация вечным и бесконечным абсолютом содержащихся в нем в абстрактной форме потенциалов материального и духовного развития. Через развитие общества, как и через развитие природы, абсолют реализуется заложенные в нем вечные и бесконечные потенциалы в конкретной пространственно-временной физической, химической, биологической и социальной форме. В социальной материи через деятельность общественной человека творится не просто история человечества, которая зациклилась сама в себе и не имеет больше никакого отношения ни к чему. Через историю человечества абсолют вносит (порождает в себе) и развивает в себе заложенные в нем потенциалы красоты, истины и добра. Философия, как составляющая элемент культуры социума, есть часть этого процесса. Через философию абсолют реализует рациональное и иррациональное постижение обществом мира, его истины, красоты и доброты.

Метаистория философии связана и понятна лишь в проекции социального статуса философии на абсолют и его развитие. В природе и обществе немало примеров, доказывающих, что дифференциация чего-либо может быть формой его развития по ускоренному варианту. Но этот вариант чреват риском, опасностью отклонений от генерального направления развития. Отделившаяся от целого часть может в своем относительно самостоятельном развитии, если связи с целым чрезвычайно ослабли, пойти по пути, на финише которого или тупик, или гибель. Если дистанция с целым большая, то развитие части может наносить вред целому, а тем самым и самой себе. Нечто похожее по форме о войне роботов с людьми. Роботы, забывшие о своих творцах, в своем развитии могут стать враждебной силой той системе, которая их породила. Так и наука, которая слишком далеко удалилась от философии, теряет свой

истинный смысл, забывает, кто она и для чего предназначена в масштабах более широких, чем простое научное познание. "Бездомная" наука становится не просто "бесфилософской", а бесчеловечной. Развитие детей, вышедших из-под контроля родителей, может пойти и по асоциальному пути.

В случае с наукой, хитрость абсолюта – помочь людям ускорить историю рационального и иррационального постижения (освоения) мира путем денонсирования (?), "расщепления" философии на отдельные составляющие – привела к отрыву развития части от развития целого, развитие науки пошла не по задуманному плану. Да, отделившись от философии "рациональное постижение мира", т.е. наука в современном научном (но не в философском!) смысле и значении, стала развиваться значительно (даже очень значительно!) быстрее. Да так быстро, что стала обгонять развитие других компонентов человеческой культуры, например, нравственных. Но набирая силу, она, наука, не захотела признавать относительный характер своей независимости. Она, наука, стала приобретать замашки восточного деспота Древнего мира или современного диктатора, который в одном лице и закон, и власть, и судья, и палач. Она объявила: то, что не похоже на меня, во-первых, не наука, и, во-вторых, значит, не достойно уважения и даже права на существование. Наука безапелляционно заявляет: "Если хотите существовать и чтобы вас уважали, то давайте все скопом быстренько превращайтесь в науку!" А чтобы родительница не поучала, не докучала и не указывала на ошибки в самооценке, наука попыталась сконструировать "наукопослушную" и "чисто научную" философию.

Сформулируем еще один дискуссионный тезис. Та наука, что есть сегодня, – это не наука в ее точном философском смысле. Это не есть наука, которую потенциально в себе содержали и последовательно подготавливали к рождению абсолют, природа, общество и философия. Если для иллюстрации воспользоваться ветхим религиозным словарем, философия породила науку по образу и подобию своему, а она, наука, в силу свободы воли, отклонилась от исходной траектории развития, "впала в грех самомнения". Когда-то бог создал людей по образу и подобию своему, но было бы великим прегрешением видеть в современных людях более чем маленький намек на божественное начало. Конечно, если не предполагать, что бог вслед за Ельциным решил создать у себя демократическое рыночное общество.

Некое подобие произошло и с наукой. Порожденная по образу и подобию философии, она стала считать себя центром, главным (а, возможно, даже единственным) элементом того феномена, который в рамках абсолюта призван сделать мир добрым, истинным и красивым.

§ 14. Представления об абсолюте.

Философии без категории "абсолют" не может быть. В.В.Миронов пишет: "Итак, философия также не может обойтись без Абсолюта, но поскольку она выступает, прежде всего, как форма рационально-теоретического постижения бытия, то ее Абсолют изначально рационален. Будь то Абсолютный Дух. Абсолютный Разум или столь же Абсолютная Материя – все это лишь рациональные конструкции разума, которые необходимы в качестве основания философии" [13].

В философии использовались и иные термины для обозначения Высшей реальности. Например, такие, как "брахман", "небо", "дао", "ли", "апейрон", "единое", "максимум", "перводвигатель", "первичная субстанция", "материя" и другие. Поиск такой категории начался не сегодня. Описательный контур начерно был уже намечен давно: "Великая пустота", "Логос", "Нус", "Бог", "Материя" и прочие, что мы выше уже перечисляли. Все они солисты одного хора. Многообразие терминов формально, оно отражает особенности исторических эпох и языков, степень разработанности тех или иных групп категорий, симпатии и антипатии авторов. Абсолют есть все, и в силу этого он антиномичен. Точка бифуркации трудно уловима в философской догматике, т.е. в системе однозначно определенных и фиксированных понятий. Он един и множественен, апофатичен и катафатичен. Абсолют дуален. Одну из его сторон Дешан обозначил термином "Все", другую – "Целое".

Если рассматривать отдельно, только как абстрактное всеобщее целое, то Абсолют один и апофатичен, непознаваем и неизречим, без эклезии и эпистем. А есть А – этой краткой тавтологией все исчерпывается. Тощее определение оказывается исчерпывающим и законченным – и в силу этого конкретным. Абсолют одновременно и абстрактен, и конкретен в самом себе. Полюса в пределе сходятся. Абсолют и есть всеобщий предел всего. Если воспользоваться терминологией Гегеля, абсолют в этом аспекте есть "в-себе-бытие, тождественное с самим собой бытие, лишнее формы, объективное вообще. Это – материя как нечто индифферентное, как безразличное существование" [14]. Эмпедокл говорил, что целое, которое составляет мироздание, незримо оку, невнятно уху, необъемлемо умом. Это предчувствие и интуиция абсолюта как непостижимого и недостижимого всеобъемлющего целого, являющегося началом всего сущего и существующего, возможного и действительного (на языке Аристотеля "потенции и акта") восходит из глухой древности до наших дней.

Считается, что термин возник в конце 18 века в работах М. Мендельсона и Ф. Якоби и со временем впитал в себя все, что раньше называли "первоначалом", "исходным", "неизмеримым", "бесконечным", "вечным", "неопределенным", "семенообразно содержащим в себе все", "равное лишь самому себе", "субстратное тело без определений" и т.д. Напомним, что представления древних мудрецов и философов о "пратхи",

"дао", "ци", "браhme", "апейроне", "нусе", "квинтэссенции" также близки по смыслу понятию "абсолют". У некоторых философов были свои термины для обозначения первоначала Вселенной ("природы", "космоса", "нашей физики", "универсума" и т.д.). Например, у Плотина – "Единое", у Н. Кузанского – "максимум", у Дешана – "Все". Мы будем пользоваться понятиями "абсолют", "материя", "материя вообще", "материя как таковая". "Время, материя, пространство представляют, может быть, только одну точку" [15], – пишет Дидро.

Абсолют – это то, откуда возникают конечные миры, ограниченные своими константами, принципами и законами, и куда они потом рассыпаются и канут, исчерпав заложенный в них запас логических потенций и ограничений. Абсолют должен быть вечным, бесконечным и неисчерпаемым, содержащим в себе все, что имеет временные и пространственные границы. "Все ест вечность, – писал Дешан, – есть то, что не имеет ни начала, ни конца. Целое есть время, альфа и омега, начало и конец" [16].

Естествознание утверждает, что в силу каких-то пока до конца неясных причин в абсолюте формируются "твердые комочки" – конечные миры с их границами, принципами, законами, пределами. Одним из таких миров является и наш космос, ограниченный с двух сторон скоростями, имеющими конечные пределы. Снизу – скорость никогда не может быть равна нулю. Сверху – скорость не может быть равна скорости света (выше 300000 км/час). Верхний и нижний потолки скоростей – это своеобразная скорлупа, в которую заключена наша природа.

§ 15. Чем отличается современная наука от того, чем она должна быть по существу?

Ответ на поставленный вопрос проиллюстрирую на примере. В одной научной организации заслушивался отчет руководителя о выполнении коллективом научной темы. Суть была в том, что разработчики создали методику и аппарат, с помощью которых можно диагностировать наличие трещины в трубе газопровода. Если обнаружена утечка газа в газопроводе, проходящей под миллионным городом, и неизвестно в каком именно месте, то перерывать весь город – дело весьма дорогостоящее и хлопотливое. Поэтому результат труда научного коллектива, безусловно, очень полезный, заслуживающий всяческих похвал и материального поощрения. Но... это не наука. Вот если бы разработчики пошли дальше и выяснили возможности своей разработки не только в одном материале (в данном случае в металле), но и во всех других уже был бы шаг в науку, но тоже еще не наука. Если бы нашли такую же возможность диагностики и прогнозирования не только в материалах, но еще в гидро- и атмосфере, то совершили бы революцию в климатологии и метеорологии, но и это еще не была бы наукой. Кроме вещества есть еще другие виды материи. Например, магнитное, электрическое,

гравитационное поле. Если бы разработчики проекта нашли способ действия своего аппарата в области гравитации, они бы перевернули весь наш мир в области пространственно-временных представлений и техники перемещения в пространстве и, возможно, времени. С этого началась бы новая эпоха в индустриально-технической культуре человечества. Но и это еще не было бы наукой. Ибо есть еще виды материи. Такие, как плазма и вакуум. Вот если бы разработчики дошли до этого, то стали бы равны, кощунственно это произносить, но было бы именно так – богу. Они из вакуума ("из ничего", из "сверхприродной" сфере) научились бы извлекать все вышеперечисленные виды материи. Но и это еще не было бы наукой, а оставалась бы лишь инженерно-технической разработкой, математическим расчетом (собственно, бухгалтерией). Вот если способ зондирования трещин на расстоянии был бы распространен на сферы интеллекта, морали, эстетических чувств и т.д., то это было бы уже ближе к науке. Способ зондирования "трещин" в совести человека, весьма гуманитарная разработка. Сказанное не означает требования превращать все современные научные дисциплины в гуманитарные. А означает только то, что все они должны содержать гуманитарную основу, если хотите, элемент человечности, должны служить на благо развитие человека и человечества.

В начальном примере можно увидеть такой элемент. Разработка была рассчитана на обеспечение безопасности горожан. В этом разработка входит в состав науки, в которой должна быть непреходимая граница запрета создавать что-либо, что может быть использована во вред человеку и человечеству. Наука – часть духовного бытия человечества, входящая в философию, следовательно, в духовную культуру, призванную реализовать через социальную материю потенции абсолюта к истине, красоте и добру. Противный результат не может быть и считаться наукой, а разработчики – учеными.

§ 16. Философия истории, или историчность истории.

Что значит быть наукой? Ответ на этот вопрос и дает философия своей, как мы это назвали, теоретической или метафизической (философской) историей. Философия истории – дисциплина давно известная. А вот философия истории философии – это нечто новое. Тогда можно, скажем, говорить и о философии истории науки, и о философии истории истории русского народа, и о философии истории какого-то города, и о философии истории Китая или США, и о философии истории селекции огурцов, и обо всех других возможных историях любого предмета в его временном существовании. А почему нет! Изменяются (развиваются и тем самым имеют историю) не только предметы, но подвержена суду времени и их история сама – как раз об этом и речь. Если история есть пространственно-временное развертывание чего-либо, то почему сама история как явление мира, как элемент бытия, не должна тоже, как и все в

мире, быть процессуальной. И история должна разворачиваться (развиваться) в пространственно-временном континууме, т.е. быть историчной. Подобно тому, что есть метаистория философии, должна быть и метаистория истории. История человечества с эмпирической стороны есть совокупность событий, дат, имен на векторе времени. А с теоретической стороны она пространственно-временной феномен абсолюта, поэтому, как и все, что есть в социальной материи, субстанциональная история общества не сводится к простой (аддитивной) сумме эмпирических общественных фактов. Относительная самостоятельность теоретической истории видна в том общеизвестном факте, что история общества, а, возможно, и природы *ускоряется* [17].

Если смотреть на историю философии не только как накопление различных концепций в хронологическом ряду (эмпирическая история), но и как на развитие философии как философии (философствования), то понятно, что философия за время своего существования стала иной и как социальный феномен. Точнее, как социально-культурный элемент абсолюта, с помощью которого абсолют развивается в себя разумность в качестве фундамента красоты, истины и добра. Как и все в природе, как и все в обществе, как и все в культуре, философия сама как философствование меняется за время своего существования.

Как мы уже говорили, породив в XVII- XVIII вв. науку, философия сама стала развиваться в том же аспекте, усиливаться как целое вместе с наукой, возмнившей почему-то, что она не часть "рационального и иррационального постижения (освоения) мира общественным человеком", т.е. философии и вместе с этим и культуры общества, а нечто абсолютно самостоятельное (глупость, и глупость очевидная и наивная!) явление, невесть откуда да вдруг свалившееся на голову ошеломленного и осчастливленного неизвестно кем и за что человечества... Культура – часть общества. Философия – часть культуры. Наука – часть философии. Такой вот банальный на первый взгляд расклад. Если развивается наука, то это означает, что развивается часть философии, вместе с этим развивается и сама философия в целом. Если развивается философия, то развивается, значит, культура. Если развивается культура, следовательно, развивается общество. Если развивается общество, происходит процесс социализации (гуманизации) природы и абсолюта. Можно все это выстроить в обратном порядке, но, видимо, нет необходимости, ибо выше мы уже неоднократно говорили об этом.

Философия превращается в науку не в смысле современного "научного" понимания науки наукой, а именно в философском смысле статуса науки как рациональной части философии, которая, философия, кроме этой составляющей, имеет еще и "иррациональную" составляющую постижения мира общественным человеком. Философия неумолимо становится в этом философском смысле "научной", не теряя при этом не

своей самостоятельной истории, не обрывая никаких своих исторических связей ни с культурой человечества в целом, ни с порожденными ею составными частями, в том числе и с наукой в узком понимании. При этом философия пытается образумить своего ребенка. Уберечь от излишней самоуверенности и чрезвычайно не критической самооценки своей значимости и роли в истории человечества. Не все так просто. Может, статься, что научный этап развития человечества, может завершиться вдруг с приходом осознания человечеством совершенно другого пути своего пребывания на планете Земля, связанного совсем не с бесконечным ростом индустриального и научного могущества. Но это, хотя и интересная, но уже другая тема. Философия, содержащая в себе науку как составную часть, развиваясь сама вместе с наукой, развивается и в метафизическом смысле. Если продолжить образы родительницы и ребенка, философия пытается образумить науку и поставить ее на путь истинный ее истории.

§ 17. Предмет философии как науки.

Теперь интересно послушать аргументы науки, почему философия в прежнем своем статусе не может быть наукой.

1. Вот первый аргумент.

У философии нет, как у всех других наук, своего предмета, составляющего особую часть (фрагмент, сегмент, сектор, сфера и т.д.) мира – природы, или общества, или материальной культуры, или духовной культуры, или жизни индивидуального человека и т.д.

Ответ проиллюстрируем на примерах. Возьмем несколько природных и социальных объектов, попавших случайно под руку: ручка, окно, человек, цветок, облако. Каждый из них имеет огромный набор самых разных свойств, функций и других параметров и характеристик. Ручка, к примеру, желтая, холодная, пластмассовая, дешевая... К множеству этих и других свойств можно добавить еще одно банальное свойство, что эта ручка, о которой идет речь, лежит передо мной, она существует, т.е. она обладает свойством "быть". Каждое из перечисленных свойств этой ручки может стать предметом какой-то науки: материаловедения, экономики, химии, оптики, термодинамики и т.д. Свойство "быть", в этом ряду, на наш взгляд, входит в круг предмета философии. Почему? Сейчас поясним. Но прежде продолжим рассмотрение примера с названными предметами. У окна свой комплекс параметров: часть сооружения, стеклянная, прямоугольная, красивая и также в данный момент оно передо мной и обладает свойством "быть". Первой свойство – предмет строительных наук, стекло может стать предметом сразу нескольких наук: физики, оптики, химии и пр. Красота окна является предметом дизайна или эстетики. Фигура окна входит в то, что изучает геометрия. А свойство "быть", как и в предыдущем случае, входит в круг предметов философии. У человека тоже есть массив

всяких параметров, среди которых присутствует и свойство "быть", которое изучается философией. Чтобы мы далее не рассматривали: облако, цветок, мысль, иллюзию, акулу, картину Репина, мираж, музыку, дождь, судьбу, любовь и т.д. и т.д. – во всем среди множества специфических и общих свойств увидим и свойство "быть". В данный момент не важно объективны или субъективны эти свойства, в том числе и свойство "быть". Бытие может быть и реальными и идеальным, и действительным и возможным, и случайным и необходимым и т.д. Важно то, что все, к чему мы ни прикоснемся мысленно или практически имеет свойство "быть" на самом деле или хотя бы вымышлено. Бытие (любое) и образует ту часть предмета философии, которая изучается онтологией. Изучение, тоже обладает свойством "быть", т.е. бытием, и потому тоже изучается. Мыслимое мыслится. Связь объективной и субъективной диалектики бытия образует еще одну сторону предмета философии, изучаемого гносеологией. Постижением бытия и самого процесса практического и духовного постижения бытия мира занимается человек в составе общества. Человек в обществе тоже обладает свойством "быть" и тоже постигается постигающей бытие философией.

Если дать дефиницию философии, то краткое формально-логическая формулировка была бы следующей: ***философия – наука о бытии абсолюта, практически и духовно осваивающего через общественного человека самого себя в категориях красоты, истины и добра. Философия является социальным инструментом абсолюта, с помощью которого он рационально и иррационально постигает себя, реализуя заложенные в нем вечные и бесконечные потенции бытия и небытия. Через философию общественного человека (социальной монады) абсолют реализует в обществе, природе и тем самым в самом себе свою потенциально идеальную истинность, красоту и доброту. Философия – наука о бытии абсолюта в человеке и через человека.***

Как можно было заметить, свойство "быть" есть во всем. Это свойство всеобщее, универсальное, т.е. абсолютное и в количественном и качественном аспектах. В таком статусе оно, бытие, и является предметом философии.

И вся история диалектики есть не что иное, как постижение общественным человеком бытия природы, общества и духовной жизни, короче, абсолюта. В определении философии как науки о бытии абсолюта, дискуссионным является именно первая часть, первый термин – "наука". То, что предмет философии – "бытие абсолюта" – в той или иной интерпретации принимают почти все философы всех времен. А то, что философия есть наука, не нравится большинству. Это большинство склоняется к тому, что лучше бы отредактировать дефиницию философии так: философия – тип деятельности по рациональному и иррациональному

постижению (практическому и духовному) общественным человеком бытия абсолюта.

- Ну не наука, не наука она, философия, не наука! – не устает повторять большинство современных философов.

- Ну почему, почему, почему?! – горестно отвечают оппоненты.

Первый ответ, что у философии нет своего специализированного предмета, мы уже рассмотрели. Есть у философии и специальный, отличный от предмета других наук предмет – бытие. И в этом предмете присутствует и то, что смущает и запутывает тех, кто не видит в предмете философии "специальной" части. Предмет философии отличается от предмета других наук тем, что он, как мы только что выше видели, всеобщий. "...Необходимо твердо и решительно... формулировать своеобразие предмета философии с полной невозможностью сводить его на что-нибудь иное" [18]. Предметы других наук представляют собой различные части (сферы, сегменты, фрагменты и т.д.) универсума (абсолюта в его множественности), а предмет философии пронизывает весь универсум и целиком, и по частям.

- Такого предмета у науки не может быть! – категорично заявляют противники.

- Почему же! – удивленно разводят руками их оппоненты.

- Потому что предмет странный, не такой, как у всех нормальных наук – не часть универсума (абсолюта)...

- Но это не аргумент! Что предмет "зоологии" не будет "странным" с позиции, скажем, минералогии или ботаники! А предмет экономики – с позиции, допустим, орнитологии или физиологии земноводных! То, что предмет философии комплексна (онтология, гносеология, социальная философия), тоже не является чем-то особенным. Физика веером распалась на механику, оптику, термодинамику, ядерную физику. Внутри этих блоков деление предмета и системно (сознательно) и хаотично (стихийно) идет до сих пор. И для химии, и для биологии, и для всех других наук, признанных естественных и гуманитарных наук, дробление предмета и не новость, и не есть что-то необычное, что могло бы послужить основанием для отказа им в статусе науки.

В этой системности предмета, скорее можно увидеть аргумент в пользу того, что философия есть наука, а не наоборот.

А в том, что предмет философии носит всеобщий (универсальный, абсолютный), характер есть свой плюс. Во-первых, это и есть "специфика", которую требуют противники признания философии наукой. Во-вторых, в этой специфике есть содержательный момент, объясняющий, почему философия есть особая наука, не просто отличная от других наук, а наука-прародительница всех других наук, генетически всеобщая для всех естественных и гуманитарных наук. В определенном смысле философия – наука эталонная, идеальная, всеобщая, конкретная. Тогда как естественные

и гуманитарные науки – частные, в этом смысле абстрактные (в смысле относительные, не совершенные, фрагментарные). Если кратко, естественные и гуманитарные науки, отличаются от философии как науки так, как реальное отличается от идеального, абстрактное (частичное) от конкретного (целого). Такое понимание предполагает и определенные отношения между философией и частными науками. Метаистория философии как науки, т.е. развитие философии как науки, является метафизическим эталоном (идеалом) развития естественных и гуманитарных наук. Философия объективно образует своим развитием идеальное основание, фундамент социальной сути частных наук. Если предельно схематично сказать: естественные и гуманитарные науки имеют в лице матери-прародительницы образец того, каким должна быть наука как социальный феномен, призванный служить тому, чтобы абсолют через них мог сделать себя истинным, добрым, красивым. "То, что философия имеет свой собственный предмет, это для нас ясно" [19].

§ 18. Специфика методологии и методов философии как науки.

- Почему еще философия не может считаться и быть наукой? – вопрошают оппоненты?

- У философии нет своих методов, отличных от методов других наук, она все заимствует у естественных и гуманитарных наук, паразитирует на них! – бросают очередное обвинение противники философии как науки.

Во-первых, у многих наук есть общие методы. Анализом, синтезом, обобщением, сравнением, аналогией, абстрагированием и пр. пользуются почти все частные науки. Потому эти методы и есть "общенаучные" методы. И философия тоже пользуется ими. Во-вторых, у философии есть, как и у всех других наук, свои специфические методы. Специально подбираю самые экзотические с позиции современных частных наук. Например, "бросок мысли" (Эпикур), "молчание" (исихазм, св. Палама), "плач" (русская философия) и др. Хотя можно было бы подобрать другой ряд, менее оригинальный и более близкий к научной рациональности. Например, "восхождение от абстрактного к конкретному" (Маркс), "логико-генетическая выводимость категорий теоретической системы" (Гегель), априоризм (Кант), "тангенциальное развитие до точки Омеги" (Тьяр де Шарден), "погружение в богочеловечество" (В.С.Соловьев), "медитация" (буддизм). И т.д. и т.д. Сколько угодно "неудобных" другим наукам иррациональных и рациональных методов постижения мира.

- Да это же все – совершенно не научные методы! – вопиют противники философии как науки.

- Да, если "науку" понимать так, как ее трактуют современные частные науки, возомнившие, что именно они являются единственными и главными вершителями вопросов рационального постижения универсума, что они единственные носители абсолютной истины в этих вопросах. Но это не так. Это иллюзия частных наук и совершенно необоснованная

переоценка своей роли в постижении (освоении) абсолюта. Это явное непонимание генеральной линии развития абсолюта, стремящегося сделать мир с помощью общественного человека истинным, красивым и добрым. Частные науки уперлись на проблему рационально истинных знаний и не видят за ее пределами более широкого поля бытия, за частностями не видят целостного бытия, что, теперь понятно, функция философии как особой науки: генетически и субстанционально (по существу) всеобщей. Частные науки составляют отдельные, как модно ныне говорить, кластеры всеобщей науки о бытии абсолюта в человеке и бытии человека в абсолюте.

Смешно было бы, если ученые-оптики отказывали акустики в праве называться наукой на том основании, что у ее методов отсутствует элемент визуального наблюдения. А ученые-акустики отвечали тем же, ссылаясь, что оптики чаще пользуются зрением, а не слухом. Нельзя же считать недостатком астрономии то, что она не пользуется методами "психоаналитического тестирования звезд", а геологии то, что она игнорирует "методы дошкольного воспитания".

У философии, как и у всех других наук, есть и общие с другими науками методы, и свои особые, специфические методы. В этом философия из ряда наук не выпадает. Неверно, когда "о философии часто думают, что это есть какая-то такая наука, которая не имеет ничего общего с другими науками" [20].

§ 19. Понятие эксперимента в философии как науке.

- Что еще? Почему, по какой причине философии отказано быть наукой? – почти гордо вопрошают сторонники философии как науки.

- Многие истины философии экспериментально (прямо или косвенно) не проверяемы! – не менее гордо приводят очередной аргумент сторонники отказа философии в праве называться наукой.

Есть истины, скажем, в математике или теоретической физике, которые тоже прямо экспериментально не проверяемы. Косвенно, возможно, все теоретические положения частных наук, экспериментально проверяемы, даже если эта проверка имеет временную отсрочку, т.е. приходит через годы, десятилетия или даже столетия. Это, да, именно так.

Что же касается философии, вынуждены констатировать, в узко научном плане, так, как это понимается и трактуется в частных естественных и гуманитарных науках, не все положения философии экспериментально проверяемы. Но в силу того, что философия наука всеобщая, и предмет у нее специфический, то и поле "экспериментальности" у нее тоже несколько шире. И эксперимент выглядит иначе, чем в каждой отдельно взятой науке. То есть необходимо отдельно и специально разобраться с тем, что значит "эксперимент" или "практическая проверяемость".

Из теоретических разработок теоретической физики черпает прикладная физика и инженерия, результаты, деятельности которых можно экспериментально и практически проверить.

Но и это не аргумент! Из философии, из ее фундаментальных разработок, черпали и продолжают черпать не только гуманитарии, но и все естественные науки, даже если конкретный ученый этого не всегда недопонимает. Поэтому можно утверждать, что экспериментальная проверка истин (иррациональных тоже) философии осуществляется не просто опосредованно, а многоступенчато опосредованно: сначала истины философии переходят в науку, религию, искусство, потом от них опосредованно к повседневной, будничной практике людей. И "абсолют", и "материя", и "субстанция", и "движение", и "пространство и время", и "качество и количество", и "красота", и "добро", и "добродетель", и "благодать", и "счастье" и т.д. – все проходит практическую в разных формах жизненную проверку. И "бросок мысли", так, как это понимали эпикурейцы, происходит в жизни; и бывает, и имеет практическое подтверждение очищение души, или ее познание через "плач и слезы"; и "молчание" приводит к прощению и терпению, пониманию и благу; и "медитация" как способ самопогружения и самопознания нужны и полезны человеку практически. Нет категорий философии, которые не проверялись бы в горниле человеческой и общественной жизни. Если они бесполезны или ложны, они уходят из души, сознания, памяти, из словаря, из употребления – из бытия общественного человека.

Тому, что может и должна почерпнуть современная наука XXI века на современном уровне развития из философии, посвящена и данная статья.

Какие еще аргументы остались у противников позиции, что философия имеет полные права называться не только наукой, но и претендовать на роль эталонной науки, на роль носителя идеала естественных и гуманитарных наук, на роль идеального и сущностного основания всех частных наук как их генетическая и субстанциональная основа?

§ 20. Может ли наука иметь иррациональную составляющую.

Один из важнейших, фундаментальных, как кажется представителям современного толкования науки, аргументов против признания философии наукой заключается в утверждении, что философия имеет массу не только "метафизических" категорий, но еще и массу разного рода "иррациональной" составляющей. Более того, есть целый поток "иррациональной философии", имеющей своих классиков, при этом внутри этого потока есть опять-таки теории, концепции, позиции, диаметрально противоположные, взаимоотрицающие друг друга.

- Наука есть рациональное постижение (освоение) мира! Только то, что соответствует этому положению, может претендовать называться

наукой! – категорично настаивают на своем противники философии как науки, забывая, что наука признает и вдохновение, в творчество, и страсть, и увлеченность, и трудолюбие, и преданность, и веру в успех, и т.д. и т.д. – массу иррациональных моментов, необходимых ученому в его деятельности. Почему же тогда она не может включить в себя еще и то, что мы уже выше перечисляли: совесть, стыд, честь, достоинство, милосердие, любовь, дружба, долг, верность, сострадание, патриотизм, толерантность, чувство красоты, доброта и т.д. и т.д. Причем тут мистика, вера в чудеса, суеверия, спиритуализм, столоверчения и масса банальной чертовщины...

Что же, уточним еще раз позиции. Есть представители современных естественных и гуманитарных наук, которые предлагают считать наукой и научной только те дисциплины, которые только и только рационально постигают (осваивают) мир. К ним, как видели выше, относится и Дж. Холтон. Чтобы не путаться раз за разом и чтобы не затевать чисто терминологическую дискуссию, назовем эту позицию, имеющую право на существование, "узким или специальным пониманием науки", в отличие от другой более широкой трактовки понятия "наука". Есть трюизм, что язык носитель народной мудрости. Если верить этому утверждению, то можно заметить, что говорят об "исламских науках", которые далеки от классического западного понимания "науки", от традиционной трактовки понятия "наука" учеными. Кстати, выражение "ученые богословы" с позиции научного понимания науки, такая же белиберда как "круглый квадрат" или "масляная чернота". Что-то подозрительное чувствуется не только в делении науки на "эмпирические науки" и "теоретические науки", но и в таких определениях наук как "сельскохозяйственные", "инженерные", "строительные" и даже "педагогические", "кулинарные", где присутствует изрядная доля иррациональной интуиции и творческой составляющей в каждом шаге и мгновении деятельности. Уже не говорю о "научно составленных гороскопах", "научной хиромантии", других формах "научного" (ненаучного) прогноза будущего наряду с научной футурологией, использующей такие методы как исторические аналогии, экспертные оценки, компьютерное моделирование и т.д. Поэтому приходится вводить и еще и промежуточные звенья как "псевдонаука", "лженаука", "ненаучные знания", "вненаучные знания", "донаучные знания" и тому подобное, где, наука и, вроде, присутствует, и, вроде, отсутствует. Присутствует, но неправомерно, искаженно, иллюзорно, по видимости, не по существу, бутафорично, декоративно, лишь внешнее и т.д.

Мы выше на примере работы Холтона показали, что есть одна точка, где наука и религия соприкасаются. Они, по мнению Холтона, не имеющие ничего общего ни в мировоззрении, ни в предмете, ни в методологии и методах, имеют общую цель – благо человека, его телесное и духовное

здоровье, обеспечивающие ему счастье в земной (временной, бренной, тленной, тварной и т.д.) и, если таковая признается, в вечной (божественной, потусторонней, сверхъестественной, сакральной, бессмертной и т.д.) жизни. Философия как наука в ее широком смысле включает в себе рациональное и иррациональное постижение (освоение) истины, красоты и доброты в абсолюте. Она, философия, наука о бытии абсолюта в человеке и о бытии человека в абсолюте. Она, философия, наука о духовной и практической деятельности общественного человека по реализации заложенных в абсолюте его возможностей. Наука в узком смысле, т.е. как чисто рациональное постижение (освоение) мира, абстрактный (частичный) момент философии как науки, в полном и точном (идеальном) смысле и значении понятия "наука". Современные естественные и гуманитарные науки являются частью более широкого феномена социальной материи, а именно: философии как идеальной (в этом смысле эталонной) науки. Современные естественные и гуманитарные науки без этой составляющей (философии в нашем смысле) и не науки в точном истинном смысле. Они социальные и философские абстракции, т.е. фрагменты, обломки, части, кусочки и моменты деятельности общественного человека по конкретизации в абсолюте изначально заложенных в нем (в абсолюте) в абстрактной возможности таких категорий бытия как истина, красота и добро.

Если все ограничивается только выяснением и расчетами того, как из атомного ядра извлечь его энергию или дистанционно диагностировать трещину в газопроводе, то это в полном смысле слова и не наука, а чисто рациональная гносеологическая процедура, абстрагированная и от человека, и от общества, и от природы, и от абсолюта с его развитием через общественного человека. Но без этого наука не является наукой, то есть составляющим человеческого бытия. Без человека науки быть не может. Тогда она бездушная, бесчеловечная социальная абстракция, а в силу этого метафизически ложная, злобная и уродливая. Объективно, онтологически в основе каждого научного исследования лежит усилие абсолюта реализовать в себе через общественного человека потенциалы истины, красоты и добра. Знания, абстрагированные от этого основания, абсолютно ложны, уродливы и злобны. Такая абстракция, то есть отрыв от человека, потенциально превращает истинные знания естественных и гуманитарных наук, в нечто противоположное их изначальному смыслу. Такие знания становятся социально (а тем самым и в абсолюте) бессмысленными, потерявшими свой истинный (идеальный, абсолютный) смысл и значение. И цель таких знаний замыкается в тупике "знания ради знания", "истина ради истины". А должно быть знания ради человека и абсолюта, истина ради человека и абсолюта! Тогда наука становится действительной наукой, ведущей к реализации красоты и добра в человеке,

обществе, природе и абсолюте с помощью полученных ею истинных рациональных знаний.

Путь к истине, красоте и добру в абсолюте не исчерпывается только полученными естественными и гуманитарными науками рациональными знаниями, какой бы глубиной истинностью они не обладали. Это лишь одна из задач по реализации той цели, к которой направлены усилия философии как науки.

Философия есть духовное постижение абсолюта. Но духовное нельзя сводить только к рациональному освоению мира, как это делают представители науки в ее узком смысле.

Литература:

1. Хотя некоторые философы видят достоинство философии именно в том, что она во все времена остается инвариантной самой себе. Например, Гуссерль видел в историческом подходе к трактовке философии методологическую ошибку, как рефлексии философии, так и построения философских концепции. С его точки зрения философия должна быть такой наукой, которая давала бы всем наукам неизменные основания их существования, служила бы неизменной основой всех наук, т.е. научной основой всех наук. Рахманкулова Н.Ф. пишет: "Статья "Философия как строгая наука" является программной для первого периода феноменологических изысканий Гуссерля. Философия, отмечает он, стоит на пороге великого поворота. Открывается возможность осуществить то, к чему она стремилась веками, т.е. стать точной наукой. Превратившись в строгое учение о безусловных идеальных первоначалах познания и бытия, философии утвердит на незыблемых основаниях высокие идеалы и ценности человечества, станет прочным фундаментом всего здания наук" (Хрестоматия по зарубежной философии конца 19-начала 20 столетия. М., 1995. С. 22).
2. Э. Гуссерль. Философия как строгая наука // Хрестоматия по зарубежной философии конца 19-начала 20 столетия. М., 1995. С. 23.
3. Рахманкулова Н.Ф. Эдмунт Гуссерль // Хрестоматия по зарубежной философии конца 19-начала 20 столетия. М., 1995. С. 22.
4. Э. Гуссерль. Философия как строгая наука // Хрестоматия по зарубежной философии конца 19-начала 20 столетия. М., 1995. С. 24.
5. Не станем пока углубляться в детальный анализ различий и нюансов различных концепций, носящий иррациональный характер. Например, чем иррационализм эзотерической философии отличается от иррационализма в спиритуализме, мистике и т.д.
6. Не вдаваясь в детали, что такое "теоретическая философия", отметим, что такое разграничение философии как некой концепции и философского подхода к проблеме встречается в литературе довольно часто. Вот пример: "...Положение проблемы времени между теоретической философией и фактической историографией... и делает такую проблему весь

специфической и оригинальной" (А.Ф. Лосев. Античная философия истории. М., 1977. С.29).

7. См. Лосев А.Ф. Античная философия истории. М., 1977. С.31.

8. Холтон Дж. Что такое "антинаука"? // Вопросы философии. 1992. № 2. Чтобы не загружать текст многочисленными ссылками, мы выделим тексты Холтона, взятые из данной публикации, в дальнейшем курсивом без указаний на работу и страницы.

9. Там же. "История уже неоднократно доказывала, что невнимание к роли и значению науки, недоучет или прямое игнорирование научного миропонимания могут повлечь за собой самые опасные последствия, открыть дорогу самым зловещим общественным силам. В этом обстоятельстве кроется возможность крупных политических ошибок и дестабилизации общества". (С.?).

10. Лосев А.Ф. Античная философия истории. М., 1977. С.321.

11. Холтон Дж. Что такое "антинаука"? // Вопросы философии. 1992. № 2. "Пронаучная" картина мира конца XX в. представляет взгляды и позицию зыбкого, уязвимого, отнюдь не могущественного общественного меньшинства"

12. См.: Чумаков А.Н. Философия глобальных проблем. М, Знание, 1994 г. (в 1996 г. издана на китайском языке издательством Народного университета Китая), а также: Философия как индикатор открытости общества. В кн.: "На пути к открытому обществу. Идеи Карла Поппера и современная Россия". Сб-к статей. Под ред. А.Н.Чумакова. М. "Весь мир", 1998.

13. Миронов В.В. Онтологическая сущность этики // Вестник Московского ун-та. Сер. 7. Философия. 2001. №1. С.15-16.

14. Гегель. Философия религии. - М., 1976. Т.1. С.261.

15. Дидро. Соч. - М., 1986. Т.1. С.304.

16. Дешан. Истина, или истинная система. - М., 1973. С.460.

17. См. Поршнева Б.Ф. О начале человеческой истории. М., 1977. С. 31-33.

18. Лосев А.Ф. История античной эстетики. М., 1992. С. 340.

19. Лосев А.Ф. История античной эстетики. М., 1992. С. 324.

20. Лосев А.Ф. История античной эстетики. М., 1992. С. 324.

Фрагмент IV

*Грановский А.М
Днепропетровск*

Люцифер – как символ трагедии человечества

Идеальное существование небесной иерархии зиждилось на Законе божественной любви. Любовь есть сама сущность Бога.

Мир и благополучие сущностей небесных и сотворенных существ земных изначально предопределено Божественным планом. Подразумевается, что только преданность этой любви, исполнение воли Творца приносит радость и полное блаженство небесному воинству. Любовь Бога одинакова для всех.

Творца окружали совершенные творения - венец гармонии и красоты, чуждые каким-либо низменным побуждениям, греховным мыслям и эмоциям. В Эдемском саду царят покой, согласие и братская любовь.

Однако, не всех в «датском королевстве» устраивало такое положение вещей. Грех зародился практически в королевских покоях. Грех зародился в том, кто был приближен и возвеличен, кто облачен могуществом и силой, кто не отражал сиянье славы Божьей, а находился в ее лучах. «Ты был помазанным херувимом, чтобы осенять, и Я поставил тебя на то; ты был на святой горе Божией и ходил среди огнистых камней». (Иез. 28:14)

«Сын зари», «святой и непорочный», осеняющий херувим Люцифер... Если пользоваться земными понятиями и попытаться найти ему место в «табели о рангах», то напрашивается аналогия с командиром подводной лодки, который есть первый после Бога. Господь наградил его красотой и могучим умом, однако не прочитал в его сердце. «А говорил в сердце своем: взойду на небо, выше звезд Божиих вознесу престол мой и сяду на горе в сонме богов, на краю севера; Взойду на высоты облачные, буду подобен Всевышнему» (Ис.14: 13,14).

Лавры сына Божьего, восседающего одесную от Отца небесного не давали покоя Люциферу. Мучимый завистью, обуреваемый гордыней и тщеславием, Люцифер возжелал для себя подобного места.

Итак, «святой и непорочный» в своей груди взлелеял практически все человеческие эмоции: гнев, гордыню, зависть, тщеславие, честолюбие, эгоизм. Т.е. все те качества, от которых Творец так старался оградить человека, все качества, которые так успешно в человеке процветают.

Господь сам возвысил Люцифера: «...ты печать совершенства, полнота мудрости и венец красоты...» (Иез. 28:12-15). Гордость сущности небесной и гордыня падшего ангела суть разные понятия. Гордость сущности небесной подразумевает чувство собственного достоинства, не позволяющее совершить ничего низменного, и гордыня, перерастающая в спесь, гордыня, граничащая с брезгливостью, отталкивающая руку

кормящего, не знающая жалости и сострадания. «В преисподнюю низвержена гордыня твоя со всем шумом твоим; под тобою подстилается червь, и черви – покров твой» (Ис. 14:11). Свои лучезарные одежды, в коих драгоценными камнями были все божественные добродетели, падший ангел поменял на отвратительный покров червивый. Можно смело говорить, что черви это не столько «покров твой», сколько теперешнее состояние душевное, в котором находился Денница. А сколько червей одевает покровом душу человеческую? Ведь недаром бытует выражение «человек с червоточинкой». Гложут душу человеческую червячки самомнения, безразличия, сомнения, лени, зависти.

Люцифер недоволен своим положением, несмотря на максимальную близость к Богу. Желание быть к Отцу ближе, чем Сын естественно перерастает в желание занять и место самого Творца. Возможно, на первых порах Люцифер просто неосознанно ревновал Иисуса к Богу, но эта ревность была первым ростком желания власти. Имея власть, он мог утвердиться в своей исключительности. Именно это желание победило все те необыкновенные таланты и дарования, которые были заложены в этой сущности. Каким же образом достичь заветной цели, заняв достойное для себя место? Конечно же, только привлекая на свою сторону Ангелов, которые и были воинством небесным. Практически Люцифер составил первую программу действий при «дворцовом перевороте». Ангелы – (читай народ) - живут по Законам Божьим, не помышляя для себя иной доли, не допуская мысли о нарушении хоть одного из положений этого Закона. А Люцифер обвиняет Бога в авторитарности и доказывает им, что Законы не для них, поскольку Ангелы выше обитателей иных миров, они святы, и нарушить Законы Божьи изначально не могут. Люцифер старается внушить Ангелам, что, подчиняясь Господу, они находятся в своеобразной кабале, а свободу могут обрести, только если он, Люцифер, добьется надлежащего ему положения. Как ни удивительно, но нашлись среди Божьих детей те, кто был недоволен своим положением. Рейтинг Люцифера пополз вверх.

Еще одно качество проявилось во время этой битвы гигантов. Но уже со стороны Ангелов. Люцифер был ими любим, и имел достаточно сильное влияние, зная об этом. А, поскольку «в доме Отца моего обителей много», Люцифер решил, что может повести за собой и остальные миры. Часть Ангелов была предана Люциферу безоглядно. Однако не последнюю роль сыграло и то обстоятельство, что Люцифер занимал высокое положение и был связан с Божественным правлением. Это может быть ярким примером почитания авторитета и занимаемого положения в иерархической системе.

Но не так просто, как кажется, давалась Люциферу борьба. Мятущаяся душа его не давала покоя ему самому, разрываясь между любовью и верностью Богу и любовью к самому себе.

Бог терпеливо наблюдал за мучениями «сына зари». По милосердию своему он дал понять Люциферу, что для него он остается ближайшим помощником и союзником, но Сын Божий будет всегда по правую руку на престоле.

Покаяние и смирение – вот те два шага, которые Люцифер не смог сделать навстречу Богу, чтобы вернуть все на круги своя.

В своей мудрости Господь счел возможным дать падшему Ангелу проявить себя в делах своих. Только делами мог он показать, чего добивался, какими путями к этому шел. И Господь отмерил Люциферу время его правления на земле. Но какое поле битвы избрать Люциферу, чтобы наиболее весомой и яркой была его победа? Появление человека определило цену победы Люцифера над Богом. Вначале подтолкнуть к непослушанию любопытное дитя – Еву. Затем использовать чувство любви Адама к Еве и заставить его совершить собственно земной поступок – поддержать жену свою в этом непослушании и создать постулат о том, что «муж и жена одна сатана»... Именно сатана, поскольку выступили они против Закона Божьего не вдвоем – Адам и Ева, а втроем: муж, жена да еще сатана. Первая победа одержана: люди изгнаны из рая, прокляты, рожают в муках, добывают свой хлеб в поте лица своего. Апофеоз первой битвы добра со злом – акт братоубийства.

Своей вотчиной низверженный Денница сделал подземный мир: «...Как упал ты с неба, денница, сын зари, разбился о землю, попиравший народы» (Ис. 14:12). Однако его легаты беспрепятственно проникают в мир людей, таких же изгнанников, как и их хозяин. Благодаря их стараниям, люди забыли, кто они, часто не понимают цели своего существования. Не слышат Слова Господня и все дальше и дальше уходят от исполнения Божьего плана: « И увидел Господь, что велико развращение человеков на земле и что все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время» (Быт. 6:5).

Небесное противостояние впоследствии было спроецировано на Землю и повторилось в истории Христа и Иуды, Цезаря и Брута, Моцарта и Сальери... Каждый на земле имеет где-то за спиной своего Люцифера. Можно сказать, что библейская история небесного «дворцового» переворота была предупреждением существам человеческим на будущее. Просто люди не смогли ее, как следует осмыслить.

Претворяя свои замыслы в жизнь, получив возможность влиять на род людской на земле, Сатана заставляет людей роптать против Бога, обвиняя его в попустительстве злу, бездействии, промедлении с наказанием или ниспосланием благодати. Дух противоречия не позволяет многим людям понять свой долг, ибо он не всегда совпадает с их желаниями. Как долготерпеливый учитель или родитель, Бог позволяет человеку пойти на поводу своих желаний, однако потом тот сам же и пожинает плоды своих прихотей. «Но народ Мой не слушает гласа

Моего...; Потому Я оставил их упорству сердцу их, пусть ходят по своим помыслам» (Пс. 80:12,13). Человек постоянно находится под соблазном прислушаться к шепоту лукавого, но не к голосу совести или долга. Почему? Да просто потому, что куда приятнее потакать своим слабостям и желаниям, чем заставить себя трудиться, преодолевая препятствия, испытывая разочарования, взлеты и падения. Лень души – самый страшный грех перед Богом. От лени души безответственность, безразличие, равнодушие, моральная нечистоплотность.

Возможно, ли осуждать Люцифера? ... не судите, да не судимы будете. Кто из людей может сказать о себе, что не подвластен гневу (не Божьему, а тривиальному, порой необъяснимому, беспричинному)? Кто не мечтал о власти, но не для того, чтобы обратить ее возможности на благо, а для того, чтобы утвердиться самому, и избавиться от своих мелких комплексов, кто не бунтовал в душе против бессмысленных указаний начальства, порой действительно стоящего ниже на ступеньку по уровню развития, кто не мечтал переkreить существующий уклад жизни под себя?

В своем бунте Люцифер максимально приблизился к человеку и удалился от Бога. Так и сейчас человек максимально удален от Бога и продолжает лелеять свои качества, унаследованные от Люцифера. Порой кажется, что он-то и был отцом первого человека, передав их чуть ли не на генном уровне. Можно, конечно и подумать: от кого же Ева родила первого земного человека?

Так или иначе, но человек появился на свет – может по любви, может по великому грехопадению.

Оставшись с большим носом у дверей рая, ощутив на себе тяжесть карающей отцовской длани, незадачливое дитя Божьего эксперимента решилось на свой собственный эксперимент под названием земная жизнь.

То, что ждало человека после королевской роскоши небесного сада мало походило на место, пригодное к осуществлению этого решительного шага. Наверное, маленькой небесной твари (простите, творению) так неожиданно свалившейся с небес, было не до долгих рассуждений о путях Господних, о преимуществах рая перед адом. Мысли пошли по другому руслу: холодно, голодно, непонятные ужасные соседи, рыкающие и ползающие, не сулящие поддержки и сострадания, но норовящие скорее урвать, чем предложить, и рядом нежное существо, которое требует мужского плеча и комфорта (хотя бы по первобытным меркам).

Наверное, к большому удивлению родственников сверху, вопреки их ожиданиям, воплям о прощении, просьб о возвращении обратно под сень райских кущей, человек постепенно начал обживать на новой родине. Пребывая в состоянии первобытного стресса от увиденного, перенесенного, от удивления самим собой, человек не успевал заняться ни богоискательством, ни психоанализом и первоначально не испытывал каких-либо потребностей в анализе душевных коллизий. Прочно и

уверенно оседал он рядом с плодородной нивой, благословенными лесами, обрастал наследниками, трудился и потел, потел и трудился, рожал в муках,... То есть все, как отец и предрекал... И не было рядом в то время ни его, ни лукавого оболъстителя. Оба, видимо, готовили в тишине и покое свои предвыборные программы. Наверное, по Божьему промыслу, шло время разбрасывать камни, и на этом этапе человек должен был научиться стоять на ногах сам. Но стоять он научился, а пришло время, учиться ходить и собирать все, что набросал.

Ходить можно было направо и налево, вперед и назад, а ходьба, как известно, предрасполагает к размышлениям и созерцаниям окружающих красот. Учитывая все, что человек натворил на земле, благоустраиваясь и адаптируясь, можно было, найти время для самореализации как личности. Человек обрел право выбора.

Вот тут – то все и началось.

Находясь на первой ступени развития, так сказать в младенческом возрасте, творение Божье не обращало внимания на соблюдение каких-то обрядов и ритуалов в общении с высшими силами. Постепенно чадо росло и ощущало потребность каким-то образом выразить свое отношение к окружающему миру. Господь наделил его способностью рисовать. Малолетний граффити начал свои опыты в изобразительном искусстве не с изображения отцовского лика, а старательно измарал подходящие для рисования поверхности изображением кого и чего угодно, в частности и изображением самого себя. Образ героя, побеждающего, а не поклоняющегося, весьма пришелся по вкусу человеку. Охотник, попирающий добычу, дама в шкуре убитого доблестным рыцарем льва или леопарда, туша мамонта, обеспечивающая достаток в племени. Как не запечатлеть такие моменты, как не увековечить себя, любимого, для потомков.

Однако всевидящий Отец возревновал к славе человека. Пришла пора напомнить о себе и дать подзатыльник распустившемуся ребенку. Создатель хочет служения и почтения. Зарвавшемуся в своей гордыне человеку указано место с возникновением религии.

Обратившись к небесному, человек не отошел от земного. Отношения с Богом перешли в качественно новую плоскость: прося у Бога покровительства, исполнения каких-либо неотложных желаний, пусть даже благих, процветания для себя и своих близких, человек продолжал усердно взращивать Дьявола в себе и рядом с собой. Так дьявол участвует во всех религиозных распрях.

Появились дети, а с ними появились и морально-этические проблемы. Авель и Каин чудный образец первобытного воспитания и борьбы старшего с младшим за право первенства. Всему учил отец небесный в райском саду под сонное журчание ручейков и лепет листьев вечнозеленых кущей, только не общению с отпрысками, ибо не

предусмотрено было в программе Божьей их появление. И действительно, откуда взяться родительской любви у Адама и Евы, если она с лихвой возмещалась любовью родительской Отца небесного. Атавистической мелодией этой любви есть любовь материнская, с ее желанием защитить, укрыть, принести себя в жертву, только не дать в обиду свое дитя, и чаще всего, дитя неразумное, не всегда самое удачливое.

Вполне возможно, что Каин был вторым после Люцифера, кто отошел от Бога и поправил его заповеди. Вполне возможно, что именно Каин был плодом запрещенного дерева. К чему стремился он, кроме желания быть перед лицом Бога первым? А может в Каине, зрел протест против Бога? Возможно, что на земле с Каином повторилась бы история небесного бунта? Возможно в нем зачатки атеизма? Каин дерзостен перед Богом уже не как неразумное дитя согрешивших родителей, а как человек, который подспудно ощущает свое отличие от окружающих, ибо Бог не есть для него непререкаемый авторитет. Он не простирается ниц, не ищет оправдания своему поступку, заботится о сохранении своей жизни и ставит это условием Богу, даже не просит прощения, а просто «... пошел Каин от лица Господня и поселился в земле Нод, на восток от Едема» (Быт. 4: 8,9, 14-16). Человек... Первая сущность, родившаяся от полубожественных родителей, явившая модель поведения человека. Пусть еще с элементами поведения обиженного ребенка: с надутыми губками, обиженными взглядами, бурчанием в адрес неразумных родителей-тиранов. В общем – «дурак – сам дурак». Как знать, возможно, Люцифер являлся Каину для душевных бесед о смысле жизни, о том, что Каин человек и ничто человеческое ему не чуждо, т.е. он, Каин имеет право на страсти, сомнения, собственное мнение. Конечно же, мальчик Каин получил уличное образование, понял, что опыта лучше набираться «не по учебникам», а самостоятельно набивая синяки и шишки, поскольку родители не удосужились обеспечить ребенку судьбу золотой молодежи. Это уже потом люди поняли, что только дураки учатся на собственных ошибках, а умные – на чужих. Забавно, что об Авеле – мученике и праведнике – поскорбили, выразили соболезнование и не более. Каин же, мятущийся дух, вошел в литературу, живопись и был первым, воистину живым человеком, о котором так мало сказано в Библии.

Весьма интересно проследить параллель между развитием человечества и его известного спутника - многоликого, многогранного, великого и ужасного, талантливый провокатор и мистификатор, лукавого искуителя и рокового погубителя.

Довлеющим чувством в человеке есть чувство гордыни, перерастающей в манию величия. Сметливый лукавый очень хорошо это понимает. Развитие человека от первобытного состояния к цивилизованному homo sapiens проходит множество градаций. Человек все более убеждается в своей исключительности, в своей гегемонии в

окружающем мире. Но кто дает ему эту уверенность в себе, граничащую с самовозвеличиванием, кто позволяет человеку ставить себя рядом с Творцом всего сущего? Кто-то ведь нашептывает на ушко сладкие речи о всемогуществе и вседозволенности... Человек понимает, что в мире он не одинок, что кроме Всевышнего, до которого высоко, на земле рядом живет Некто, понимающий и сочувствующий. Человек поселяет рядом с собой, а не под землей, среди кипящих волн серы, не в угрюмых подземных лабиринтах и темных скалистых ущельях создание, которое пройдет с ним через всю его жизнь, заменяя или подменяя собой Бога. Создание, которое заставит его испытать безумие блеска славы, сладкое головокружение от исполнения самых невероятных желаний, создание, которое заставит испытать его, человека, боль унижений и утрат, страх и ужас перед завтрашним днем, заставит роптать и богохульствовать. Но ведь это все и называется жизнь!

Большая заслуга Сатаны в том, что он не дает заснуть в человеке еще одному чувству – чувству совести, заставляет человека хоть изредка вспоминать о Боге и обращаться к нему, когда эта самая совесть не дает покоя. Тем самым Сатана устраивает постоянное испытание и самому Творцу – надолго ли хватит божественного терпения, любви, всепрощения после всех проказ любимого дитяти. В этом постоянном соперничестве между двумя сильнейшими человеку отведена не самая лучшая роль. Он – «колбаса» в божественно-адском бутерброде. Самое же обидное заключается в том, что человек остается тем же несмышленным зародышем, каким и был в момент творения, и козни и проделки дьявольского родственничка ничему его не учат. Своей предрасположенностью идти на поводу у лукавого человек напрочь отвергает пословицу о пресловутых граблях и наступает на них снова и снова. Может быть даже с удовольствием.

Наступает момент, когда человеку хочется увидеть своего постоянного спутника и напарника и он начинает пытаться воссоздать образ того, кто так ненавязчиво ведет его по стезе греха. Оказывается, что для осуществления этой цели существует немало методов и инструментов. Множество из них, наверное, подсказаны самим великим провокатором. Исподволь предлагает он общение со своим миром, приоткрывая завесы тайн потустороннего. Зная, что человеку свойственно любопытство, причем в, не всегда, достойных проявлениях, с совершенно невинным выражением на лукавой морде, Сатана приглашает человека заглянуть в головокружительные бездны неизведанного и обещает приобщения к тайнам, которые скрывает Господь, а он, друг человека, ради его же, человека, пользы, раскроет их перед лучшим своим другом, ничего не требуя взамен. Ничего, кроме сущей безделицы...

Связь между искусителем и человеком неразрывна вот уже многие тысячелетия. За это время человек успел создать окончательный портрет

традиционного Дьявола, который почти убедил человека в чуть ли не родственных отношениях между ними. Однако, душевные сомнения по-прежнему не оставляют человека в покое, едва живая душа, не способная к беспросветной лени, заставляет его двигаться либо к свету, либо в беспросветный мрак отрицания, в бездну зла, где как рекрут пополнит она собой ряды сатанинского воинства. Ослабевший от постоянной борьбы человек, дабы избавиться от душевных мук, пришел к своеобразной трактовке борьбы добра со злом – рождению атеизма. Эта доктрина заставляет человека пасть до уровня душевного нигилизма. Человек объявляет войну Богу, не понимая, что совершает над душой самый настоящий акт вандализма, заставляя ее, да и самого себя, бороться против собственного Отца, что и входит в планы Дьявола – убить Бога руками его же ребенка. Видимо не понимает человек того, что он навечно связан духовной пуповиной с высшим миром, своей прародиной, и без подпитки отцовской энергией обречен на гибель не только телесную, но, что еще страшнее – духовную. Тогда, с полным основанием можно будет назвать человека тупиковой веткой эволюции жизни на Земле.

Литература

1. Библия. Ветхий завет
2. Д. Бертран Рассел “Мефистофель. Дьявол в современном мире” С. – Петербург, 2002г.

*Шубин В.И.
Днепропетровск*

Современный опыт теодицеи и антроподицеи

Настоящий трактат – естественный результат духовной эволюции автора. Если первый этап творческой биографии Левита – Броуна Б. можно обозначить как поэтический, то последующий, начиная с середины 90-х годов, характеризуется усилением религиозно-философских исканий, которые опредметились в двух оригинальных книгах: «На Бога надейся» (Санкт-Петербург «Алетейя», 1998) и «Рама судьбы» (Санкт-Петербург, «Алетейя», 2000). Первая, написанная в эпистолярном жанре, хотя и не относится по своему стилю к академической философии, но пронизана тревогой за состояние духовной атмосферы эпохи и затрагивает с христианских позиций широкий круг проблем существования личности в условиях, обезличивающих человека. Вторая представляет собой сборник эстетико-художественных и религиозно-философских эссе, написанных в остро полемической форме и пропитанных болью за судьбу искусства в христианском мире.

Вообще-то смысложизненная, в том числе и религиозная, проблематика является нервным центром и поэтических сборников Левита – Броуна Б. и особенно последнего – «Лишний росток бытия» (Санкт-Петербург «Алетейя», 2001). В предисловии к нему (с.5-60) дан обзор всех

его поэтических сборников и содержится обстоятельная оценка поэтического творчества Левита – Броуна Б. Позволю процитировать некоторые строки из предисловия к сборнику «Лишний росток бытия», которое, кстати, очень точно названо – «Поэт во времени (очерк творчества)»: « Высшим духовным пластом книги, несомненно, являются стихи прямого религиозного содержания,... Я подчеркиваю – высшим духовным пластом, потому что художественные достижения не всегда и не непременно связаны с духовными прозрениями. Впрочем, в книге «Лишний росток бытия» встречаются поистине восхитительные совпадения духовной и художественной высоты, как, например, вот это:

Одиноких прогулок Водитель –
Ты давно уже бродишь со мной!
Тихий Праведник, вечный Родитель.
Бог молчащий, но паче – живой.

И печальную ризницу мира
озарив духовеньем святым,
Бережешь Ты меня от кумира.
Ну а лира... на то она лира,
чтоб вздыхать иногда по своим.

Здесь и в других религиозных стихах Левит– Броун Б. находит для себя окончательные решения, духовно избирает высшую возможную направленность путей. Это пути к Богу и пути в Боге. Общение с лучшими из религиозных стихотворений сборника – это уже процесс настолько духовно-интимный, что я не стану их цитировать в обзорной статье. Позволю только порекомендовать возможному заинтересованному читателю предпоследнее стихотворение этой книги – «Что мне жизни россыпи»... Оно как раз и относится к числу тех удивительных духовно-художественных откровений, которых в поэзии лишь единицы» (с. 59). Таков вывод интерпретатора поэтического творчества Левита – Броуна Б.

Что касается упомянутых в начале книг, то в них уже проявился талант оригинального религиозного мыслителя. Обзор проблематики книг и оценка их содержания даны в послесловии к «Раме судьбы» (с. 338-349). Рецензент обе книги отнес к жанру мировоззренческой эссеистики, ибо объектом рефлексии в них является судьба человека, блеск и нищета его бытия, то есть трагическое несоответствие между должным (Образ и Подobie Божие) и сущим (духовное ничтожение, тенденции к расчеловечиванию). Все срезы человеческого существования рассматриваются в книгах именно в аспекте этой глубочайшей экзистенциальной антиномии. Но, как отмечает рецензент, по своему целевому назначению «На Бога надейся» и «Рама судьбы» - светская форма христианской апологетики (с. 347), но уже в условиях бездуховного

плюрализма и активного внедрения в массовом менталитете максимы: «Бог мертв». И опять несколько строк из рецензии на книги: « Пора уже понять, что защита веры и обличение воинствующего безбожия не являются монополией какой-то одной организации, а есть святое дело каждого мыслителя и художника, обеспокоенного судьбой современного мира. Именно такова духовная позиция Бориса Левита-Броуна, автора религиозно-философских трактатов и эссе, сохраняющего и продолжающего традицию святоотеческой и русской религиозно-философской культуры» (с. 347-348).

Рецензент книг отмечает такую стилевую особенность трактатов и эссе автора как исповедальный тон повествования. Ни тени объективизма, холодной описательности, равнодушной констатации. Все изложенное вытекает из личного опыта, глубоко выстрадано, отлеглось не только в сознании, но и в сердце, окрашено страстной эмоциональностью. «Истину, убеждения, мировоззрение, - отмечается в рецензии,- нельзя одолжить. Их надо самому выработать, выстрадать своим опытом и духовно-волевыми усилиями. Доверие к Бытию должно возникнуть из страстных поисков смысла жизни, не допускающих лжи и фальши ни в отношении мира, ни в отношении себя самого, из предельно искренних ответов на «проклятые вопросы» без рисовки, без угодничества перед общественным мнением, без страха перед клеветой и обвинениями. Так писал Августин свою «Исповедь», Абельяр – «Историю моих бедствий», Монтень – «Опыты», Паскаль – «Мысли», Лев Толстой – дневники, а задолго до них всех Марк Аврелий – «Беседы с самим собой». Этой же трудной стезей идет и Борис Левит-Броун» (с.341).

В поэтических прозрениях и трактатах Левита – Броуна Б. есть что-то от неопита, поставившего целью «глаголом жечь сердца людей». Обличение сущего, проповедь должного, защита подлинно человеческих ценностей, упование на победу Духа и обретение дороги к Храму – все это вкупе с богатством выразительных средств и неповторимых стилевых особенностей воздействует не только на мысль, но и будит чувство, а единство мысли и сердца создает наилучшие условия для формирования убеждений, высшей формой которых является вера.

Трактат «Зло и спасение» - иного рода; в нем совершается рефлексия над сакральным текстом – Библией и религиозно-философскими концепциями Экхарта, Беме, Бердяева, Соловьева, Франка и других мыслителей. В настоящем трактате Левит – Броун Б. выступает уже в новом качестве – в роли исследователя, интерпретатора, аналитика, хотя, конечно, художественный талант продолжает пульсировать и здесь, особенно в 3 и 4 частях настоящего трактата. Но поскольку цели другие, то на первом плане в трактате строгая доказательность, логическая непротиворечивость, системная обоснованность концепции, корректная полемика с мыслителя прошлого и настоящего, но и бескомпромиссность в

защите Священного Писания и христианского вероучения. Это именно **теоретическое** исследование, представляющее собой новый, притом оригинальный вариант теодицеи. Отталкиваясь от Бердяева, но, отнюдь, не повторяя его, автор дополняет теодицею антроподицеей, то есть одновременно теоретически обосновывает бытие Бога и человека. Структурно части первая и вторая посвящены, поэтому теодицее, а третья и заключение, в основном, оправданию человека как Образа и Подобия Божия. Таким образом, содержание и стиль исследования говорят о том, что из-под пера автора вышел **теологический трактат**.

Возможно ли такое? Ведь Левит – Броун Б. искусствовед по образованию, литератор, художник и отчасти музыкант по роду своей деятельности, что весьма далеко от богословских штудий. Однако **светская теология** – традиционен феномен духовных исканий России. Славянофилы заложили основание внецерковной Реформации и их усилия были подхвачены такими блестящими религиозными мыслителями как Юркевич П.Д., Соловьев В.С., Федоров Н.Ф., Бердяев Н.А., Булгаков С.Н., Трубецкой Е.Н., Лосский Н.О., Флоровский Г.В., Франк С.Л., Карсавин Л.П., Флоренский П.А. и другие. Церковь настороженно относилась к их теоретической деятельности, но с высоты наших дней видны их заслуги и ценность самого феномена **светской патристики**, а ведь никто из них и не помышлял о карьере профессионального богослова. «Оригинально, по православному,- замечал Бердяев Н.А. в своей работе «Русская идея»,- богословствовать начал не профессор богословия, не иерарх Церкви, а конногвардейский офицер в отставке, помещик Хомяков. Потом самые замечательные религиозно-философские мысли были у нас высказаны не специальными богословами, а писателями, людьми вольными. В России образовалась религиозно-философская вольница, которая в официальных церковных кругах оставалась на подозрении» (Вопросы философии, 1990, № 2, с.102). Поскольку официальное православие по-прежнему недоверчиво относится к «теологам со стороны», как правило, из науки и искусства, то феномен светской теологии продолжает существовать. И тому еще одно подтверждение – настоящий трактат Левита – Броуна Б., Ибо неизбежно появление вопроса: храмы стоят и даже открываются новые, но почему гаснет вера и что делать для ее возрождения? Бердяев Н.А. с грустью замечал, что многие живут так, как будто нет Бога. Но даже если и верят, то во что и в кого? Скорее так, как выразился о себе Соловьев – отец: верующим был, но христианином не был. Не трудно увидеть, что несметное множество людей жаждет потребительской магии и плоского законничества. И какая разница, откуда исходит пафос утвердительности, препятствующий омертвлению цивилизации, - с церковного амвона или из кругов светской интеллигенции?

В чем своеобразие богословской позиции Левита – Броуна Б.? Суммируем в тезисном порядке его кредо. Во-первых, автор открыто и решительно занимает позицию **дуализма**, то есть признания двух

несотворенных, безначальных и равноценных по своей мощи субстанций – Бога и меона. Бог есть абсолютная сущность, безначальный и вечный Свет Жизни, абсолютная Свобода, абсолютное Бытие. Меон есть абсолютная и безысходная тьма небытия, безграничное и несотворенное Ничто, оцепенелый универсум противоречивых потенций, абсолютное небытие. В самой идее меона еще нет никакой новизны, оригинальность здесь в интерпретации меона и в понимании диалектического характера отношений внутри бинарной оппозиции: Бог – меон. Автор дистанцируется от пантеистического неоплатонизма Экхарта, согласно которому ипостасный Бог рождается из Ничто, из безначального и бесконечного *Gottheit*. Не приемлет он и концепцию Беме о рождении Бога из безначальной тьмы (*Ungrund*) и наличии в Боге темного начала, то есть зла. Полемизирует Левит – Броун Б. и с Бердяевым, который, по его мнению, некритически перенял у Беме идею рождения Бога из меонической, а значит omnipотенциальной свободы. Ради обоснования абсолютной свободы Бердяев рискованно пошел на признание первичности меонической бездны, из которой, якобы, рождается Божественная Жизнь и Свобода. Между тем меон есть черная воля к Ничто, антибытие, то есть источник зла, рождаясь из которого, Бог неизбежно наследует негативную потенцию.

Таким образом, **первое**, что постулирует в своем трактате Левит – Броун Б. – это неустранимый дуализм безначального Божественного Света и безначальной меонической тьмы; несотворенность, неистребимость обеих контрарных реальностей: Бога и меона. Из данного постулата в дальнейшем вытекают все последующие и вообще вся концепция Бога и человека, природы и истории, жизни и смерти, добра и зла. Спрашивается, как это согласуется с христианской концепцией Бога – творца и вообще с монотеизмом? Автор, разумеется, не отвергает такой атрибут Бога как Всемогущество, тем более не впадает в политеизм. Меон – не Бог и всякие обвинения в манихействе здесь беспочвенны. Меон – онтологическая реальность, функционирующая в отрицательном аспекте. В религиях мира обязательно наличествуют полярные начала, персонифицированные определенным образом: Ормузд и Ариман, Будда и Мара, Яхве и Вельзевул, Аллах и Иблис, Христос и Антихрист и т.д. В данном конкретном случае деструктивная функция возложена на меоническую реальность. Но где же она? – Там же, где и Бог: вне мира и в нем, в природе и в истории, в вечности и в мгновении. Не будем забывать, что перед нами теоретический трактат, в котором в качестве исследовательского инструментария используются содержательные категории, обладающие эвристической силой. Меон есть **теоретический конструкт**, помогающий построить такую религиозную картину бытия, которая проясняла бы источники зла и реабилитировала Бога от пустопорожних обвинений.

Наука широко пользуется теоретическими конструкциями – допущениями, создавая в каждую эпоху теоретическую модель бытия, то есть

научную картину мира. Почему же это недопустимо в теологии? Экхарт и Беме, а в наше время Тейяр де Шарден попытались это сделать и что же: учение первого было объявлено ересью, к счастью для него посмертно; второй шесть лет был под домашним арестом за публикацию книги «Auroga», а третьему вообще было запрещено печатать свои работы и они вышли посмертно. В современной теоретической физике такие теоретические конструкции как «сингулярное состояние Вселенной», «гравитационный коллапс», «виртуальные частицы», «кварк», «гравитон», «многомерные пространства», «мировые геодезические линии» и т.д. широко вошли в обиход и без них немыслима современная научная картина мира. Между тем все это познавательные модели, теоретические допущения. Никто ведь и никогда не видел и не фиксировал с помощью приборной техники кварк, гравитон, гравитационные волны, сингулярное состояние и тому подобное, ибо все это **гипотетические объекты**, но тем не менее они включены в физическую реальность и в них физики верят. Почему же меон не может быть постулирован в качестве суперреальности, полярной Божественному Бытию в целях обоснования религиозной картины мира и человека?

Необходимо помнить все время о цели трактата: **оправдание Бога и человека**. Исторически существует много версий теодицеи, но все они не - убедительны. Лейбниц, введший в человеческий лексикон сам термин, полагал, например, что Бог допускает зло ради эстетического разнообразия. По мнению Левита – Броуна Б. Бог по ту сторону добра и зла. Гипотеза меона в данном случае выполняет служебную функцию, а именно: освобождает от необходимости богооправдания, ибо причина зла в меонической свободе. Такой ход мыслей приводит к неизбежному выводу – **зло неистребимо**, поскольку меон несотворен, вечен и, стало быть, тоже неистребим. Именно поэтому в трактате обосновывается позиция вторичности добра, которое инициируется динамическими силами зла. Это есть **второй** существенный и оригинальный аспект настоящего трактата.

Причины зла в этом мире всегда вызывали головную боль у верующих мыслителей. Как правило, его источник виделся в самой человеческой деятельности. «Мы сами выковали чаши добра и зла, в них судьбы наши» (Омар Хайям). Но в христианской теологии одновременно источником зла и его носителем считается Антихрист, то есть Искуситель. Августин доказывал, что человек сам виноват, раз поддается искушению и потому творит грех, ибо у него есть свобода выбора. Но на это можно возразить, а почему Всемогущий Бог попустительствует Искусителю? Не является ли он орудием Бога, как это изображается в «Фаусте» Гете. Бог ни прямо, ни опосредовано не должен быть причастен к злу! В этом пункте позиция автора трактата бескомпромиссна, так как затрагивается образ Бога, о чем пойдет речь дальше.

Левит – Броун Б. онтологизирует зло – его источником является несотворенный меон -, но одновременно субъективизирует добро – его

сферой является человеческое существование. Казалось бы, логичнее было объективировать то и другое: меон – носитель зла, а Бог – добра. Но опасность подстерегает с двух сторон. Онтологизация как зла, так и добра ведет к отрыву их от человека, тогда он превращается в слепое орудие объективных сил и лишается способности к личному выбору. Деонтологизация, наоборот, снимает проблему объективных оснований и сакральных императивов, создавая условия для субъективистских интерпретаций зла (софисты, скептики), а то и для обоснования прав человека на зло (киренаики, макиавеллизм, маркиз де Сад). Ибо если отвергается объективный критерий зла, то исчезает таковой и применительно к добру. Автор трактата идет здесь по лезвию бритвы и, пожалуй, его позиция больше согласуется с эмпирической реальностью. Добро, доказываемое в трактате, моложе зла, оно есть реакция на зло, мир лежит во зле, и не усилия добрых могут спасти его, а только упование на Сверхдобро, то есть на Бога. Ни апологии зла, ни толстовского добротолубия, но суровый и лишенный всяких иллюзий вывод о мощи зла и о спасении от него только в Боге, поскольку одних человеческих сил в противостоянии кипящей тьме меона явно недостаточно.

Прошедший век можно квалифицировать как век зла, ибо он вошел в историю как время массовых преступлений и кровавых репрессий. Рост зла и его массификация свидетельствуют о том, что в современном человеке на первый план выступает злое начало и человеческая сущность подвергается роковому испытанию. Зло вошло в моду, в искусстве и философии постмодерна оно стало объектом эстетизации и легетимизации. Французский философ постмодернистского направления Бодрийяр Ж. так и назвал свою книгу - «Прозрачность зла» (М., Добросвет, 2000), фиксируя его всепроницаемость в современном социуме. И действительно, зло творят правые и левые, гуманитарии и технократы, правители и массы, фанатики и умеренные, ибо общим является одно – приверженность идолам нашего времени: нигилизму, релятивизму, гедонизму. XX век дал слишком много доказательств тому, что бездуховность неизбежно катализирует зло, порождая цинизм и тоталитаризм, притом обратного хода к святости нет. И результатом этого может быть сознательное отречение от совести и эскалация сатанизма, что имело место в национал-социализме. Но это может быть, как показала наша практика, тоже породившая цветы зла, желанием насильственно осчастливить человека, пытаясь создать рай на земле, не считаясь с жертвами. Революционная святость, оказывается, легко культивирует максимализм целей и средств и легко обходит диалектику идеала и путей его реализации.

В условиях разорванности идеала и реальных возможностей его воплощения существующее приносится в жертву несуществующему, настоящее – невозможному и тогда обещанный рай оборачивается актуальным адом. Абстрактный идеал, совершенно очищенный от трансцендентных

ценностей, оборачивается воплощенным злом, становится духовной гильотиной, рано или поздно находящей материальное воплощение и физическое применение. Только одни люди в этом случае выступают в качестве мессии, другие – инквизитора, а третьи – жертв. А вроде бы хотели бороться со злом, но без Бога и против Бога. Трактат Левита – Броуна Б. в этом смысле необычайно актуален, поскольку пронизан идеей, что борьба со злом без Спасителя обречена на провал, ибо противостоять меону может только Бог. Сами же по себе человеческие феномены, отъединенные от святости, лишь провоцируют на зло: политика – порождает террор, экономика – конкуренцию, культура – развлечения, Церковь – клерикализм, наука – технику и технологическую гонку, техника информационных процессов – манипулирование общественным сознанием, чем искусно пользуются вульгарные вожаки и циничные интеллектуалы, утверждая свою волю к власти. А в основе всех этих устремлений – корпоративный или личный эгоизм. Невольно вспоминается отец Браун у Честертона, который на вопрос: «Кто хуже убийцы?» - отвечал: «Эгоист». Впрочем, в трактате на эту тему немало точных и ярких обличений, имеющих место во всех разделах.

Логика данного варианта теодицеи, то есть субстанционализация зла в форме меона, потребовала иначе взглянуть на Писание и переосмыслить атрибутику Бога, а значит и пойти против некоторых теологических постулатов. И это **третий** отличительный момент трактата. Прежде всего, Левит – Броун Б. переосмысливает функцию райского дерева и самого акта грехопадения. По его мнению « древо познания добра и зла» есть **знание Творца** о меонической тьме, о ее силе и тайне. По ту сторону тварного космоса идет предвечная борьба Бога со злом, и древо познания символизирует предвечную победу Бога над злом, бытия над небытием. И в глубочайшем духовном аспекте грехопадение раскрывается, прежде всего, как драма поруганного доверия. Дело не только и не столько в ослушании, в нарушении запрета, ибо ни страха, ни смерти райский человек еще не знал и жил с Богом. И не злом прельстил человека Сатана, на зло он бы не откликнулся, а претензией на человекобожие. Тем не менее, в действиях Бога после нарушения первыми людьми запрета нет ничего карательного. Бог есть Любовь, и он никого не карает и не проклинает. Причастившийся к меонической тьме человек теперь уже нуждается в искуплении и Спасении, то есть в долгом и мучительном пути к бытию в гармонии с Богом. И не было проклятия Божия, Бог спасает, а не проклинает. Бердяев Н.А. не уставал повторять, что карательные функции Бога и представления о Нем как о Судье есть пережиток социоморфных представлений, перенесение чисто человеческих, антропоморфных представлений на Бога. Это есть полное искажение Божия образа, суждение о Нем по образу и подобию падшего человека.

Проклятие, замечает в связи с этим автор трактата, не есть воля и действие Бога над тварью, проклятие есть воля твари и ее участь жить без Бога

и в безбожии. Бог только творит и только спасает, проклинает же себя сама тварь. Все это очень логично следует из аксиомы о меоне, поскольку Бог наделяется исключительно положительными атрибутами, а старые библейские слова обретают совершенно иной и тоже положительный смысл. Конечно, есть и могут быть иные интерпретации «райского дерева» и вообще грехопадения, но нельзя делать только одно – кощунствовать. Например, Фрэзер предложил заслуживающую внимания версию древа познания добра и зла, которая, по его словам, снимает темные пятна на репутации Бога и «выставляет характер Божества в гораздо более привлекательном виде» (Фрэзер Дж.Дж. Фольклор в Ветхом завете. М., Политиздат, 1986, с.32).

Но автор прослеживает не только образ и действия Бога, но также образ и действия **человека**, то есть первых людей. В массовом сознании сложилась стойкая традиция представлять Бога и человека сквозь призму карикатур Жана Эйфеля и язвительных острот Лео Таксиля. С одной стороны недалекий, импульсивный и раздражительный старик, а с другой – сущие придурки, не ведающие, что творят; да такими они и выглядят в балете «Сотворение мира». Но и ученые мужи имплицитно придерживаются сходной позиции. Вот пример рассуждений такого честного и умного мыслителя современности как Эрих Фромм: «В истории Адама и Евы присутствует, повеление Господа не есть яблоко, и человек – или если быть вполне честным – женщина оказывается способной сказать «нет». Она проявляет неповиновение и даже склоняет к неповиновению мужчину. Каков же результат? По мифу, человек изгоняется из Рая, то есть человек выходит из пред-индивидуалистического и пред-сознательного, предысторического и, если хотите, предчеловеческого состояния – состояния, которое можно сравнить с состоянием плода в утробе матери. И его извлекли из Рая и заставили идти по дороге истории. ... С первого акта неповиновения началась история человека, и этот акт стал первым актом свободы» (Фромм Э. Психоанализ и этика. М., «Республика», 1993, с.207).

Вот так! Грехопадение оказывается сущим благом и это типическое прочтение библейской книги «Бытие». Станным образом не замечается космическая катастрофа и роковые последствия богоотпадения. Автор трактата, вступая в область библейской экзегетики, прочитывает текст аутентично и дает совершенно иную версию грехопадения и иной образ первых людей. Как уже отмечалось, автор считает, что никаких плодов добра на райском древе не было, и Сатана искушал первых людей плодами с древа познания зла. Это было прельщение идеей титанизма, человекобожия, актом сознательного нарушения Божьего запрета, испытанием собственной воли, то есть свободы. И нельзя в данном нарушении видеть источник человеческого знания и завершения «дочеловеческого существования». То было лишь познанием зла и утерей духовной цельности. Тем более кощунственно оправдывать грехопадение уже не светскими, например, ссылкой на прогресс, как это имеет место у

Фромма, а религиозными мотивами. Автор справедливо полемизирует с Августином и Фомой Аквином, которые полагали, что грехопадение имело положительный смысл, поскольку позволило Богу раскрыть Себя в последующих ипостасях – в Сыне и Святом Духе. Полагать так, значит косвенно тешить себя мыслью, что зло благодатно и Бог попустительствует ему. Но Богу не нужно ни зло, ни добро; зло ворвалось в мироздание через человека и с Преображением, когда настанет время Нового Неба и Новой Земли, исчезнет не только зло, но и добро. Такова позиция Левита – Броуна Б. и она заслуживает пристального внимания своим позитивным содержанием и новизной интерпретации Библии. Нужно только приветствовать опровержение самой мысли о необходимости и даже желательности грехопадения. Автор остроумно расценивает это как род религиозного безумия.

Концепция грехопадения устойчиво коррелируется с проклятием и наказанием. В своей предельной форме она воплощена в идее вечных адских мук. Здесь теологическая мысль стоит перед дилеммой: или принять эту идею и верить в ад как трансцендентную реальность, но тогда сохраняется образ карающего Бога – или отбросить в принципе саму мысль о нескончаемых адских муках, отстаивая тем самым максимум «Бог есть Любовь». Позиция автора трактата выражена безо всяких оговорок: Бог не сотворил ни смерти, ни ада. Отход от ортодоксальной позиции в этом пункте составляет **еще одну особенность** трактата. Рай сотворен Богом, ад же – кошмарная, правда, падшего человека. Зло, прорвавшееся в мир, после грехопадения и есть ад, никакого другого ада нет. Мир после грехопадения получил адскую ориентацию и зло, стало центральной темой мировой жизни, а наибольшим злом стала смерть. Человек, познавший зло есть раб знания зла, а не раб Божий. Гегелевская диалектика господина и раба в отношениях между Богом и человеком совершенно неуместна. Но при этом надо помнить, что борющиеся в человеке добро и зло неравносильны. Зло уходит корнями в сверхтварный меон, а человек – тварное существо и сам по себе противостоять мировому злу не может. Поэтому без Бога нет человека; единственный Спаситель человека – Бог, а единственный путь к Спасению – творчество.

В этом пункте автор наследует проблему творчества и спасения у Бердяева Н.А., но решает ее в русле собственных прозрений. Бердяев Н.А. – мыслитель мирового масштаба – много и с присущей ему гениальностью писал о творчестве применительно к религиозной жизни. Труды его широко известны, но трагедия мыслителя и его наследия заключается в том, что они известны и не более. Его пророческая мощь и удивительная прозорливость остаются пока «вещью в себе» и не нашли путей к социальной практике, к духовному и религиозно-церковному обновлению. Церковь постаралась пройти мимо его богословских трудов и не сделала никаких выводов из бердяевской критики институциональной религии и предложенных им реформ христианства. Подхватывая эстафету Бердяева Н.А., автор трактата учитывает и минусы в

позиции своего духовного учителя, которые давали повод его противникам компрометировать ими учение великого русского религиозного мыслителя. В трактате правильно констатируется, что Бердяев Н.А. некритически воспринял концепцию Ungrund Якоба Беме. Но главный минус заключается в том, что Бердяев Н.А. перегнул палку в критике исторического христианства и исторической Церкви, что порой переходит у него в критику религии вообще и в стремление заменить ее внеконфессиональной мистикой. Особенно это заметно в его сочинении «Истина и откровение. Прологомены к критике Откровения». Естественно, что в антологии «Бердяев Н.А.: Pro et contre» (Санкт-Петербург, «Русский путь», 1994) ряд авторов, в том числе и современников мыслителя, подвергли справедливой критике некоторые положения религиозной метафизики Бердяева Н.А. и следствия, вытекающие из них.

Левит – Броун Б., прежде всего, осмысливает функцию Бога как Творца и делает это опять-таки нетрадиционно, по-новому интерпретируя текст Писания. Но лучше всего обратиться здесь к настоящему трактату: «Творение – это действие Логоса, Бога – Слова – Воля к раскрытию Своих предвечных сущностных содержаний: Божие Творчество не есть творчество из ничего, потому что ни природно, ни сущностно в Боге нет ни крупицы Ничто. Ведение зла, как мы уже показали, не проникает в Природу Бога – Троицы и не становится частью Божественной сущности, ибо Всеведение и Всеблагость таинственно просветляют и растворяют в Боге зло. Божие творение – это грандиозное творчество из Все, черпание Богом из своего абсолютного Что, которое и есть предвечный Логос, содержащий в себе бесконечность того, что начало, начинает или когда-нибудь начнет быть».

Как можно заметить уже из приведенной цитаты, автор различает понятия «Сущность Бога» и «Природа Бога», четко указывая, что сущность коренится в Сыне, то есть в Логосе, а Природа – в Троице. Здесь интересна полемика автора со всей традицией понимания Божьего творчества, как творчества из ничего, а ведь еще Аквинат писал: «... все, что исходит из ничего, надделено само по себе стремлением к ничто» (цитировано по: Маритен Ж. Критический очерк о существовании и существующем, – сборник «Проблема человека в западной философии. М., «Прогресс», 1988, с.250). Полемизирует автор также с Лосским Н.О., который, желая развести Бога и мировое зло, совершенно противопоставил Бога и результаты Его творения. Но тогда Бог не ведает что творит и для чего творит. И вновь обратимся к трактату: «Мы утверждаем, что самораскрытие Бога в тварных воплощениях Логоса, которое мы называем Творением, не есть творчество «из ничего». Оно не есть творчество ни откуда в смысле чего-либо внеположенного Богу, но лишь восуществление Богом определенных содержаний Своей предвечной сущностной бесконечности в предопределяемых Его Волей границах тварного космоса» (с.). При этом, как подчеркивает автор, падший мир после грехопадения **не является Божьим творением**, а есть результат отпадения от Бога и экспансии меонической тьмы, а значит за это зло Бог, не ответственен,

ибо это не тот мир, который сотворил Бог. Целодуховный первотварный космос по грехопадению распался на два противоположных пласта – материальный и духовный – и Бог не правит в этом мире, а наоборот – распят в нем.

Творчество для Бога есть воля к самораскрытию Своей бесконечности; для человека же творчество есть долженствование, категорический императив совершенствования. «Творчество есть специфически человеческий, ему предначертанный сущностный образ жизни в Боге» (с.). Человечность в этом смысле есть одухотворенность, а духовная жизнь всегда творчество и путь к Спасению. Творение Божие бесконечно и неостановимо, оно продолжается в творческих потенциях человека и творчество – а оно духовный подвиг – есть одновременно способ одоления зла и путь боговосхождения. К сожалению, и тут Бердяев Н.А. абсолютно прав, историческое христианство противопоставило творчество Спасению и Церковь до сих пор опасается творчества. Размышления Бердяева Н.А. о спасительной миссии свободы и творчества до сих пор не ассимилированы православной метафизикой, а Церковь по-прежнему придерживается «этики закона», то есть по сути ветхозаветной вероучительной парадигмы. Между тем Бердяев Н.А. еще в начале XX века подчеркивал: « Мир сотворен Богом, но он не закончен, окончание передано человеку» (Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М., Политиздат, 1989, с.247).

Индивид должен сотворить себя как личность, но это требует морального мужества. « Творческий путь в падшем мире требует героизма. На творчество надо отважиться, ибо оно есть свободное духовное делание в Боге и во имя Бога, а Бог в этом мире распят» (с.). И далее: « Героизм творчества есть самый трудный и единственно подлинный героизм, ибо зло мира есть прежде всего, зло самого человека, черная воля к ничто, отравляющая и отменяющая саму человечность. Воля ни к чему вошла в мир через человека и живет в мире потому, что действует в самом человеке, так что творчество есть, прежде всего, борьба человека с самим собой, духовное сопротивление происку зла в себе...» (с.). Жить свободно и творчески – это и значит сохранить в себе Образ и Подобие Божие. Раздел трактата, посвященный творчеству, написан, что называется, на одном дыхании; на нем неизгладимая печать творческой личности и страстного обличения тех прельщений, которые ведут человека к ничтожению. Надо заметить, что вообще творчество для автора является волнующей темой, ей посвящено немало страниц в обеих книгах – «На Бога надейся» и «Рама судьбы»; имела место также публикация большой статьи «Творчество и спасение» в философском альманахе «Философия. Культура. Жизнь.» (Днепропетровск, 2001, выпуск 15, с.154-171).

В трактате изложена **особая концепция кенозиса**, то есть вочеловечивания Бога в Сыне во имя искупления и Спасения людей. Суть новизны здесь в следующем: « Неполноценно само утверждение: Бог отдал

Сына Своего в жертву. Бог отдал в жертву Самого Себя» (с.). Истолкование сути Христовой Жертвы в таком ключе принципиально отличается от общепринятого. А ведь действительно, суждение, что Бог отдал Сына Своего в жертву, заключает в себе мысль о неравноценности ипостасей в тринитарном Вседержителе. Да это зримо и в той иконе, где Бог-Отец изображен глубоким старцем, Бог-Сын – молодежливой мужчиной, а Бог-Святой Дух – в виде голубя. Куда как приемлимее рублевская «Троица», изображающая Бога-Троицу в виде трех равнозначительных Ангелов. Другой момент новизны в толковании феномена кенозиса: «Самопожертвование Бога есть акт Любви Творца к твари. И суть этой Жертвы не только в том, что пролилась Христова кровь. Крестная мука выражает лишь кульминацию Божественного Самопожертвования. Но жертвенное нисхождение Бога, как милость Любви, есть, прежде всего, само Вочеловечение» (с.). Значит не просто крестные муки, то есть казнь как единовременный акт, а само воплощение в падшем мире, иначе говоря – земная жизнь Христа и есть подлинная Жертва. Более того, автор трактата идет дальше, утверждая: «Христовая Жертва не была принесена единожды, она приносится бесконечно и будет приноситься до конца времен мира сего» (с.). Богочеловек был распят и воскрес, но духовно распятие Христа продолжается, ибо в мире, лежащем во зле, каждый грешник, попирая человечность, распинает тем самым и Бога в себе. В духовном плане, поэтому, подчеркивает Левит-Броун Б., Сын Божий еще не снят с креста. Думается, что такая интерпретация кенозиса не только устраняет скрытые рецидивы арианства и несторианства в понимании тринитарного Бога, но и ориентирует на понимание соприсутствия в каждом человеке Целостного Бога, то есть Отца, Сына и Святого Духа.

Как оценить трактат Левита – Броуна Б.? Если с позиций новых подходов, то это действительно новаторский труд. Однако новизна вещь коварная, одним концом, как палка, она бьет по традиции, по канону, а другим – по автору. Так было и, видимо, будет всегда. Ведь, как уже отмечалось, с каноном-то как раз очень сильные расхождения. Оппозиция Бог – меон принципиально меняет некоторые положения, содержащиеся в православном символе веры и вообще в христианской ортодоксальной концепции Бога, мира и человека, выработанной на Вселенских соборах IV-VII веков. Это, прежде всего, касается некоторых атрибутивных функций Бога, особенно функции воздаяния; отсюда отрицание субстанциональности ада; новая интерпретация грехопадения; новое толкование ряда библейских положений и т.д. – все это входит в явное противоречие с существующей христианской догматикой. Но с другой стороны нельзя забывать и о том, что мир после вселенских соборов сильно изменился. Бердяев Н.А., критикуя христианское учение в ряде аспектов, подчеркивал, что ранний период соборов отражает детство христианства. Если оригинальные прозрения могут послужить теодицее, а в практическом аспекте – воцерковлению людей и

спасению веры, то какая разница, откуда они исходят: от профессионального теолога или же мирянина. Иоанн Экхарт, к слову сказать, заимствовал идею разделения на Бога и *Gottheit* из сочинений представительницы немецкой «мистики любви» Метхильды Магдебургской (см. ее сочинения – *Methilde Machdeburge. Das fliehnde Licht der Gottheit. München, 1887*) и построил на этой основе в целом продуктивную теологическую концепцию, обладающую очевидным дальнодействием. А ведь это был профессиональный богослов, воспитанник богословского факультета Парижского университета, а потом и член Конвента Доминиканского ордена, но уловивший эвристическую ценность в размышлениях простой монахини.

В конце концов, важен поиск выхода из тотального духовного кризиса, охватившего общество, а пути человека к духовному прозрению порой неисповедимы. Рихард Вагнер, например, шел к созданию своих гениальных опер, особенно тетралогии «Кольцо Нибелунгов», отталкиваясь от философии Шопенгауэра, с главной работой которого «Мир как воля и представление» он неожиданно ознакомился в 1854 году. За плечами маэстро уже были «Риенцы», «Летучий голландец», «Тангейзер», «Лоэнгрин» - и вот новый импульс к творчеству. Он после этого четче увидел истоки духовного кризиса общества: мировое зло происходит оттого, что человек пытается построить свое благополучие на незаконном использовании природной мощи и красоты мироздания, в качестве которого выступает золото Рейна и которое он трактует не экономически, а космологически. Зло в материально-зависимых проявлениях и лишь революция в сознании освободит человека от индивидуально-эгоистической заинтересованности, от погони за золотом и может привести к ощущению единой основы мира – в противном случае к его гибели. Заключительный монолог Брингильды в опере «Кольцо Нибелунга», перед самоожжением ее, предельно трагичен: «Глубокие страдания открыли глаза мне в скорби: я увидела конец мира» (Вагнер Р. Избранные работы. М., «Искусство», 1970, с.353). Роковое кольцо Альбериха возвращено ею дочерям Рейна, ибо все, кто желал обладать им, гибнут. Вещное обладание пагубно, кольцо лишь символ несправедливой, безнравственной власти при помощи золота. « Гибельная сила золота, похищенного Нибелунгом, проклятье, тяготеющее над золотом, будут длиться до тех пор, пока оно не будет возвращено природе» (Вагнер Р. Вибелунги. Всемирная история на основании сказаний. М., Из-во Прянишникова, 1913, с.181). Таков вывод вагнеровской трагедии. Не страсть наживы, а любовь становится предметом его следующей оперы «Тристан и Изольда», а «Парсифаль», так негативно расцененный советской музыкальной критикой (см. Друскин М. История зарубежной музыки. М., Музыка, 1983), уже воплощает в форме драмы-мистерии христианские ценности. Грааль – это символ духовной мутации, гимн

мировому братству и нравственному преображению человека. Золотой же телец всегда убивал в человеке Образ и Подобие Бога.

Именно в духе запечатлен образ Божий, что постоянно подчеркивается в трактате. Дух как образ дан человеку изначально, независимо от заслуг; заслугой человека является способность правильно пользоваться дарованием, то есть суметь идти по пути богоуподобления. Если дух от рождения дан человеку как входящий в его сущность пласт бытия, то духовность – это качество духа, приобретаемое благодаря свободе и усилиям каждого конкретного человека. Уникальность человека и состоит в способности духовного становления. Христианство исходит из примата духовного начала и ставит его в основание человеческой личности. Подвиг – это и есть бесконечный рост духовно свободного человека, независимо от внешних трудностей. Автор трактата стягивает обе эти универсалии человеческой жизни, духовность и свободу – в единый тугой узел и строит свою теодицею и антроподицею, исходя из постулата свободы. Именно сквозь призму данной ценности он и прочитывает заново текст Библии о грехопадении. Вслед за Бердяевым Н.А. он настойчиво проводит тезис: Бог творит свободно и человек, в отличие от раба или автомата, тоже должен иметь право выбора; между тем как традиционно в христианстве культивируются послушание и смирение как условия личного спасения. Отсюда и унижительное обозначение человека как «раба Божия».

Русский религиозный мыслитель Федотов Г.П. в статье «Рождение свободы» пришел к горькой констатации: «Свобода есть поздний и тонкий цветок культуры» (Федотов Г.П. Судьба и грехи России, т.2, Санкт-Петербург, 1992, с.254). Но еще печальнее его вывод: «... современный человек не нуждается в свободе. Он предает ее на каждом шагу: в политике, в общественной жизни, в религии» (Федотов Г.П. *Carpen saeculare* – Вопросы философии», 1990, № 8, с.143). Но зато в ходу свобода сомнения, свобода бессилия сделать выбор, свобода зла при безразличии к добру. Как раз положительным аспектом трактата и является обоснование свободы религиозной жизни и религиозного творчества. Да и сама вера должна быть свободна, то есть рождаться из собственных духовных усилий, а не по принуждению и внешнему диктату. Запреты здесь смертельны. Унификация тем более. Заслуживают внимания в этом плане размышления игумена Вениамина (Новика) в его монографии «Православие. Христианство. Демократия» (Санкт-Петербург, «Алетейя», 1999). Джемс У. в работе «Зависимость веры от воли» (Санкт-Петербург, 1904) верно замечал, что религиозное брожение всегда является симптомом интеллектуальной бодрости общества. А когда этого нет, то появляется то, что имело место на архипелаге ГУЛАГ или в национал-социалистическом Рейхе. В Германии сначала Свидетели Иеговы были отправлены в тюрьмы и лагеря и многие обыватели, в том числе лютеране

и католики одобрительно кивали головами, пока не настала их очередь. И не нужно наступать много раз на грабли...

Техногенное общество утратило сокровенные интенции к трансцендентному, Божественному, утерало прямую связь с чистой духовностью. Богословская мысль в протестантизме отразила этот факт созданием «теологии мертвого Бога» (Бонхеффер). Наличие Бога здесь не отрицается, но констатируется минимизация Его присутствия в человеческих отношениях. Отвоевав в борьбе с папством принцип священства мирян, протестантизм перенял от Августина – этого основоположника и католицизма и протестантизма – положение об абсолютном предопределении, согласно которому Бог по своему произволу от века одних предопределил к Спасению, а других – к адским мукам **независимо** от поступков. Вряд ли столь радикальное отрицание свободы отвечает духу времени и катализирует духовные усилия. К тому же протестантские богословы, особенно представители диалектической теологии (Барт, Бруннер, Тиллих, Бультман и др.) так преуспели в демифологизации Библии, что от нее мало что осталось священного. Разве предполагал Лютер, что протестантизм станет таким рационалистическим? И опять оказался прав в своих оценках Бердяев Н.А.: «К.Барт и диалектическая теология есть дегуманизация христианства» (Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М., «Республика», 1994, с. 329).

Несколько иная ситуация в католицизме. Теологическая мысль в нем не раз заходила в тупики, но активно искала выход из них и выходила на дорогу обновления церковно-религиозной жизни (Аджорнаменто). Поворотными вехами здесь, несомненно, являются томизм и тейярдизм; обе богословские парадигмы явились адекватным ответом на вызов времени. После Августина, бесспорно, крупнейшей величиной в католической теологии был Фома Аквинат. Принцип гармонии веры и разума, обоснованный им, сохранял веру и одновременно допускал суверенитет разума. Тем самым осуждалась практика запрета Церковью античных мыслителей, прежде всего Платона, Аристотеля и неоплатоников, а в будущем снималась конфронтация между религией и наукой, теологией и философией. Не сразу Церковь к нему прислушалась, о чем потом пришлось сожалеть. Его собратья внимательно следили за действиями и мыслями в поисках случая похоронить труд Фомы на кладбище ереси. Они добились осуждения доктрины Аквината в Оксфорде и Париже, когда он отсутствовал там для защиты своей концепции. Развитие событий, к сожалению, пошло по пути инквизиционных судов, но со временем теоретические труды Аквината были оценены по достоинству. Наступила пора реабилитаций и возведение томизма в ранг официальной философии Ватикана. Но роковой слабостью томизма является идущая от Аристотеля рационализация душевной стихии человека и недооценка его активности. Бердяев Н.А. замечал по этому поводу: «В томизме человек

не отрицается, но умалывается и унижается, он рассматривается как существо незначительное, не обладающее настоящей свободой и способностью к творчеству...»(Бердяев Н.А. Философия свободного духа. М., «Республика», 1994, с. 329).

Что касается тейярдизма, то фактически сейчас он является одной из самых популярных версий католицизма, которая сопоставима по смелости и масштабам с парадигмами августицизма и томизма. Подобно тому, как августицизм со временем уступил место томизму, то же самое, по нашему мнению, ожидает и его. Тейяр де Шарден П. – автор совершенно уникальной концепции гуманизма, а в плане теологического обоснования союза науки и религии – он Аквинат XX века. И опять роковая судьба новизны: запрет, замалчивание, критика и неизбежное признание. Член ордена иезуитов, священник, ученый-палеонтолог мирового значения, мистик и автор концепции «христианского эволюционизма» испытал на себе при жизни все виды нападок. В 1962 году его сочинения изымаются из католических учебных заведений, хотя изданы они были посмертно. И сейчас ортодоксальный католицизм при всей популярности тейярдизма отвергает его богословский пласт. За что? За идею активности человека и его творческих дерзаний. Уже в своей бессмертной книге «Феномен человека» Шарден четко заявил об этом: только при усилении самих людей, их творческих деяний возможно вступление в мир Божественного совершенства, которое он именует «точкой Омега». Вырастает она из ноосферы, порождающей любовь и всепланетное единство, а в совокупности – духовную энергию, необходимую для прорыва за рамки истории к Новому Небу и Новой Земле. « Все творческие усилия человека, вся его культура и цивилизация, - подчеркивает Шарден, - его любовь, его энергия, его деяния и, наконец, все личные индивидуальности, которые бессмертны, - все это служит воплощению Божественной цели» (Цит-но: Всемирная философская энциклопедия. Москва – Минск, 2001, с.1055-1056).

Тейярдизм есть радикальное обновление догматов христианства. Применение принципа эволюции к мирообъяснению сделало ненужным идею «творения из ничего»; ад совсем отвергается; рай переносится на преображенную Землю, вернее Небо и Земля сливаются; ненужной становится идея Воздаяния. Усилиями людей ноосфера переходит в Теосферу, то есть в «точку Омега». Ко всему еще Шарден полемизировал по вопросу о рождении Христа девою Марией, а значит, вносил сомнение в богодухновенность Евангелий. Самая решительная критика тейярдизма – со стороны томистов. Маритен расценил его учение как повторение «гегелевской теогонии», а Жильсон – как «фальсификацию веры». И все же официальный Ватикан не навесил на Шардена ярлык «еретика»; как бы ни пришлось, потом реабилитировать. Свежий факт: папа Александр VI (Борджиа) велел казнить Саванаролу, а другой папа - Иоанн Павел II в

связи с 500-летием со дня рождения Саванаролы реабилитировал и отнес его к числу великомучеников.

А как же обстоят дела в православном богословии? В принципе ничего не изменилось со времени великого раскола в Церкви. Именно в принципе, а не в деталях. Внецерковная Реформация, как уже отмечалось нами, потерпела поражение. Даже те из научной и гуманитарной интеллигенции, кто принял сан (Булгаков, Флоренский, Мень и др.), не смогли пробить брешь. По существу не принята софиология первого, антиномизм в трактовке Бога второго и религиозная история человечества третьего. А ведь славянофилы, Вл. Соловьев, Николай Федоров, Николай Бердяев, Сергей Булгаков, Александр Мень дали немало идей для реформирования православной догматики, однако со стороны официальной Церкви ответа на вызов времени до сих пор нет. Н.Федоров в целом ряде аспектов почти на 50 лет опередил Тейяра де Шардена, особенно в обосновании активности человека, способности его победить смерть и упредить Апокалипсис.

Однако нужно отличать новизну от моды. «Обновленчество» 20-х годов прошлого века и «перестроечного» периода вовсе не было таковым, объективно оно разрушало Православную Церковь и служило атеизму, а в «перестроечный» и постперестроечный период еще и подыгрывало оккультным и сектантским веяниям. В такие переходные периоды в духовной сфере особенно легко перемешиваются зерна и плевелы. Яркий пример тому – деятельность отца протоиерея Александра Меня. Его диссидентская деятельность 60-70-х годов имела положительное значение; это была борьба за свободу совести и против политического атеизма. Но когда в годы «перестройки» началась его миссионерская деятельность, ситуация изменилась. С ликвидацией цензурных рогаток на поверхность выплеснулся духовный мусор, свой и чужой, и миссионер стал снижаться до уровня аудитории. Это была плата за популярность. Если его «История религии» в целом продумана, то публичные лекции, беседы и интервью нередко являют пример соединения веры и современных форм суеверия. И не надо делать из него мученика, коего якобы преследовала Русская Православная Церковь. Мень А. был награжден всеми священническими наградами, в том числе и высшей – правом ношения митры. Объективный анализ наследия о. Меня, то есть заслуг и срывов, дан диаконом Кураевым А. в его книге «Оккультизм в православии» (М., «Благовест», 1998, с. 13-46), а «История религии» о. Меня - протоиереем Антиминсовым С. в сборнике «Сети «обновленного» Православия» (М., «Русский вестник», 1995, с. 190-233). В богословском наследии о.Александра критике подвергаются в основном, три момента: принципиальная возможность снятия разногласий в символе веры православных и католиков (догмат о нисхождении Св. Духа); признание ценностей нехристианского религиозного опыта, что, в принципе, ведет к признанию возможности

экуменического диалога с нехристианскими религиями; якобы, терпимое отношение к оккультизму, повод к чему дала его лекция «О духовном целительстве». Так или иначе, но даже его фундаментальный труд «История религии» (т.1-7, М., 1991) РПЦ оценивает неоднозначно.

Не трудно догадаться после всего изложенного какая судьба ждет трактат Левита-Броуна Б. В нем достаточно смелый замах на пересмотр принципиальных положений христианского вероучения. Но не надо и отчаиваться. История духовных исканий всегда была историей борьбы ортодоксии и неоортодоксии и все почти заметные представители богословия сочетали в себе то и другое. Одномерна лишь посредственность. Альберт Великий, видимо, под влиянием Стагирита, считал недопустимым противопоставление души и тела. И это в XIII веке! Да порой очевидная ересь оборачивалась неожиданным следствием. Альбигойцы, например, действительно являли собой еретическое движение (манихейство под маской христианства), но своим плюрализмом в решении проблемы брака подготовили духовную почву для появления куртуазной любви, которая затем была воспета в лирике трубадуров. Петр Абеляр подвергал радикальному сомнению священные тексты, доказывая, что ошибиться могли не только Отцы Церкви, но и апостолы. Ориген первый из Отцов Церкви дал системное изложение христианства, но эдиктом императора Юстиниана был объявлен еретиком, потому что отвергал саму идею вечных адских мук. Осуждены Церковью и труды Иоанна Скота Эриугены, который в IX веке развивал идеи, отчасти пульсирующие и в трактате Левита-Броуна Б. Бога он не считал Личностью; Бог есть первичное Бытие, а зло – небытие, поэтому Бог не ведает зла. Бог predetermined человека к свободе и последний сам волен выбирать между добром и злом. Как и Ориген, он считал бессмысленным учение о вечном наказании грешников. Та же судьба у Уильяма Оккама, испытавшего прелести авиньонской тюрьмы; причем его учение – номинализм – осуждалось папством многократно. Устойчивая линия – как только мыслитель предлагает нечто оригинальное, он рискует пополнить ряды еретиков.

Вера в Бога и Его Бытие не могут быть обоснованы только одним – единственным способом. Исторически сложились три варианта оценки роли веры в системе убеждений: 1) «верую, дабы уразуметь» - позиция, сформулированная основоположником западной схоластики Ансельмом Кентерберийским; 2) «разумею, дабы уверовать» - вольнодумствующий вариант, обоснованный Петром Абеляром и отвергаемый официальной Церковью; 3) «верую, ибо абсурдно» - экстремистская формула, приписываемая Тертуллиану. Но вот его подлинные слова из сочинения «О теле Христовом»: «Распят сын Божий – не стыдно, ибо постыдно. И умер сын Божий – это вполне достоверно, ибо нелепо. Погребенный, он воскрес – это верно, ибо невозможно» (Всемирная философская энциклопедия. С.1072). Парадокс, именно Тертуллиан ввел понятия

Троицы, ипостасей Бога, им дано самое раннее обоснование тринитаризма, ему принадлежит первое систематическое изложение Символа веры, перечень семи смертных грехов и, тем не менее, стал не угоден официальной Церкви и не столько по мировоззренческим, сколько по социально-политическим мотивам. В целом патристика отвергла Тертуллиана, якобы, за крайности в отношении к античному наследию и к разуму и не включила его в число Отцов Церкви.

В период схоластики полемика о путях богопознания – а это основная проблема теологии – и об отношении к догматам вероучения вспыхнули с новой силой. Победила позиция томизма: « догматы сверхразумны» и осуждена позиция Оккама – « догматы противоразумны». Но с высоты наших дней видно, что схоластика и вообще теологические размышления есть чисто рациональная деятельность. В этой системе отсчета вера как принципиально алогичный феномен исчезает, поэтому с позиций поборников « чистой веры» на theologов всегда смотрели как на явных или скрытых еретиков; да зачастую так оно и было. Не одобряя «книжников и фарисеев», христианство породило традицию книжной учености, спохватившись лишь в XIII – XV веках – сначала в лице Франциска Ассизского (на Западе) и представителей исихазма (на Востоке). Это было новое выступление против книжной мудрости, за любовь к Богу, а не к тексту, за непосредственное Богообщение в акте интуиции, озарения, «умного молчания».

Каждая эпоха порождает новые проблемы, но и воспроизводит старые в иной модификации и особенно проблему теодицеи. Платой за теистическую традицию является строгий монотеизм. Раз Бог один и един, значит, отсутствует дуальная оппозиция в виде темного Бога (Сет, Ариман, Шива и пр.). А раз один, то Он и несет всю ответственность за Творение, что и порождает проблему теодицеи. Религиозно-философская мысль мучительно билась всегда над тем, как развести Бога и зло. Допустить политеизм – значит сделать шаг назад, к язычеству. Сделать Бога ответственным за зло – значит лишить его Всеблагости. Свалить все на человека – значит лишить его богоподобия, то есть Образа и подобия Божия. Можно, правда, запретить на эту тему рассуждать, как это сделал халиф аль – Надир, утверждая в 1041 году специальным указом Мусульманский символ веры и ориентируя следовать принципу «не спрашивать как» (« била кайфа»). Но и это не эффективно, ибо думать не запретишь, а умолчание лишь невысказанная, правда.

В официальном богословии зло толковалось то, как неполнота добра (Фома Аквинат и вообще томизм), то, как ниспосланное Богом человеку испытание, то, как наказание его. Все это неубедительно. Нельзя же считать неполнотой добра зарево Хиросимы и Нагасаки, мировые войны, массовые эпидемии, крупномасштабные репрессии и концлагеря – эти фабрики по уничтожению людей. А что касается испытания человека или

его наказания – то и другое упирается в Промысел Божий и связывает Бога и зло в неразрывное целое. Решительнее и логичнее поступали гностики, прямо учившие, что мир создан злым Богом или Творение явилось ошибкой, поэтому внизу, в материальном и эмоциональном мире господствует зло. Отсюда делались противоположные выводы. Одни проповедовали крайний аскетизм, а другие возвеличивали зло и не признавали никаких моральных норм; раз тело и душа принадлежат низшему миру, то и спасти их невозможно. Христианина гностическая позиция удовлетворить никак не может, ибо христианство – религия Спасения. И вполне логично, что Церковь всегда боролась с гностицизмом.

Другой радикальный способ теодицеи – удвоение сверхъестественной субстанции. Он должен был возникнуть, поскольку традиционные богооправдательные концепции так или иначе выдают зло за добро (зло есть испытание, наказание, попустительство, неполнота и т.д.). Августин даже находил прекрасным адский огонь. Профессиональные теологи, а первый теологический факультет был открыт в XIII веке в Парижском университете, очень много написали и наговорили в этом духе. В конце концов, теология превратилась в сугубо теоретическое, спекулятивное учение, не имеющее, в сущности, соприкосновения с Откровением и живой верой, хотя Аквинат и называл теологию «*doctrina sacra*». Ибо подход к сакральной тайне как к интеллектуальной головоломке, а тем более превращение ее в предмет публичного диспута, что было типичным в католицизме, есть профанация веры и великой мистерии Богопознания. Кроме того, ориентация на рациональное знание содержит возможность ложного знания о Боге, а это уже грех.

Поиски новых путей богооправдания и привели к дуалистическому толкованию Бытия. Как отмечалось, уже Эриугена пытался отождествить зло с небытием и сделать Бога непричастным ко злу. Ряд его суждений плохо согласовывались с христианской догматикой и его труды в XIII веке были преданы анафеме и сожжению, а то, что уцелело и напечатано в XVII веке, было внесено инквизицией в Индекс запрещенных книг. На дуализме настаивал и Бердяев Н.А., но сам принцип провел непоследовательно, выводя Бога из *Ungrund*. Левит-Броун Б. в настоящем трактате довел данный принцип до логического конца, противопоставив Бога и меон и наделив их диаметрально противоположными функциями. При таком методологическом подходе Бог уже не нуждается в оправдании, последнее остается лишь в отношении к человеку. Конечно, можно спросить: а есть ли он, этот меон; но разве не спрашивают также и о Боге? Можно, критикуя автора, упрекнуть его в том, что в трактате свершилась процедура подмены темного Бога языческих религий безличной отрицательной субстанцией. Да, это так. Функциональная нагруженность меона та же, да только вот такая деталь. Языческие боги – это олицетворение природных стихий; они пребывают в нашем

феноменальном мире (на Олимпе, на горе Меру и т.д.) и лишены качества трансцендентности. Бог и меон в трактовке Левита-Броуна Б. - внемировые и домировые безначальные трансцендентные субстанции, порождающие полярные следствия, которые отзываются на человеке и его судьбе. В рамках данного варианта теодицеи Бог лишается компрометирующих характеристик, перенесенных на Него из отчужденного человеческого бытия, а человек лишается мелочной опеки и отпускается на свободу, чтобы самому нести груз ответственности и сжигать в творчестве злые потенции.

Конечно, в любой концепции можно отыскать уязвимые места, но трудно предложить что-то более убедительное в защиту Бога и человека. Во всяком случае, предложенный вариант теодицеи и антроподицеи созвучен духу времени и может послужить импульсом к дальнейшему его обоснованию. Это необходимо для обновления религиозной жизни. Лютер, борясь за принцип священства верующих, правильно утверждал, что священник знает о Боге не больше мирянина. Узурпация права на истину чревата злыми последствиями. В самой молодой из мировых религий – бехаизме – каждый верующий имеет право на трактовку догматов. Кому это мешает?! Главное – изменение системы ценностей в человеческих отношениях, а не догматы ради догматов. В том же бехаизме основной принцип: « Возлюби ближнего своего больше самого себя» - служит хорошим ориентиром для реализации альтруистической этики. Так может быть, вольнодумство автора трактата тоже обернется в перспективе духовной мутацией задурманенных «массовой культурой» людей, ибо, как выражался Больцман, нет ничего практичнее, чем хорошая теория.

Трактат Левита-Броуна Б. не для массового читателя и, скорее всего, не для сегодняшнего дня. Габриэль Марсель назвал мудрость, для которой не наступило время, - трагической. « В этой перспективе может проясниться, что истинная мудрость нашего века, века абсолютной необеспеченности, заключается в том, чтобы с необходимым благоразумием, но и не без трепетного восторга искателей пуститься по тропам, ведущим, не скажу – за пределы времени, но за пределы нашего времени, туда, где технократы и статистики с одной стороны, инквизиторы, с другой, не только теряют почву под ногами, но исчезают, как туман на заре прекрасного дня» (Марсель Г. К трагической мудрости и за ее пределы. – Сборник «Самосознание европейской культуры XX века». М., Политиздат, 1991, с.364).

Мозаика человеческого бытия

Оформление и верстка: *К.Б. Владимиров*

Технический редактор: *И.В. Пономарев*

Лиц. на издат. деят. от 03.11.2000 г. Подписано в печать 14.12.2011.
Формат 60X84/16. Компьютерный набор. Гарнитура Times New Roman.
Отпечатанно на ризографе. Усл. печ. л. – 14,0. Уч.-изд. л. – 14,0.
Тираж 500 экз. Заказ №

ИПК БГПУ 450000, г. Уфа, ул. Октябрьской революции, 3а